

Олег Александрович Шушаков И на вражьей земле...

Текст предоставлен правообладателем <http://litres.ru>
«И на вражьей земле...»: Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-9533-4201-8

Аннотация

Как известно из истории, конфликт между СССР и Японией на реке Халхин-Гол длился с мая по сентябрь 1939 года и закончился разгромом отдельной 6-й японской армии. 15 сентября 1939 года по просьбе Японии между Страной восходящего солнца и СССР было заключено перемирие.

По версии автора – военного историка, – советское командование, воспользовавшись успехами на Халхин-Голе, на этом не остановилось, а развило наступление и нанесло удар по японцам в Манчжурии и Китае, полностью разгромив Квантунскую армию не в 1945-м, а еще в 1939 году.

Олег Шушаков И на вражьей земле...

Часть первая Монгольский пролог

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет!..

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!..

В. Лебедев-Кумач

Глава 1. «Как много девушек хороших...»

Одесса, август 1936 – декабрь 1938 гг.

– Ни-ко-гда, ни-ко-гда, ни-ко-гда... – безнадежно стучали колеса на рельсовых стыках.

Владимир лежал на верхней полке с закрытыми глазами. Но спать ему не хотелось. Ничего ему не хотелось. А то, что хотелось, было нельзя. Нельзя было выпрыгнуть из вагона и хоть пешком по шпалам, но вернуться назад в Одессу.

А больше ему не хотелось ничего. Даже жить... Сердце сдавило такой тягучей тоскливой болью, что впору было завывать во весь голос!

Он сам был во всем виноват.

И ведь мог бы остаться в авиашколе летчиком-инструктором, если бы захотел.

Витьку Попова, между прочим, оставили инструктором, так он ходил, всем надоедая, ныл и сетовал на свою несчастную судьбу. Ведь мог же с ним поменяться местами! Но не стал! Постеснялся. Подумал – не так поймут.

Дальний Восток... «На границе тучи ходят хмуро...» Ему даже завидовали. Другой бы радовался такому распределению, а он...

Эх, да, что тут говорить! Он до последнего дня так и не решился признаться девушке в любви. Бесстрашный сталинский сокол! А теперь вот лежит на полке и скулит!.. Потому что никогда больше ее уже не увидит! Никогда!.. Никогда...

В конце августа тридцать шестого года Владимир Пономарев был зачислен в восьмую Одесскую военную школу пилотов по спецнабору.

Сначала, как и положено, был курс молодого бойца. Строевая, огневая, тактическая, физическая и политическая подготовка, общеобразовательные предметы – математика, физика, русский язык в объеме средней школы. К концу года все зачеты были сданы, вчерашние гражданские ребята приняли присягу и стали полноправными курсантами.

В декабре из спецроты была сформирована учебная эскадрилья для обучения на У-2. Правда, полеты начались только в апреле. Зимой в Одессе всегда плохая погода – дожди, туманы, слякоть. Поэтому всю зиму Владимир с товарищами просидел в классах. Они изучали матчасть, мотор и авиаприборы. Одновременно учили теорию полета, самолетовождение, теорию воздушной стрельбы. Зубрили «Курс учебно-лётной подготовки школ ВВС РККА» и «Наставление по производству полетов». И только когда земля просохла, наконец-то, приступили к делу.

Полеты курсантов Одесской авиашколы проходили на западном аэродроме, расположенном километрах в пяти от основного аэродрома Одессы.

Замерев в строю, Владимир пытался унять дрожь, волнами пробегающую по телу, то ли от утренней свежести, то ли от предвкушения полета.

Комэска оглядел курсантов и скомандовал:

– По самолетам!

Летчики-инструкторы и счастливчики, которым первым предстояло сейчас подняться в небо, полезли в кабины, а остальные легким бегом направились в сторону «квадрата» – места, отведенного на аэродроме для техников и свободных от полетов курсантов.

Инструктор пономаревской группы старший лейтенант Иосиф Хотелев сел впереди. Во второй кабине У-2 устроился курсант Дьяконов. Он был первый по списку. А остальные, снедаемые белой завистью, ждали своей очереди, сидя в «квадрате».

– За-апус-кай моторы! – прозвучала команда комэска.
– Выключено! – глядя на техника, стоящего возле винта, произнес Хотелев. – Зальем!
– Есть, зальем! – провернул винт техник.
– К запуску!
– Есть, к запуску!
– От винта!
– Есть, от винта! – техник сильно дернул лопасть, срывая компрессию, и отбежал в сторону. Винт крутанулся и, чихая сизым дымом, заработал мотор. Хотелев развел руки в стороны, приказывая убрать из-под колес колодки, и самолет плавно порулил к старту.

Полет по кругу над аэродромом – взлет, четыре разворота и посадка. Несколько минут счастья...

Наконец к самолету вызвали Владимира.

– Старайтесь запомнить направление взлета и ориентиры разворотов, – через переговорный аппарат сказал Хотелев. – Взлетаем!..

Но ничего в этом полете Владимир не запомнил. Кроме захватывающего дух зрелища высоты. И ощущения бесконечности бескрайнего голубого неба.

Когда они оторвались от взлетной полосы и набрали высоту, горизонт словно отодвинулся. И под крыльями раскинулась планета. Огромная и чудесная...

Этот первый полет навсегда остался в его памяти.

Как навсегда остался в памяти прекрасный майский день, когда он впервые увидел Наталью Серебровскую...

Не заметить эту невысокую стройную блондинку с огромными льдисто-серыми глазами было невозможно! Само собой, это была любовь с первого взгляда. Все произошло неожиданно и совершенно безнадежно.

Не так уж много девушек приходится видеть курсанту военной авиашколы.

Распорядок в школе суровый – подъем в шесть утра, кросс и зарядка в любую погоду, занятия строго по расписанию, вечером – самоподготовка, в двадцать три часа – отбой. Личного времени едва хватало, чтобы погладить форму, подшить подворотничок, почитать письмо из дому да написать пару строчек в ответ. Хотя иногда, в выходной, если повезет, можно было несколько часов поболтать по Дерибасовской в увольнении, поесть мороженого и попить на девчонок.

Замкомэска по строевой Иванов отпускал в увольнение только тех, чей внешний вид соответствовал его высоким представлениям о том, как должен выглядеть курсант Одесской авиашколы, будущий пилот РККА. Но это было еще не все. «Иван-царевич», как почему-то прозвали замкомэска курсанты предыдущего выпуска, отпускал в город только тогда, когда кандидат в увольнение перепрыгивал через гимнастического коня. Перепрыгнешь – свободен, а не перепрыгнешь – останешься в спортзале, отрабатывать упражнение. Капитан Иванов был не женат, не пил, не курил и все свое время от подъема до отбоя посвящал родной эскадрилье.

У некоторых курсантов имелись знакомые одесситки, но Владимир Пономарев к числу этих особо продвинутых не относился. Владимир девушек сторонился по молодости лет и природной стеснительности. На самом деле, в свои девятнадцать он даже и целоваться-то еще не умел, не говоря уже обо всем остальном.

О том, что в авиашколе появилась девушка-орденоносец, инструктор по парашютному делу, Владимир слышал, но до сих пор ни разу ее еще не видел.

И вот увидел. И пропал! Сразу и напрочь!..

Летная форма Наталье Серебровской очень шла. В затянутом в талии комбинезоне, улыбчивая и круглолицая, с коротко стриженными белокурыми от природы локонами, она вся светилась, как утренняя звезда. И глядя на Наталью, голова кружилась не у одного только Владимира. Но она поддерживала ровные дружеские отношения со всеми, никого особо не выделяя. Открытый и веселый нрав позволял ей оставаться «своим парнем» в любой компании.

До авиашколы она работала инструктором по обучению прыжкам с парашютом в Одесском аэроклубе. Было ей всего двадцать два года, но пять из них она отдала парашютному спорту. К этому времени Серебровская совершила уже более двухсот прыжков. Она окончила Тушинский аэроклуб и Высшую парашютную школу. Была ученицей Якова Мошковского. Того самого Мошковского, который получил знак Мастера парашютизма СССР вторым в стране. Того самого, который в начале этого лета участвовал в экспедиции на Северный полюс и был вторым пилотом в экипаже Мазурука.

В тридцать пятом году за личную отвагу и выдающиеся заслуги в развитии советского парашютизма Наталья Серебровская вместе с Яковом Мошковским, Николаем Остряковым и другими парашютистами была награждена орденом Красной Звезды.

Эта награда никак не повлияла на нее. Она по-прежнему оставалась такой же озорной хохотушкой, как и до того, как на ее высокой груди, рядом со знаком Мастера парашютизма СССР с трехзначной цифрой на подвеске, засверкал вишневой эмалью и серебром боевой орден.

Ни о каком романе, конечно, не могло быть и речи. Владимир даже смотреть на Наталью не решался, не то, что заговорить. Хотя и считал часы до занятий по парашютному делу. Считать-то считал, но успехами не блистал. Увы, в ее присутствии у него начинало шуметь в ушах и все обрывалось под солнечным сплетением, как будто он совершал затяжной прыжок с большой высоты. Тем не менее учебную программу он осваивал не хуже других и к прыжкам был допущен.

В тот день на аэродроме работала пятерка Владимира. Организационно учебная эскадрилья состояла из двух отрядов, по четыре звена в каждом. В звене – три летные группы по десять человек, которые, в свою очередь, делились на две части для поддержания непрерывности учебного процесса. Каждый летный день одна пятерка проводила на аэродроме, а другая в классе. На следующий день они менялись местами.

Сегодня на построении рядом с инструктором стояла лейтенант Серебровская, как всегда улыбаясь утреннему солнцу. И в глазах у нее искрились веселые льдинки. У Владимира от этого зрелища привычно зашумело в голове. Поэтому он едва не пропустил мимо ушей слова Хотелева, который объявил, что сегодня вместо полетов, они будут прыгать с парашютом. Вчера им об этом не сказали, чтобы они выспались, а не тряслись всю ночь перед первым прыжком.

Владимир, как всегда, был предпоследним. Последним по списку прыгал Витька Попов... Поп откровенно мандражил, поэтому болтал без умолку. Но Владимир ничего не слышал. Он безуспешно пытался справиться с сердцебиением, так как всего в двух метрах от него находилась Она.

О том, что сейчас ему придется шагнуть в бездну, он даже не думал. Не до того было. А когда Наталья, запрыгнув на крыло, поправила лямки его парашюта и что-то прокричала, давая последний инструктаж, у Владимира от этой внезапной близости вообще дух захватило. Слава богу, Хотелев наконец дал газ, и самолет, плавно набирая скорость, покатился по траве.

Пока они набирали высоту, Владимир немного пришел в себя. «Что-то с этим надо делать. Так это продолжаться не может...» – думал он. Хотя внутренний голос и подсказывал ему, что может. Еще как может!..

Хотелев выровнял самолет на высоте пятьсот метров и убрал газ. Владимир посмотрел в зеркало. Инструктор подмигнул ему ободряюще и показал рукой на крыло. Владимир решительно поднялся, вылез из кабины, ухватившись за расчалки, а затем сел на плоскость и свесил ноги. У-2 шел с небольшой скоростью. Мотор было почти не слышно. И ветер оказался вовсе не такой сильный.

– Приготовиться! – прокричал Хотелев.

Владимир нащупал вытяжное кольцо парашюта и сунул руку в «соску» (резинку, прикрепленную к кольцу, чтобы новичок не выпустил его в воздухе с перепугу). Прямо под ногами у него раскинулось зеленое поле аэродрома. Волнения не было.

– Пошел! – крикнул Хотелев, и Владимир, не раздумывая, соскользнул вниз.

Земля стремительно понеслась ему навстречу. Воздух уплотнился под ним, как перина. На счете «три» Владимир дернул кольцо. Его потянуло назад, но скорость падения все еще была велика. Владимир отчетливо и спокойно подумал: «Что-то не так...» Он посмотрел вверх и увидел, что одна стропа парашюта перехлестнула купол. Владимир хотел достать нож и перерезать эту стропу, но понял, что сделать этого не успевает. Земля была уже близко. Он сгруппировался для приземления. И в этот момент очень сильно ударился ногами о землю. В глазах у него потемнело.

Спасло его то, что стропа перехлестнула не весь купол, а только его край. А еще то, что земля в месте приземления по счастливой случайности оказалась более рыхлой, чем в других местах. Весу на армейских харчах он еще не нагулял. Так что ничего себе не повредил, а только отбил пятки. Когда к нему подбежали товарищи, в глазах у Владимира слегка прояснилось.

Только для того, чтобы тут же снова потемнеть.

Потому что первой примчалась Наталья. Она быстро ощупала у него руки-ноги, чтобы убедиться, что Владимир цел. А потом обняла его и поцеловала.

Вот тут-то земля закружилась у него под ногами всерьез. Упасть ему не дали подбежавшие наконец друзья. Они обхватили его со всех сторон, затормошили, и только благодаря этому он не грохнулся под ноги своей красавице и не перепугал всех еще больше.

Витьке в тот день прыгать, понятное дело, не пришлось. И он потом целую неделю ходил и ныл, что вот он уже готовый парашютист, а не может прыгнуть из-за того, что у некоторых стропы купол захлестывают, когда не надо. Впрочем, это он так неумело скрывал свою зависть. Потому что комэска на вечернем построении выдал значки парашютиста всем кроме него. А еще комэска отметил хладнокровие и находчивость курсанта Пономарева, который в сложной ситуации сохранил самообладание и предотвратил несчастный случай, за что ему и объявляется благодарность.

Через неделю они снова прыгали, и на этот раз все прошло штатно. Витька получил наконец свой значок и успокоился.

А Владимир после того поцелуя как-то изменился.

Нет, у него по-прежнему перехватывало дыхание, когда он натыкался на внимательный льдисто-серый взгляд Натальи. Но теперь под ложечкой у него не холодело, как во время затяжного прыжка. Теперь его всего обдавало жаром так, что хоть прикуривай. А еще он потихоньку начал писать стихи...

Вообще-то стихи он писал для стенгазеты и раньше, еще когда учился в семилетке, а потом в деповской школе фабрично-заводского ученичества. А один раз его даже напечатали в многотиражке «За социалистический транспорт». Но это были совсем другие стихи.

Раньше он писал про радость свободного труда и комсомольцев-добровольцев. Теперь же слова сами собой складывались в красивые, но такие несовременные стихи о луне, такой же круглолицей, о волне, такой же льдисто-серой, о золоте волос и прочих совершенно неуместных, никак не связанных с героическими буднями вещах.

Разве мог он прочитать хоть кому-нибудь, например, это:

Отчего же мне так горько,
Отчего саднит?
Отчего сиянье моря
Счастья не сулит?
Безответно, безнадежно
Я смотрю в глаза.
В льдисто-голубом безбрежье
Потерялся я...

Есенинщина! Мелкобуржуазная лирика и сантименты! Да его тут же продернули бы

как надо и высмеяли свои же корешки. И поделом! Он эти стихи даже не записывал. А зачем? Чтобы прятать от товарищей? Достаточно того, что он молчит, и никому ничего до сих пор не рассказал о своей безответной любви.

А как ему иногда хотелось написать письмо любимой и во всем честно ей признаться. Признаться в том, что любит ее без памяти. В том, что шепчет беззвучно и никак надыхаться ее именем не может. В том, что по ночам пишет стихи только о ней.

«Какой ты красный курсант! Ты – гнилой интеллигент, товарищ Пономарев!» – ругал себя Владимир почему зря. А потом забывался, глядя в потолок, и под звучный храп спящей казармы снова складывал никому не нужные строки:

Был день как все, был день обычно-серый,
Тянувшийся неспешно, как всегда,
Но в миг, когда за крыши солнце село,
Сверкнула в небе яркая звезда...

Сиреновой чертой она скользнула
В прозрачный желто-розовый закат
И небо на мгновение распахнуло
Для тех, кто к небу поднимает взгляд...

Сделав три прыжка, Владимир окончил курс парашютного дела. И не видать бы ему больше любимых глаз. Но судьба смилостивилась над ним.

По воскресеньям курсанты, не получившие увольнительной, пропадали на стадионе или в спортзале. Работали на снарядах, бегали, прыгали, играли в футбол. Так делал и Владимир, пока небольшая группа энтузиастов не уговорила начальника авиашколы разрешить им дополнительные занятия по парашютному спорту.

Вести парашютный кружок, естественно, было поручено лейтенанту Серебровской. И теперь все выходные Владимир и еще с десятков курсантов, влюбившихся в этот спорт (а может, в руководительницу кружка, что вернее), проводили на аэродроме. Под чутким руководством настоящего мастера они и сами быстро становились мастерами.

В День Воздушного флота во время праздника после группового высшего пилотажа на истребителях силами парашютного кружка были проведены показательные прыжки.

Наталья совершила затяжной прыжок, раскрыв парашют у самой земли и заставив всех изрядно поволноваться, особенно Владимира. Он и сам просился, чтобы ему разрешили выполнить это упражнение, благо такие прыжки он уже делал во время тренировок. Но начальник школы разрешил показательный затяжной прыжок только Наталье. Остальные кружковцы участвовали в групповом прыжке, когда в небе над аэродромом повисло сразу десять куполов.

На следующий день всем участникам этого десанта приказом начальника авиашколы была объявлена благодарность и предоставлен отпуск на десять суток.

Но съездить домой у Владимира не получалось. Слишком далеко было ехать. Туда-сюда от Одессы до Новосибирска полторы недели. Приехал, поздоровался и обратно. Поэтому он с удовольствием принял предложение своего друга Лехи Маковкина отправиться к нему в гости в Воронеж. В их компанию затесался и Колька Дьяконов, тоже парашютист, как и они, и почти что Пономаревский земляк. Тоже сибиряк. Только ехать к нему было еще дальше – аж до Красноярска.

Отказаться от возможности видеть любимую целых десять дней было для Владимира выше всяких сил. Но выбирать не приходилось, потому что она тоже получила отпуск и уехала в Москву, к родителям. Набиваться в гости к ней Владимир, ясное дело, не посмел...

У Алексея были две младшие сестры – Таня, высокая, темноволосая и кареглазая, и Аня, маленькая, светленькая, с прозрачными голубыми глазами. Одной – уже семнадцать, а другой – почти. Веселые и энергичные девушки тут же взяли шефство над будущими

пилотами и привлекли на помощь Татьянину подружку, длиннокосую и волоокую Тамару. Чтобы и братец не остался безпризорным.

Пользуясь последними летними деньками, ребята не расставались ни на минуту. Гуляли, ходили на танцплощадку и в кино. Бравые курсанты в роскошной форме первого срока с ало-голубыми петлицами и значками парашютистов с подвесками привлекали множество девичьих взглядов, но сестры Маковкины и Тамара присматривали за своими кавалерами ненавязчиво, но в оба глаза, так что никаких шансов у остальных воронежских красавиц не было...

Время в отпуске пролетело так незаметно, что Владимир даже удивился. Он удивлялся и тому, насколько легко ему было общаться с девушками. Никакой неуклюжести. Никакого шума в ушах. Он был самим собой, за словом в карман не лазил, вовсе шутил, и девушки смеялись и смотрели на него своими большими глазами.

В кино они брали билеты на последний ряд. И Владимир, скосив взгляд, видел, что Алексей и Тамара целуются напропалую, но сам на такое не решался. Только держал притихшую Таню за руку и все. И лишь во время прощания на вокзале, перед самым отправлением поезда, она, до этого мгновения старательно не глядевшая в его сторону и необычно оживленная, вдруг порывисто обняла Владимира и припала к его губам в долгом поцелуе.

Он опешил и ответил, как сумел, а она вдруг вырвалась, всхлипнула и убежала. Владимир пожал плечами и порадовался, что Алексей, целиком занятый своей зареванной барышней, ничего не заметил. Старший брат ведь все-таки. Объясняйся с ним потом!

Он тогда долго стоял в тамбуре, уткнувшись лбом в пыльное, закопченное стекло. Разогнавшийся поезд безбожно мотало на поворотах, а он думал о Наталье. И о Татьяне.

Являлось ли все это изменой? Танцы, прогулки под луной, походы в кино. А самое главное, этот поцелуй? И вообще!.. Неужели он такой безнравственный, что любит одну, а голову морочит другой?

Положа руку на сердце, Владимир должен был признаться, что Танина влюбленность ему льстила. То, как она на него смотрела, не могло не льстить его мужскому самолюбию. Но была ли это любовь?

Увы, как ни жаль было бедную девушку, любви к ней Владимир не испытывал. И обманывать ни себя, ни ее не собирался. Он просто весело проводил время в ее компании. И не заметил, как Таня в него влюбилась. А потом уже было поздно.

«Дон Жуан несчастный!» – поморщился Владимир.

Ничего. Отпуск кончился. Он уехал. Она осталась... Все быстро позабудется. И вообще ничего такого не было. Подумаешь, поцелуй на прощание!.. Между прочим, она – сестра его товарища. Ничего и быть-то не могло!.. И прекрасно! Завтра он вернется в школу, и все пойдет по-прежнему...

И действительно, и служба, и учеба снова пошли своим чередом. Владимир и его товарищи закончили обучение на У-2. Сам он налетал на этом замечательно простом в управлении самолете двадцать пять часов и совершил полторы сотни посадок. Осенью в школе появились курсанты-новобранцы призыва тридцать седьмого года, закончившие обучение в аэроклубах. Из них и из курсантов спецнабора были сформированы две эскадрильи. Одна для обучения на истребителях И-16, а другая – на разведчиках Р-5. Курсант Пономарев был зачислен в истребительную эскадрилью.

Зимой они опять не летали, повторяя, словно по спирали, то же самое, что делали зимой предыдущей. Но теперь изучали настоящий боевой истребитель. А еще учили, только на более глубоком уровне, аэродинамику, теорию воздушной стрельбы, метеорологию, тактику ВВС, историю ВКП (б) и многое, многое другое.

Иногда до него доходили вести из Воронежа. Колька Дьяконов переписывался с Аней. И по крайней мере с его стороны это было серьезно. Алексей регулярно передавал ему приветы от Татьяны. Но Владимир только отшучивался.

Однажды он даже получил от нее письмо. Ничего особенного. Коротенькое письмецо с

фотокарточкой. Окончила медучилище. Работает в больнице. Он едва узнал в этой взрослой девушке с красиво уложенной прической и серьезным взглядом ту смешливую кареглазую девчонку с бантами в косичках, с которой когда-то ходил в кино. На письмо он отвечать не стал, но и выбросить его рука не поднялась. Так оно и лежало в тумбочке рядом с несколькими письмами от матери...

Наталию Серебровскую Владимир видел очень редко. Если на выходные выпадала летная погода и назначались прыжки. Лишь тогда он мог незаметно полюбоваться ее озорной улыбкой и природной грацией. И, хотя голова у Владимира уже не кружилась, как полгода назад – каждый раз, когда он видел ладную фигурку и нежный профиль девушки, все полыхало у него внутри.

Но все же что-то неумовимо переменялось в нем за этот маленький отпуск. Повзрослел он, что ли? Но стихи сочинять не перестал:

Там,
На краю неба.
Там,
На краю моря.
Розовое с синим.
Это мое горе...
Розовое – губы.
Синее – стынь-очи.
Мне бы одну.
Ту бы.
С нею бы все ночи...

Иногда ему казалось, что Наталья обо всем уже давно догадалась и рада, что он помалкивает и не лезет к ней с признаниями, потому что он совершенно ей безразличен, и даже противен. И он ходил мрачный и отчаянно месил боксерскую грушу в спортзале.

Иногда ему казалось, что она просто издевается над ним, когда бездумно кокетничает со своими коллегами летчиками-инструкторами, и сходил с ума от ревности и месил эту грушу еще отчаянней.

Иногда он замечал ее пристальный взгляд. Ему вдруг начинало казаться, что она все понимает и жалеет его, и это злило Владимира еще сильнее. И он до посинения ворочал двухпудовые гири. Это помогало, но ненадолго. А потом, маясь от бессонницы, опять до утра сочинял глупые стихи о несчастной любви.

В конце апреля тридцать восьмого года учебная истребительная эскадрилья убыла в летние лагеря Выгода, что в сорока километрах от Одессы.

В лагерях скучать курсантам не приходилось. Владимир налетал за лето еще двадцать часов на спарке УТИ-4 и истребителе И-16, совершив еще почти полторы сотни посадок... Правда, летчик-инструктор у них был уже другой. Иосиф Хотелев в мае месяце попрощался со своими курсантами и уехал, как поговаривали, сражаться в Испанию. Вместе с ним уехало еще несколько опытных летчиков-инструкторов и командиров звеньев учебных эскадрилий. Но на их место сразу были назначены другие. И курсанты, по правде говоря, разницы практически не ощутили. Они шлифовали навыки простого и высшего пилотажа. Учились выходить из штопора, делать петли, перевороты и боевые развороты. Тренировались в ориентировке, отрабатывали элементы воздушного боя и стрельбы по наземным целям.

Кроме того, Владимир много прыгал с парашютом, с тихим отчаянием, подсчитывая часы и минуты, которые мог еще провести рядом с любимой и которые утекали, как песок сквозь пальцы. Число прыжков у него приближалось к сотне, и он сам уже давно исполнял обязанности инструктора, занимаясь с другими курсантами.

К ноябрю и он, и его товарищи окончили курс летной подготовки на И-16 и в палатках летних лагерей ждали приказа о присвоении воинского звания и назначении к новому месту

службы. А в Одессе уже проходил новый набор курсантов.

Во второй половине декабря им наконец выдали документы об окончании авиашколы, присвоили воинские звания младших лейтенантов, экипировали в заветную форму и отправили в части для дальнейшего прохождения службы.

Владимир получил назначение в Забайкальский военный округ. Поп остался в авиашколе летчиком-инструктором. Алексей Маковкин и Николай Дьяконов тоже получили назначение на Дальний Восток, но по пути вышли в Воронеже, чтобы провести там положенный после окончания школы отпуск.

А Владимир поехал дальше.

Нет, он мог, конечно, остаться в Воронеже, как, например, Николай. Но в отличие от друга снова встречаться с Лехиной сестрой не решился. Он подумал, что лучше уж приехать в полк и окунуться в служебные дела, чтобы позабыть Наталью не в объятиях другой, а просто потому, что между ними будет пять тысяч верст...

И вот теперь бесстрашный сталинский сокол и парашютист младший лейтенант Пономарев, промолчав, как рыба, полтора года и так и не признавшись любимой девушке в своих чувствах, лежал на верхней полке поезда дальнего следования, скрипел зубами и ругал себя то ли за трусость, то ли за тупость. То ли за то и за другое одновременно...

Глава 2. «В далекий край товарищ улетает...»

Транссибирская магистраль, январь 1939 г.

...«Здравствуйте, Наташа! Вас, наверное, удивит это письмо. А может, и не удивит. Простите меня, пожалуйста, за то, что я до самого отъезда так и не решился поговорить с Вами. Дело в том, что я Вас очень, очень люблю!...»

Владимир ворочался на полке в вагоне, мысленно в сотый раз, перечитывая свое письмо. Запоздалое признание в любви, которое сегодня, перед тем как сесть в поезд, бросил в почтовый ящик.

– Эй, младшой! Хорош ворочаться! Слазь с печи! Давай до нас! – позвал его снизу сосед по купе, плотный чернявый морской летчик. Судя по большому куску сала, разложенному на газете и готовому для нарезки, природный хохол. – Давай, давай, вливайся в коллектив! – повторил он, увидев, что Владимир уселся на своей полке, поджав одну ногу.

– Давай, хлопец, не журишь! Мы своих не клюем! – весело поддержал его второй моряк, такой же плотный и темноволосый, с залысинами у широкого лба. Он достал из кошелки бутылку водки и жизнерадостно улыбнулся. – Дальний Восток потому и называется дальним, что ехать туда полторы недели! Так что, давай знакомиться! Петр Галушка, летчик-торпедоносец, морская авиация! – он протянул спрыгнувшему вниз Владимиру широкую мозолистую ладонь. – Бывший донецкий шахтер. А это – мой боевой командир!

– Старший лейтенант Павел Якушенко, – представился чернявый. – ВВС Тихоокеанского флота.

– А это наше молодое пополнение. – Галушка махнул головой, показывая на сидевшего у окошка худощавого и белобрысого паренька с одной средней и одной узкой золотыми нашивками на рукаве темно-синего флотского кителя.

Тот застенчиво улыбнулся и протянул Владимиру руку:

– Лейтенант Полищук. Николай... Можно просто Коля.

– Коля у нас прямо с пылу с жару!.. Только что окончил Ейское военно-морское авиационное училище имени товарища Сталина! И, как говорится, с корабля на бал. То есть с бала на корабль! А, впрочем, это две стороны одной медали! – Галушка чиркнул ножом по сургучу и ловко откупорил поллитровку.

– Владимир Пономарев. Летчик-истребитель. Окончил Одесскую авиашколу... – по очереди пожал протянутые руки Владимир.

– Куда следуешь? – бережно шинковал сало Павел.

– Чита.

– Понятно, – улыбнулся Галушка и разлил всем поровну. – Ну, за сталинских соколов! И морских, и сухопутных!.. За альбатросов и орлов!..

– За знакомство! – Владимир выпил, поставил стакан и взял протянутый Павлом шматок искрящегося солью сала, аккуратно уложенный на ломоть черного хлеба. Понюхал и только потом неторопливо откусил. Владимир отчего-то считал, что именно так должны пить настоящие асы.

– Молодец! – усмехнулся Галушка и залпом опустошил свой стакан.

Остальные тоже выпили.

– Значит, выпускник? – спросил Якушенко.

– Ну да! – ответил Владимир. – В декабре звание присвоили.

– Я смотрю, ты много прыгал! – Якушенко махнул ножом в сторону значка парашютиста с цифрой «100» на подвеске.

– Да, вышло так. Парашютный кружок был при школе...

– А я не люблю прыгать, – сказал Петр Галушка. – Летать люблю, а прыгать – нет! Летчик летать должен, а не прыгать! Правильно я говорю, командир?

– Всяко бывает... Сам-то откуда? – поинтересовался Павел у Владимира.

– Новосибирск.

– Сибиряк, значит. А мы с Петро из Луганска, то бишь Ворошиловграда. А ты, Коля? – Якушенко разлил по стаканам остатки водки.

– С Урала. Из Оренбурга, – ответил тот.

– А как в морскую авиацию-то попал? У вас же там, в Оренбурге, своя летная школа есть, сухопутная? – удивился Галушка.

– Направили по комсомольской путевке. А я и не возражал. Море – это красиво. Я ведь раньше моря никогда не видел. А тут – пожалуйста, смотри, сколько хочешь, – улыбнулся Николай.

– Ну, за тех, кто в море! – Галушка поднял свой стакан и подмигнул Владимиру и Николаю. – И за тех, кто над!

Старшие лейтенанты Павел Якушенко и Петр Галушка служили в одной эскадрилье четвертого минно-торпедного авиаполка двадцать девятой тяжелобомбардировочной авиабригады военно-воздушных сил Тихоокеанского флота. Якушенко был замкомэска, а Галушка командовал звеном. Однополчане возвращались в родную часть после учебно-тренировочных сборов летчиков-торпедоносцев на базе Ейского военно-морского авиаучилища.

В Ейске они отрабатывали приемы высотного и обычного торпедометания, в том числе и ночного, по лунной дорожке. Летали и в простых, и в сложных метеоусловиях.

Занятия проводил капитан Токарев, комэска сорок третьей эскадрильи и лучший торпедоносец ВВС Черноморского флота. Горячий поклонник торпедного оружия и новой тактики поражения морских целей, Николай Токарев очень много занимался этими вопросами. С каждым полетом, усложняя для себя и для своих летчиков условия торпедометания, он искал и находил новые приемы сближения с противником, способы определения упреждений, наиболее выгодные дистанции для поражения движущихся и маневрирующих кораблей, тщательно изучал штурманскую работу на торпедоносцах.

Токарев окончил Качинскую авиашколу, но потом долгое время служил летчиком-инструктором в военной школе морских летчиков и летнабов в Ейске. Был командиром звена, а затем командиром авиаотряда. Подготовил более двухсот морских летчиков. За успехи в обучении молодых пилотов торпедометанию в феврале минувшего года был награжден орденом «Знак Почета».

Так что учить Токарев умел. Более того, ему это нравилось. Поэтому и Павел, и Петро ехали назад, на Тихий океан, не только надежно усвоив новые тактические приемы, но и с огромным желанием передать полученные навыки своим товарищам и подчиненным.

Короткий отпуск после сборов, проведенный ими в родном городе, лишь разогрел в них стремление побыстрее вернуться в полк и приступить к полетам...

А пока поезд дальнего следования «Москва-Владивосток» вез их через всю страну, сквозь заснеженные горы и леса, и широкие, застывшие в ожидании весны, реки и степи. А в купе оживленно обсуждались различные авиационные новости. И самые последние, и не очень.

Лишь нелепая гибель Валерия Чкалова три недели назад во время испытаний нового истребителя по молчаливому согласию не упоминалась. Слишком уж свежей и болезненной была эта тема.

Зато очень много говорили о дальнем беспосадочном перелете Владимира Коккинаки и Александра Бряндинского из Москвы до Спасска-Дальнего на самолете ЦКБ-30 «Москва» – модернизированном для перелета серийном дальнем бомбардировщике ДБ-3 конструкции Ильюшина. Галушка и Якушенко летали именно на таком бомбардировщике, и тема была для них очень близкой.

– Восемь тысяч километров! Сутки за штурвалом! – восхищался Галушка. – Это какие же руки надо иметь! Тут после восьмичасового полета висят как плети, – Он потряс своими широкими ладонями. – А ведь это не простые руки, а шахтерские! Ты знаешь, что такое отбойный молоток? – повернулся он к Владимиру. А потом к Николаю. – А ты?

– Да, – соглашался с ним Якушенко. – ДБ-3 в полете болтает, будь здоров! Во всех плоскостях! А высота! Ведь все время в кислородной маске идешь! А слепой полет часами! Это какой штурман нужен! А дальность! Восемь тысяч километров!

– Если надо, Коккинаки долетит до Нагасаки!.. – сильно фальшивя, пропел строчку из известной песенки Галушка.

– И до Нагасаки, и до Берлина, и до Лондона, и до Нью-Йорка, если надо будет! – сказал как отрезал замкомэска Якушенко. – И до тонны бомб может прихватить!

– А у нас в спецроте учился младший брат Владимира Коккинаки, Сашка, – сказал Владимир.

– У них вся семья – летчики. Все три брата, – ответил Якушенко. – Я как-то в санатории отдыхал вместе с Костей Коккинаки. Он у нас на ТОФе служил летчиком-истребителем, до того как перешел на испытательную работу...

Поговорили они и о другом недавнем беспосадочном перелете из Москвы на Дальний Восток – рекордном перелете женского экипажа Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко и Марины Расковой на самолете ДБ-2 «Родина».

– Бардака было слишком много... – сказал Галушка. – Когда они потерялись, мы с Павлом тоже на их поиски летали. Да не нашли, слава богу! А то, хрен его знает, что было бы... Знаете, как комбриг Бряндинский, Герой Советского Союза, убится? Светлая ему память... Полетел их искать на «Дугласе» с журналистами из газеты «Тихоокеанская звезда». Хотя самолет уже нашли, и можно было не торопиться. Но не усидел... А может, поторопили, – он махнул рукой неопределенно. – А там еще и ВВС второй отдельной Краснознаменной армии летали. ТБ-3 с десантом... Ну, они им хвост и подрезали. Все, кто в «Дугласе» был, – вдребезги. А из ТБ четыре парашютиста выпрыгнуть успели... – он покосился на значок на груди у Владимира. – Нам потом знакомый рассказывал, он там был и видел как «Дуглас» обоими моторами врубился в заднюю часть фюзеляжа и в хвост ТБ. И, разламываясь, посыпался на землю. – Галушка пустил в ход ладони, показывая, как было дело. – А ТБ крутанулся волчком, опустил нос, перевернулся на спину, затем на живот, опять на спину... Так все там и остались, в тайге. Пятнадцать человек...

Петр молча залез в кошелку и достал еще одну бутылку. Молча разлил поровну. И также молча выпил. И остальные тоже.

– Смелые девки... Что тут скажешь! Раскова десять суток по тайге блукала. А это – ой-ой-ой! У нас там и медведи, и тигры попадают. А у нее только две обоймы на все про все! Повезло, что уцелела... – Якушенко закусил салом и продолжал развивать мысль: – Но, если честно, не женское это дело на дальнем бомбардировщике летать. – И посмотрел на своего однопольчанина. – Вон, даже у шахтера руки отнимаются! А тут девчонки. Как вообще долетели, непонятно...

– Это же наши советские девушки! – сказал Коля и покраснел.

Якушенко посмотрел на «выюношу» с искренней жалостью взрослого, выдавшего виды, двадцатилетнего мужчины, но промолчал и только махнул рукой. Бабам не летать, а рожать надо, да детей воспитывать. Он вот свою отвез к родителям, воспользовавшись оказией.

Уже на сносках его Галина. Через месяц сроки. А он оставил ее у отца с матерью и уехал. Служба! Что поделаешь... Пусть уж лучше здесь рожают, чем в военном городке. Тут за ней хотя бы присмотрят. И вообще молодая мать! Мало ли что! Будет кому подсказать, научить. Они, конечно, и от природы все сами знают, как с дитем управляться, но так все-таки спокойнее. Эх, Галю, Галю!.. Нескоро теперь повидаемся.

Петр Галушка встал и ушел в тамбур курить. Якушенко посмотрел ему вслед.

У Галушки своя беда... Обычная, летчицкая: муж летает, а интенданты в канцеляриях сидят, да на чужих жен карандаши точат. А бабам плевать, что у мужа героическая профессия. Им нужно, чтобы муж каждый день на работу ходил и каждый день вечером с работы домой возвращался. Им нормальную семью подавай. А откуда ей взяться! Если мужа то в Испанию на полгода, то в Китай, то на учения, то на сборы, то на Тихий океан, то на Северный Ледовитый...

Вон комбриг Тхор, пять орденов имеет! Охренеть! А толку? Мужики, на сборах рассказывали, что он со своей и сходил, и расходился, и женился, и разводился... Она даже ребенка ему родила в какой-то просвет между его командировками на войну. А потом сошлась с бывшим начальником политуправления ЗабВО дивкомиссаром Васильевым и сбежала с ним, пока муж в очередной длительной спецкомандировке пропадал. Вот так! И ни ордена, ни звания не помогли. Он потом даже ездил ее разыскивать в Европейскую часть Союза. Интересно, нашел или нет?...

Галушка накурился и вернулся в купе.

«Эх, Петр Никанорович, Петр Никанорович!.. И ведь хороший мужик! – думал Якушенко, глядя на друга. – Отличный летчик! Надежный товарищ... Ну, выпивает иногда. Так кто же не выпивает? Жизнь такая! Зато хозяйственный и по бабам не бегает. А вот досталась ему шалава, и развязаться никак с ней не может... Лариса... Хоть бы уже сбежала с кем-нибудь насовсем, как у Тхора, так нет! Гуляет и пьет кровь из мужика! И никакой на нее управы нету. Сейчас приедем – опять какая-нибудь история. Ну и мела бы подолом, раз неймется!.. Да только поаккуратнее! Чего же так наглеть-то?...»

– Павло, тут ребята в соседнем вагоне знакомые едут, – сказал Галушка. – Из сто пятнадцатого морского разведывательного и четырнадцатого истребительного. Сашка Василенко, Колька Сухорученков, Вовка Малахов... В гости приглашают. Я обещал... Пошли, сходим! Надо боевую дружбу укреплять!..

Якушенко посмотрел на Владимира и Николая:

– Так, ребята! Мы вас тут ненадолго на хозяйстве оставим. А сами к соседям наведемся, обстановку разведем. Если что, вы потом подтянетесь. Лады?...

Молодые только плечами пожали, дескать, не вопрос. Галушка и Якушенко, прихватили початую бутылку и ушли в соседний вагон.

Владимир сходил к проводнику и принес чаю себе и Николаю. А потом они уселись возле темного окна, друг напротив друга, и разговорились, почуяв родственные души. А поговорить было о чем...

Николай Полищук был влюблен по-настоящему и безнадежно. Потому что Ирина, девушка с которой он дружил на гражданке, вышла замуж за другого, пока он учился на пилота.

Они долго переписывались. Но потом письма из Оренбурга приходиться перестали. А однажды дневальный, стараясь не глядеть в глаза, передал Николаю, пришедшую с последней почтой открытку. От соседки Ирины по заводскому общежитию. Не особо церемонясь, она писала, что ей надоело выбрасывать его письма в мусорное ведро. И сообщила, что Ирина уже с полгода, как вышла замуж за какого-то инженера, сменила

фамилию и уехала в другой город. И даже адреса не оставила...

Хотя в Николае характер угадать было трудно, пережить это предательство он сумел. А ведь многие ребята, внешне более крепкие, чем он, от таких историй и стрелялись, и вешались... Был все-таки в этом худощавом пареньке свой стержень. Как стальная арматура в бетоне.

Ирину он простил потом... Наверное, ей было очень трудно одной. А может быть, она действительно встретила свою любовь. Ведь сердцу не прикажешь... Николай вот так и не смог приказать своему сердцу ее разлюбить.

Он достал маленькую фотокарточку, наверное, от заводского пропуска, и показал Владимиру.

Ну что сказать?... С карточки на Владимира смотрела круглолицая, миловидная женщина с тугой косой, загадочной улыбкой и вызывающим прищуром глубоких глаз. Если бы Владимир не был так сильно влюблен в Наталью, быть может, и он обратил бы внимание на такую красавицу. Он вздохнул и отдал фото назад. Раздобыть фотокарточку Натальи ему так и не удалось...

Пройдет несколько лет, он состарится и позабудет любимое лицо. Так и будет жить. Без любви... Глупо, несчастно, безрадостно... Пока его не собьют в жестоком бою, или он сам не убьется в какой-нибудь аварии. А может, он прославится. И тогда, однажды, весь в орденах и в бинтах, приедет в родную Одесскую авиашколу, выйдет на трибуну, и она наконец-то поймет, какой он герой, и по-настоящему его полюбит!..

В этот момент дверь купе, громко лязгнув, отодвинулась, и на пороге показались Петр и Павел в компании еще нескольких моряков.

Пока Николай и Владимир под печальный стук вагонных колес предавались грустным воспоминаниям о своей несчастной любви, боевые друзья успели, как следует, пообщаться, допить то, что имелось, и даже сходить в вагон-ресторан за добавкой.

А потом у Галушки вдруг проснулась совесть, и он вспомнил, что они оставили без присмотра двух «желторотиков». Сгрести все со столика и перебазироваться назад, в свое купе, труда не составило.

Сразу стало тесно и весело... Ребята быстро перезнакомились.

Старший лейтенант Малахов был командиром звена в четырнадцатом ИАПе, а лейтенанты Василенко и Сухорученков служили в сто пятнадцатом МРАПе в одной эскадрилье и летали на гидросамолетах МБР.¹

– Летающие лодки! – многозначительно поднял указательный палец Сашка Василенко. – Поэтому и ходим, и летаем.

– Низэнько и тихэнько, – закончил вместо него Галушка. И все купе покатилося со смеху.

– А то! – согласился Сашка. – МБР! Летай пониже – Мама Будет Рада!

– Точно! – подтвердил, утирая слезы, Петро.

– Между прочим, на нашей лодке Полина Осипенко установила три международных женских авиационных рекорда, а потом вместе с Верой Ломако и Мариной Расковой от Севастополя до Архангельска долетела! На морской машине над сушей! – махал указательным пальцем Сашка. – Две с половиной тысячи км! Международный женский рекорд дальности!

– Дура! – потрепал его за чуб Галушка. – Це ж дывчинова рикорда!

– Ну и что! – не сдавался Сашка. – Нет, ты машину оцени!..

– Мамо Будэт Рада!.. – успокоил его Галушка. И все опять покатилося со смеху...

Четвертый моряк, их сосед по купе, летчиком не был, и даже моряком мог считаться с большой натяжкой, и то только потому, что когда-то окончил Ленинградское военно-

¹ ИАП – истребительный авиационный полк. МРАП – морской ракетноносный авиационный полк. МБР – морской ближний разведчик.

морское училище имени товарища Фрунзе. На самом деле он оказался речником. Хотя, впрочем, тоже своим, Дальневосточным.

– Старший лейтенант Ревякин! Краснознаменная Амурская военная флотилия! – он положил левую ладонь поверх своих вихров и лихо откозырял правой. – Отзываюсь на имя Александр! – И вдруг широко улыбнулся. – А в кругу товарищей – просто Шурка!

Как потом выяснилось, Шурка, хоть и был речником, но ходил на большом корабле (экипаж почти как у эсминца, а водоизмещение лишь чуть-чуть поменьше!). Он был старпомом на бронированном четырехбашенном мониторе «Сун-Ят-Сен», который с гордостью называл речным линкором!

Все собравшиеся были молодые и веселые парни. И выпить не дураки. Анекдоты сыпались один за другим, а тосты становились все витиеватей и витиеватей...

За неделю, которая потребовалась, чтобы доехать от Москвы до Читы, Владимир крепко подружился с моряками. Время они провели с пользой, и Владимир узнал много нового о флотской службе вообще и о службе в морской авиации, в частности.

Когда, подхватив свой фибровый чемоданчик, он вышел на промерзший перрон Читинского вокзала, ребята пошли его провожать всей гурьбой. Но стоянка была недолгой, и полчаса спустя младший лейтенант Пономарев остался один на один со своим неизвестным будущим.

В Чите было очень холодно. Градусов сорок, наверное. Оказалось, что за два года Владимир уже отвык от настоящих сибирских морозов.

«Ну что ж, будем привыкать заново!» – подумал он и отправился на поиски штаба Забайкальского военного округа.

Найти его было несложно. Похоже, о том, где он расположен, в городе знала каждая собака, а не только постовые милиционеры. Владимир доложил дежурному, рассчитывая, что ему тут же выдадут бумагу с назначением и отправят к месту дальнейшей службы.

Полковник посмотрел на наивного младшего лейтенанта с нескрываемой иронией:

– Завтра явитесь в отделение кадров. Там с вами и разберутся, товарищ младший лейтенант! И, если повезет, то к пятнице, быть может, ваши бумаги и оформят. Так что мой вам совет, становитесь на довольствие до конца недели.

Владимир козырнул и пошел искать командирскую гостиницу...

Все так и вышло, как говорил умудренный жизненным опытом полковник. Документы были готовы только к концу недели. Все это время младший лейтенант Пономарев регулярно являлся к девяти утра в штаб, а потом, несолоно хлебавши, возвращался в гостиницу и заваливался на койку.

Он лежал и смотрел в стенку. Иногда, только для того, чтобы заснуть, читал Наставление по стрелковому делу, забытое в гостиничном номере кем-то из его предшественников.

А дело было в том, что Владимир только сейчас сообразил, что не написал на своем запоздалом письме-признании обратного адреса. Потому что его тогда не знал. Поэтому, даже если бы Наталья и захотела ему ответить, то все равно не смогла бы...

Долго ли, коротко ли, но он получил-таки свое назначение. Младшим летчиком в двадцать второй истребительный авиаполк, который дислоцировался в районе станции Безречная. В командирской столовой он много чего наслушался об этом месте. Но, честно говоря, ему было абсолютно все равно, где служить.

Потому что последняя призрачная надежда хоть когда-нибудь встретиться с любимой, надежда на то, что она хоть когда-нибудь ответит на его чувства, растаяла окончательно, оставив его в полном и беспросветном отчаянии. Написать второе письмо, не зная, дошло ли и как было воспринято первое, он попросту не решался.

Вот такие невеселые дела.

Когда Наталья распечатывала этот конверт без обратного адреса, сердце ее стучало так громко, что, наверное, было слышно даже на улице.

«Неужели это от него?!...»

А потом пробежала глазами первые строчки, вернулась назад, снова и снова перечитывая долгожданные слова.

«Здравствуйте, Наташа!»

«Здравствуй!...»

«Вас, наверное, удивит это письмо».

«Нет, не удивит...»

«А, может, и не удивит».

«Не знаю...»

«Простите меня, пожалуйста, за то, что я до самого отъезда так и не решился поговорить с Вами».

«Не прощу!...»

«Дело в том, что я Вас очень, очень люблю!...»

«Прощаю...»

«Это случилось в мае прошлого года, когда я увидел Вас впервые на аэродроме. Вы меня не заметили тогда».

«Между прочим, заметила...»

«Я понимаю. Обычный курсант, каких сотни».

«Да, но только ты смотрел на меня так, как никто и никогда!...»

«Но в моей жизни все в этот миг переменялось! А я не мог ничего Вам сказать, потому что язык у меня отнимался и колени подгибались каждый раз, когда Вы на меня смотрели».

«Глупый, глупый, глупый...»

«А потом был этот неудачный прыжок, и Вы поцеловали меня в первый раз!»

«Да, я чуть с ума не сошла тогда от страха!...»

«Тогда у меня вообще все закружилось перед глазами, как у пьяного».

«Глупый!...»

«Я даже стихи начал писать, но никому не мог их прочитать. Чтобы никто не узнал о том, что я Вас так сильно люблю.»

...Мне бы научиться рисовать,
Я бы Ваш портрет нарисовал,
Нежных линий неземной овал
Тонкой кистью я бы написал...
...Мне б хоть что-то в песнях понимать,
Я б тогда, быть может, написал
Нежных линий неземной овал
И его на струнах наиграл...
...Если б я умел стихи писать,
О любви своей бы рассказал.
Нежных линий неземной овал
Тихой строчкой я бы написал...
«Боже мой! Неужели это мне?!...»

«А потом было очень много прыжков, но я так и не посмел с Вами заговорить. Хотя считал каждую минуту рядом с Вами, чувствуя, как они исчезают и проходят».

«И я тоже это чувствовала...»

«И вот меня распределили на Дальний Восток, и я еду сейчас в поезде, и думаю только о Вас и о том, что мы никогда больше не встретимся!»

«Ну, уж нет! Не бывать этому!.. Я тебя никому не отдам!...»

«Простите меня, пожалуйста, за это письмо, если оно опоздало».

«Не опоздало...»

«На самом деле мне гораздо проще сделать затяжной, чем опустить его в ящик. Но я дал себе слово, что обязательно его отправлю».

«Попробовал бы только не отправить!..»
«Потому что я Вас очень, очень люблю!..»
«И я люблю тебя очень-очень-очень...»

Глава 3. «Служили два товарища, ага...»

Забайкальский военный округ, март 1939 г.

Все произошло совершенно внезапно.

Позднее Владимир нещадно ругал себя за то, что его занесло тогда в штаб эскадрильи. Но, с другой стороны, зачеты по матчасти он уже сдал, и на аэродроме ему делать было нечего. Потому что к полетам его еще не допустили. И хотя он и ругал себя всякими разными словами, вспоминая это роковое утро, в другом месте он оказаться попросту не мог. Потому что надо было готовиться к зачету по технике пилотирования, для чего зайти в секретку и получить «Наставление по производству полетов».

Вот почему вместо того, чтобы помогать механикам обслуживать мотор или зубрить расположение приборов в кабине «ишака», он, на свою беду, оказался в штабе.

И нарвался.

– Товарищ младший лейтенант! Почему не приветствуете командира, как положено? – услышал Владимир за своей спиной начальственный окрик. Повернувшись, он увидел знакомые бесцветные глаза, холеные бакенбарды и тонкие усики старшего лейтенанта Ледневича. – В чем дело? Вы что устав позабыли?

– У меня же нет глаз на затылке, – сказал Владимир. И прикусил язык, но было уже поздно.

– Как отвечаете старшему по званию?! – заорал, заводясь с полоборота, Ледневич. – Под арест захотели?

– Какой еще арест? Ты что, белены объелся? – не сдержался Владимир.

– Вы мне не тыкайте, товарищ младший летчик! Я адъютант эскадрильи! – визжал Ледневич. – Как вы смеете так разговаривать с начальником? Я вас проучу! Это вам не авиашкола!

– Извините, товарищ адъютант, я вас не заметил. И попрошу на меня не орать, – как можно спокойнее сказал Владимир.

Как ни странно, тон Ледневич понизил. Но слова его были пропитаны ненавистью:

– Как адъютант эскадрильи, я отстраняю вас от полетов! За нарушение Устава Красной армии! На неделю... Вы будете назначены дежурным по старту. Я немедленно подаю рапорт комэска! Решение о вашей дальнейшей судьбе будет принимать он. – Ледневич злобно прищурился. – И поверьте, я вам не завидую! – С этими словами он повернулся и направился в кабинет комэска.

Владимир обреченно посмотрел ему вслед и с тоской подумал о том, что к самостоятельным вылетам его теперь допустят очень и очень не скоро.

Когда по прибытии в полк Владимир Пономарев был направлен для прохождения службы в первую эскадрилью и узнал, что старший лейтенант Ледневич в этой эскадрилье служит адъютантом, в его душе шевельнулось недоброе предчувствие. Но ничего поделать было уже нельзя.

Эдуарда Ледневича он знал давно. Они вместе учились в восьмой Одесской авиашколе пилотов. Ледневич был старше на один курс и выпустился на полгода раньше Владимира, в мае тридцать восьмого. Учился он неплохо, подход к начальству находить умел и при выпуске получил по два кубаря на каждую петлицу, а не по одному, как многие другие.

Позднее ему рассказали, что лейтенант Ледневич и в эскадрилье быстро сумел найти общий язык с начальством – комэска капитаном Куцепаловым и его закадычным дружкой и заместителем старшим лейтенантом Иванищевым.

Рыбак рыбака видит издалека. Куцепалов делил спирт, отпускаемый на обслуживание матчасти, далеко не в равных долях. И бульшую из них оставлял себе, чтобы потом

употребить в компании своего земляка и собутыльника Иванищева.

Прибыв в эскадрилью, Ледневич сразу смекнул, что к чему. Сначала он подольстился к заму, а затем и к самому комэска. Так что вскоре был допущен в их теплую компанию и стал выполнять обязанности штатного мальчика на побегушках.

Когда Куцепалов пошел на повышение, а это сейчас происходило пугающе быстро, Иванищев был назначен на его место, а Ледневич стал адъютантом эскадрильи. При этом с подачи Куцепалова и тот, и другой незамедлительно получили очередные воинские звания. Иванищев стал капитаном, а Ледневич – старшим лейтенантом.

Владимир не сошелся характером с ним еще в авиашколе. Впрочем, это было совершенно нереально, настолько они были разными.

В отличие от высокого, светловолосого и белоглазого «чухонца», как метко прозвали Эдуарда Ледневича в авиашколе однокашники, Владимир Пономарев был плотным шатеном среднего роста с карими глазами.

Ледневич по документам числился украинцем, но больше смахивал на прибалта. Во всех анкетах он указывал национальность матери, которая действительно была украинкой. А вот о том, что его отец, сгинувший где-то еще в Гражданскую, был поляком с большой примесью еврейской крови, как это довольно часто бывает в Малороссии, Ледневич благоразумно помалкивал, ссылаясь на отсутствие каких-либо сведений.

Владимир Пономарев тоже рос без отца, но это, пожалуй, было единственным, чем походили их судьбы друг на друга.

Один родился в столице, окончил десять классов и два курса Московского института кооперативной торговли. Другой – сибиряк, за спиной у которого – семилетка, школа фабрично-заводского ученичества и слесарный верстак в железнодорожном депо. У одного ухватки проныры-приказчика. Другой – скромный рабочий парень с заводской окраины.

Эдуард Ледневич придавал огромное значение своей внешности, считая себя записным сердцеедом. Что, впрочем, было недалеко от истины. Потому что глупые девчонки во все времена отчего-то чаще влюбляются именно в таких, как он. Высоких, голубоглазых и эгоистичных красавцев. И летят как мотыльки на огонь, чтобы сгореть.

По словам самого Ледневича, на его счету было больше разбитых сердец, чем звезд на небе. Он вообще редко упускал случай похвастаться в курилке очередной реальной или выдуманной победой.

Владимир Пономарев к девушкам относился совершенно по-другому. И своего отношения к рассказам Ледневича никогда не скрывал. Так что схлестнулись они однажды не на шутку.

Потому что этот подонок посмел упомянуть ее чистое имя!

Хорошо, что товарищи удержали тогда Владимира. Спасибо им, потому что изуродовал бы он тогда «чухонцу» его ненавистное холеное лицо. И не видать бы тогда Владимиру заветных крылышек на рукаве. Слишком людно было вокруг. Зато однажды, в увольнительной, повстречались они в городском парке почти без свидетелей.

Впрочем, Владимир был не один, а с друзьями-однокашниками – Витькой Поповым, Колькой Дьяконовым и Лехой Маковкиным. Но это были свои в доску, на сто рядов проверенные ребята. Уйти «чухонцу» они не дали, хотя сами в дело ввязываться и не стали, предоставив Владимиру возможность самостоятельно с ним разобраться.

Ледневич здорово струхнул, когда его на темной аллее обступили четыре крепыша. А когда понял, что Владимир хочет драться один на один, слегка обнаглел, рассчитывая на свой рост, длинные руки и атлетическую подготовку. Впрочем, это ему не помогло.

Ох, как хотелось тогда Владимиру размазать нос по шляхетской физиономии! Однако контроля над собой он не потерял и бил сильно, но аккуратно, как на ринге. И только по корпусу. Через пару минут Ледневич уже корчился в пыли. Пинать его не стали, хотя и здорово подмывало. А, уходя, предупредили, что если он, не дай бог, настучит начальству о происшедшем, в следующий раз его точно не пожалеют.

Ледневич стучать не стал. Но с тех пор в курилку заглядывал редко. А когда

заглядывал, то уже помалкивал. Ребята думали – поумнел. А он просто затаился. И вот теперь мстит, как только может. Потому что власть появилась.

До последнего времени Владимиру как-то удавалось избегать открытых стычек со своим недругом. Но, ясное дело, долго это продолжаться не могло.

Как и следовало ожидать, комэска полностью поддержал своего прихлебателя. Более того, еще и от себя лично добавил. И превратился младший лейтенант Пономарев в «вечного» дежурного...

Минула неделя, за ней другая, третья, а Владимир так и бегал вдоль старта с флажками, как гусь с подрезанными крыльями по хозяйскому двору. А в небо – ни-ни.

Летчики его уже не подкалывали. То ли привыкли, то ли жалели по-своему.

Когда из полка прилетел связной У-2, Владимир, как и положено, стоял на старте. Увидев вылетающего из самолета военкома полка, он вдруг понял, что это его единственный шанс вернуться в небо.

Военный комиссар двадцать второго истребительного авиаполка двадцать третьей смешанной авиабригады Забайкальского военного округа старший политрук Калачев слыл человеком строгим, но справедливым.

До армии он жил в Ленинграде и работал слесарем на заводе «Красный путиловец», том самом, знаменитом Путиловском заводе, рабочие которого брали Зимний дворец в далеком семнадцатом году. Рабочая закалка осталась у Калачева на всю жизнь.

По комсомольской путевке он поступил на учебу в Ленинградскую военно-теоретическую школу ВВС, а в декабре тридцать четвертого окончил военную школу летчиков в городе Энгельсе, что на Волге.

Службу Калачев знал. Потому что прошел все ступени служебной лестницы. Был младшим, а затем старшим летчиком, командовал звеном, потом был заместителем командира истребительной эскадрильи.

Красная комиссарская звезда на рукаве появилась у него совсем недавно. Военкомом полка его назначили всего три месяца назад. При этом был учтен и большой партийный стаж, и настоящий командирский авторитет, который, несмотря на молодость, а было ему всего двадцать восемь, Калачев уже успел заработать.

За дело он брался круто и спуску никому не давал. Летчики очень быстро признали вожака в этом невысоком, но крепком блондине со стальным взглядом.

Когда Калачев спрыгнул с крыла, Владимир решился. Он подошел к военкому и приложил руку к козырьку буденовки:

– Разрешите обратиться, товарищ старший политрук!

Калачев снял летный шлем, достал из кабины фуражку, и надел ее, автоматически проверив ребром ладони, правильно ли она сидит:

– Обращайтесь!

– Младший летчик Пономарев!.. Только какой я летчик? Мне и летать-то не дают...

– Что значит – не дают? – нахмурился Калачев.

– Да, вот... Назначен «вечным» дежурным, товарищ старший политрук, – потупился Владимир.

– Смирно! – подбежал к самолету комзвена Пьянков и лихо откозырял. – Товарищ военный комиссар полка, первая эскадрилья выполняет плановые полеты на отработку пилотажа в зоне! Происшествий нет! Командир звена лейтенант Пьянков!

Калачев поднес руку к фуражке, отдавая честь, и скомандовал:

– Вольно!

– Вольно! – отрапортовал Пьянков.

– Здравствуйте, товарищ лейтенант. – Калачев снял краги и протянул ему руку.

– Здравствуйте, товарищ старший политрук! – пожал крепкую ладонь Пьянков.

– Подмените-ка дежурного по старту, лейтенант. Он мне нужен, – сказал Калачев.

– Есть!

– За мной! – военком махнул Владимиру рукой и направился в штаб эскадрильи.

Иванищева он знал хорошо. Еще по прежним временам, когда оба были замкомэска в этом же полку.

Григорию Аникиевичу Иванищеву было уже тридцать пять, но он все еще ходил в капитанах. И это, когда кругом люди росли в званиях, как грибы после дождя.

А дело было в том, что грамотность у Иванищева хромала на все четыре копыта.

Родился и вырос он в глухой сибирской деревушке. Сначала батрачил на односельчан, а потом работал чернорабочим в Омском железнодорожном депо. Пару зим проучился в церковноприходской школе. Она да еще полковая школа младших командиров в кавалерийском полку – вот и все его университеты. Впрочем, в партию большевиков отделкому Иванищеву это вступить не помешало, а даже наоборот.

В армию его призвали в двадцать пятом году, когда был принят Закон о военной службе. Однако в конце двадцатых демобилизовали из-за полной бестолковости.

Он вернулся в Омск и устроился работать конюхом. Лошадей Иванищев понимал и любил с детства. Он и по сей день работал бы на конюшне, если бы не случайная встреча с земляком, которая повернула его жизнь в другую сторону.

Всем своим положением Иванищев был целиком обязан одному человеку – Федору Тимофеевичу Куцепалову.

Когда они однажды нос к носу столкнулись на привокзальной площади, то сразу узнали друг друга, хотя давным-давно не виделись. Были они одногодками и когда-то вместе гоняли лошадей в ночное. Но Иванищев до сих пор лошадям хвосты крутил, а Куцепалов был уже командиром отдельного авиаотряда и носил четыре квадрата на петлицах.

После очередной поллитры, распитой за встречу старых друзей, он неожиданно предложил Иванищеву вернуться в кадры Рабоче-крестьянской Красной армии. Причем, не просто вернуться в армию, а поступить в военно-воздушные силы!

Куцепалов призывался одновременно с Иванищевым. И служили они тоже вместе. В тридцать девятом Мелекесско-Пугачевском кавалерийском полку второй бригады седьмой Самарской кавалерийской дивизии имени Английского пролетариата. Вместе учились они и в полковой школе. А затем командовали кавалерийскими взводами в одном эскадроне.

Потом, правда, их пути разошлись. В двадцать девятом году одного демобилизовали, а другого перевели в авиацию. Весной тридцатого Куцепалов окончил первую военную школу летчиков имени товарища Мясникова в Каче. А уже через полгода его назначили командиром звена...

Аргументы в пользу своей идеи Куцепалов приводил очень убедительные.

И действительно, биография у Григория Иванищева была самая, что ни на есть подходящая. Происхождение – пролетарское. Опять же – партбилет в кармане. Десять лет партийного стажа – это вам не хухры-мухры! И вообще все как по заказу! Бывший красный командир! Кавалерист! Полковую школу окончил? Окончил! Эскадронам командовал? Командовал! Осталось только летать выучиться. Все остальное Куцепалов брал на себя.

Иванищев еще с детских лет привык, что тот во всем верховодит. Поэтому, когда была допита следующая бутылка, махнул рукой и согласился.

На другой день он пошел в райком партии и выпросил путевку в аэроклуб. С горем пополам его окончив, Иванищев получил пилотское свидетельство, сел в поезд и направился напрямик к Куцепалову, который принял друга дорогого с распростертыми объятиями, оформил необходимые бумаги и со всеми обо всем договорился.

Через месяц новоиспеченный командир звена Иванищев вступил в должность, а через год, после введения в Красной армии персональных званий, получил воинское звание старший лейтенант...

То, что военкомом назначили не его, а Калачева, у которого партийный стаж был почти вдвое короче, Иванищев воспринял болезненно. Майор Куцепалов, временно исполнявший обязанности командира бригады, но пока еще не утвержденный в новой должности, ничем не мог помочь старому другу. Но клятвенно обещал при первой же возможности замолвить наверху за него словечко.

Калачев посмотрел на молодого летчика, идущего на полшага позади, и подумал, что Иванищев явно парня за что-то невзлюбил. На него это было похоже. Невзлюбил человека и затирает теперь. Дурит, пользуясь отдаленностью от полка.

Военком вспомнил, как совсем недавно этот младший лейтенант представлялся ему по прибытии и, между прочим, произвел неплохое впечатление. Сибиряк. Из рабочих. Слесарь. И начальник авиашколы дал ему хорошую характеристику. Сто прыжков с парашютом – это тоже что-то значит! Надо во всем, как следует, разобраться, решил он и снова посетовал, что до сих пор в эскадрилье нет комиссара. Парторг, старшина Николаев, в общем, справлялся с делами, но, понятное дело, комэска, будучи его прямым начальником, не очень-то с ним считался.

«Вовремя товарищ Сталин предложил восстановить институт комиссаров. Ох, как вовремя! – подумал Калачев. – Именно для того, чтобы таких самодуров, как Иванищев, в руках держать!»

Комэска уже успели доложить о прибытии военкома полка, и он встретил его на крыльчке штаба с рапортом.

Калачев хмуро слушал с ладонью, застывшей у козырька фуражки.

Иванищев закончил доклад, и все трое зашли внутрь. При этом комэска довольно выразительно посмотрел на Пономарева, но тот сделал вид, что не заметил этого прозрачного намека.

В штабе за столом с необычно деловым выражением на холеном лице сидел старший лейтенант Ледневич. При виде военкома он вскочил по стойке «смирно» и замер, поедая начальство глазами.

Ледневича Калачев знал хуже, чем Иванищева, но информация о том, что комэска и адъютант в первой эскадрилье сошлись характерами на почве бытового пьянства, к военкому поступала уже несколько раз.

«Пора, пора, наводить порядок в эскадрилье...» – снова подумал он.

– Вольно! – Калачев поморщился и повернулся к Иванищеву. – Что это у вас тут за «вечные» дежурные появились?

– У нас «вечных» дежурных не бывает, Владимир Николаевич. Только «вечные» двигатели. Давно менять пора, а мы все летаем и летаем, – попытался отшутиться тот.

Но Калачев не принял игру и молча смотрел на комэска.

Пауза явно затягивалась.

– А... Вы, наверное, о Пономареве спрашиваете? – попробовал догадаться Иванищев.

Калачев слегка прищурился.

– Да... Он у нас как-то задержался в дежурных. Зеленый еще совсем. Учится. С азов начинает. Со старта. – Иванищев еще надеялся перевести все в шутку.

– Товарищ капитан, – холодно сказал Калачев. – Доложите, почему этот летчик у вас не летает.

Иванищев понял, что дело идет к разному, и резко сменил тон:

– Младший летчик Пономарев отстранен мной от полетов за грубое нарушение дисциплины, товарищ старший политрук!

Он протянул ладонь за спину, и Ледневич услужливо сунул в нее свой давешний рапорт. Иванищев, не глядя, взял его и протянул Калачеву.

По мере чтения брови военкома хмурились все сильнее:

«Командиру 1 эскадрильи 22 ИАП
К-ну ИВАНИЩЕВУ
От адъютанта эскадрильи
Ст. л-та ЛЕДНЕВИЧА

РАПОРТ

1 марта 1939 года в 10.00 мной было сделано строгое замечание мл. л-ку
ПОНОМАРЕВУ за грубое нарушение дисциплинарного устава РККА,

разгильдяйство и расхлябанность, выразившиеся в демонстративном отказе выполнить требования означенного дисциплинарного устава РККА в части приветствия командира и старшего начальника.

Вместо этого мл. л-к ПОНОМАРЕВ в грубой форме вступил в пререкания со старшим по званию, всячески нарушал дисциплину, тыкал и не подчинялся.

За нарушение дисциплинарного Устава РККА в соответствии с правами по занимаемой должности адъютанта эскадрильи мною был объявлен выговор мл. л-ку ПОНОМАРЕВУ, а также отстранение от полетов. Однако мл. л-к ПОНОМАРЕВ не осознал глубины своего проступка и упорствовал в пререкании.

Прошу примерно наказать мл. л-ка ПОНОМАРЕВА за грубое нарушение дисциплинарного Устава РККА и недисциплинированность».

В левом углу рапорта красным карандашом крупными буквами была наложена резолюция командира эскадрильи: «Объявить мл. л-ку ПОНОМАРЕВУ строгий выговор за недисциплинированность. Отстранить от полетов. Назначить дежурным по старту.

Комэска-1 ИВАНИЩЕВ».

Пока Калачев читал рапорт, в комнате стояла звенящая тишина. Только за окном слышался далекий гул авиационных двигателей в высоком небе над летным полем.

«Вот, крысы канцелярские, – неприязненно думал военком. – Приноровились рапорта строчить! Стакнулись тут и хотят загубить пилота! А кто будет с японцами воевать, когда они снова сунутся?»

В дверь постучали. Она приоткрылась с протяжным скрипом, и в образовавшуюся щель просунулось раскрасневшееся лицо старшины Николаева, парторга эскадрильи:

– Разрешите?

– Входи, Иван Иванович! – коротко взглянул на него Калачев. Дочитав бумагу, он аккуратно свернул ее, положил в нагрудный карман и повернулся к Владимиру:

– Товарищ младший лейтенант, вы сдали зачеты по матчасти и технике пилотирования?

– По матчасти сдал, товарищ старший политрук. На «хорошо». А по технике пилотирования не успел.

Калачев посмотрел на Иванищева, и комэска от этого взгляда стало очень неудобно. Ледневич деловито перебирал какие-то бумаги на своем столе, старательно не глядя на военкома.

– Значит, так. Приказываю. Младшего летчика Пономарева допустить к полетам. Комэска Иванищеву сегодня же лично принять у Пономарева зачет по технике пилотирования. Адъютанту эскадрильи Ледневичу во внеслужебное время организовать для младшего летчика Пономарева дополнительные занятия по Уставам РККА и принять зачет. Об исполнении доложить! Вопросы есть?

– Нет вопросов, товарищ старший политрук, – вяло протянул Иванищев.

– Парторг, – Калачев повернулся к Николаеву.

– Да, Владимир Николаевич! – вытянулся тот.

– У нас сегодня среда... – комиссар помолчал секунду, что-то прикидывая про себя. – На воскресенье назначай партийное собрание. Повестка: «Подготовка эскадрильи к итоговой проверке за зимний период боевой, политической и технической подготовки». А в субботу мы по этому вопросу заслушаем коммунистов Иванищева, Ледневича и Николаева на партбюро.

Лицо у Иванищева заметно вытянулось, но он промолчал. Ледневич уткнулся взглядом в стол.

– Слушаюсь, товарищ военком полка! – Николаев вынул из командирской сумки общую тетрадь и стал торопливо в ней что-то записывать.

– Связь с комполка! – повернулся Калачев к комэска.

Иванищев подошел к столу и начал крутить ручку телефона, вызывая полк.

– Пономарев, – Калачев взглянул на Владимира. – Вы же недавно окончили авиашколу. Когда это вы успели уставы позабыть?

– Да я... – замялся тот. – Виноват, товарищ военком полка...
– Это вы не мне будете говорить, а своим товарищам! На собрании. И поверьте, они с вас спросят гораздо строже, чем комэска или адъютант эскадрильи!

Владимир молчал.

– Уставы – это основной закон Красной армии! Это наша красноармейская Сталинская конституция! Настольная книга красного командира! Надеюсь, что дополнительные занятия пойдут вам на пользу, товарищ летчик... И вам, товарищ старший лейтенант тоже! – Калачев прищурился на Ледневича, который во время этой тирады наконец оторвал глаза от своих бумаг.

– Комполка на связи! – Иванищев протянул военкому трубку телефона.

– Да, Николай Георгиевич, я в первой!.. Да, посмотрел. Жалею, что сразу Шнуркова с собой не взял. Но оно и к лучшему. Пускай он с собой Калинина привезет... Да нет, не настолько плохо. Но, уж коли проверять, так проверять!..

Капитан Шнурков был начальником воздушно-стрелковой службы, а военинженер 3-го ранга Калинин – инженером полка.

Иванищев незаметно повернулся к Ледневичу и повел глазами в сторону двери. Адъютант попытался бочком-бочком проскользнуть к выходу. Но Калачев краем глаза заметил его движение и остановил резким движением ладони.

– Да, Николай Георгиевич, я тут пока сам справлюсь... А они, оба, пускай немедленно вылетают!.. Все проверим, как следует! Не сомневайся!.. Да, я думаю, двух дней вполне хватит! А потом проведем разбор полетов! Вернусь, доложу подробно!.. Есть! Конец связи! – Калачев положил трубку и повернулся к Иванищеву. – Боевой сбор!

– Есть, боевой сбор! – четко ответил тот и гаркнул что есть силы: – Дневальный!

За дверью раздался громкий топот, и в кабинет комэска заскочил красноармеец с вытаращенными глазами.

– Боевой сбор! – приказал комэска, и дневальный убежал.

– Даю вводную! – Калачев посмотрел прямо в глаза Иванищеву. – Аэродром внезапно атакован бомбардировщиками противника. Командир эскадрильи убит осколком бомбы.

Иванищев открыл было рот, но если и хотел что-то сказать, то передумал.

– Пойдем, Иван Иванович, поглядим, как эскадрилья собирается по тревоге, – сказал Калачев Николаеву и снова посмотрел на Иванищева. – А вы, товарищ капитан, раз уж вас убило, можете пока принять зачет по технике пилотирования у младшего летчика Пономарева.

– Та-ак... – протянул Иванищев, когда за военкомом и парторгом закрылась дверь. Он отчетливо скрипнул зубами: – Пономарев!

– Я, товарищ капитан! – вытянулся Владимир, все это время стоявший ни жив ни мертв.

– Бегом, на стоянку! И чтобы через двадцать минут спарка была на старте. Попробуй только у меня не сдать этот зачет!

Владимир козырнул и метнулся прочь из канцелярии. Уже закрывая дверь, он услышал громкие непечатные слова комэска, обращенные к Ледневичу:

– А ты, какого... тут расселся, адъютант! Марш в эскадрилью!

Глава 4. «Сумеем кровь пролить за СССР...»

Халхин-Гол, конец мая 1939 г.

Весна в Забайкалье была совсем не такой, как в Одессе. Снег сошел очень рано. А солнца было столько, что Владимир с непривычки ходил прищурившись.

Понимая, что для летчика-истребителя умение видеть врага, атакующего со стороны солнца, является условием не то что победы, а элементарного выживания, Владимир постоянно тренировался. Сначала, наловившись солнечных зайчиков, он ходил и спотыкался. Но спустя какое-то время научился смотреть на солнце сквозь ресницы и не

слепнуть.

А жизнь шла своим чередом.

Первая эскадрилья летала очень много. И младший лейтенант Пономарев, с легкой руки военкома допущенный наконец к полетам, с жадностью наверстывал свое отставание. Все экзамены и зачеты по матчасти, различным инструкциям и наставлениям, а также по знанию района полетов он сдал на «хорошо» и «отлично» еще до того, как угодил в «вечные» дежурные, и больше никаких препятствий не оставалось.

Потому что в конце марта капитан Иванищев, при активном содействии врио командира бригады майора Куцепалова, был назначен заместителем начальника штаба бригады и убыл к новому месту службы. А старший лейтенант Ледневич после суровой выволочки на партбюро и отъезда своего покровителя ходил тише воды ниже травы, больше к Владимиру не цеплялся и жить не мешал.

Зачет по технике пилотирования младший летчик Пономарев сдал на «удовлетворительно». Комэска Иванищев, при всех его недостатках, на самом деле был на своем месте. А пил бы поменьше, да летал побольше, и не держал возле себя эту шестерку Ледневича, то стал бы действительно неплохим командиром эскадрильи.

Так или иначе сильно придирается к Владимиру он не стал. Видимо, решив, что на первый раз хватит. В конце концов это была его эскадрилья и в мае, на итоговой проверке, не адъютанту, а именно ему пришлось бы отвечать за подготовку летного состава. И вообще раз пошла такая пьянка и в дело ввязался военком, имело смысл махнуть рукой на глупые амбиции. Тем более что это были не его амбиции.

Иванищев был старый комэска и отлично понимал, что гавкаться с комполка и военкомом себе дороже. Раз выше сидят, значит, дальше глядят. И лбдненько...

К маю Владимир восстановил навыки пилотажа. И простого, и сложного. Полетал и в составе звена, и в составе эскадрильи. Провел несколько воздушных боев, и даже пострелял пару раз по конусу. Понятное дело, чтобы стать настоящим боевым летчиком, этого было мало, но никто и не ожидал, что за три-четыре месяца он превратится в аса. Во всяком случае, в строй эскадрильи младший лейтенант Пономарев встал, и командир звена лейтенант Пьянков был им доволен. А если командир доволен, значит, солдат кашу ест не зря.

О Наталье Владимир старался не думать. И может быть, именно поэтому думал о ней постоянно. Вспоминал ее задорную улыбку и льдисто-серые, смеющиеся глаза... Вспоминал, как она сдувала с лица свою непокорную золотистую челку, расправляя и укладывая парашют... Вспоминал, как она, такая стройная и ладная, стояла, запрокинув голову, на летном поле и, приложив ладонь к глазам, смотрела в небо...

Светится солнце
Золотом красным...
Как одиноко
В небе прекрасном!..
Как одиноко,
Как безнадежно...
В небе высоком,
В небе порожнем...

Долго ли коротко ли, настал май.

Эскадрилья всю готовилась к итоговой проверке. Новый комэска старший лейтенант Черенков, принявший эскадрилью у капитана Иванищева, прятаться за его широкую спину не собирался.

Первая эскадрилья должна быть первой во всем!

И комполка майор Глазыкин расслабляться не давал, хотя и понимал, что молодому комэска нелегко. Поэтому полковые специалисты из первой эскадрильи не вылезали.

Участившиеся строевые смотры лишь разнообразили армейскую рутину. А для Владимира они вообще были делом привычным до скуки (спасибо «Иван-царевичу», уж к строевым-то смотрам он любовь у своих подопечных привить сумел).

При этом боевую готовность никто не отменял и двадцать второй истребительный авиаполк, как ему и положено, нес боевое дежурство по охране границ любимой Родины.

А тучи на дальневосточных границах хмурились все сильнее.

Одиннадцатого мая отряд баргутской конницы при поддержке броневиков атаковал монгольскую погранзаставу у сопки Номон-Хан-Бурд-Обо. Силы были неравные, и монгольским пограничникам пришлось отойти на западный берег реки Халхин-Гол.

Международное положение складывалось в последнее время очень непростое.

В конце тридцать восьмого года Япония испытывала серьезные военные и экономические трудности. Война в Китае не приносила желанной победы. Была захвачена огромная территория. Однако это привело лишь к распылению сил. Ширилось всенародное антияпонское движение, руководимое Коммунистической партией Китая.

Затяжная война не могла не сказаться и на внутрисполитическом положении Японии. Понижился жизненный уровень населения. Курс йены упал, а цены на многие товары широкого потребления повысились. Росло всеобщее недовольство. Под давлением военных кругов в январе тридцать девятого кабинет, возглавляемый принцем Коноэ, был вынужден подать в отставку. На смену ему пришло «правительство войны». И премьер-министр Хиракума, и его ближайшее окружение – военный министр генерал Итагаки, его заместитель генерал Тодзио и командующий Квантунской армией генерал Уэда – видели выход из создавшегося положения в активизации боевых действий против Китая и расширении агрессии в северном направлении, против Монгольской Народной Республики и Советского Союза.

При этом первостепенное внимание уделялось подготовке нападения на МНР. Быстрый захват ее территории позволил бы японским войскам выйти к советским границам в районе озера Байкал, а затем перерезать единственную железную дорогу, связывающую европейскую часть Советского Союза с Дальним Востоком.

Кроме того, успешная агрессия против СССР и Монголии могла поднять престиж японской армии, сильно пошатнувшийся после серьезных неудач на Хасане и в Китае...

Командир двадцать второго истребительного авиаполка майор Глазыкин сидел у себя в кабинете и смотрел в раскрытое настежь окно. Серебряный тополь, стоящий прямо у его подоконника, шуршал своей еще не успевшей потемнеть листвой на теплом ветру. Тополь, тополь... Глазыкин задумчиво крутил в пальцах остро заточенный двухцветный командирский карандаш и размышлял о превратностях судьбы.

В двадцать девятом он окончил школу фабрично-заводского ученичества в своем родном городе Вольске. Но слесарил не долго. По комсомольской путевке его направили учиться в Вольскую объединенную военную школу летчиков и авиатехников. Впрочем, в летчики он не собирался.

Но как-то так вышло, что вскоре оказался в третьей военной школе летчиков и летнабов в Оренбурге, и даже выучился летать на разведчике Р-5. Чтобы потом не один год прослужить в девятнадцатой легко-штурмовой эскадрилье ЗаБВО – сначала командиром звена, а затем отряда. В феврале прошлого года его даже наградили орденом Красной Звезды. И он уже стал, кажется, привыкать.

А через месяц был назначен помощником командира истребительного авиаполка. И всего через полгода принял этот полк у капитана Куцепалова, назначенного на бригаду и получившего по этому случаю очередное воинское звание.

Ему тоже кинули вторую шпалу на петлицы. Впрочем, и он это отчетливо осознавал, стать командиром полка в двадцать семь было не таким уж и большим достижением. Надо было раньше свою дорогу выбирать. Или идти по ней более решительно!

И тем не менее под его командованием оказалось более полутысячи человек. Шестдесят три истребителя – двадцать восемь И-16 и тридцать пять И-15 бис...

Глазыкин перевел взгляд на дребезжащий телефон. Чтобы вернуться к реальности, ему потребовалась лишь пара секунд.

– Товарищ комполка! – докладывали со старта. – Прибыл товарищ комбриг!

Глазыкин надел фуражку и поспешил навстречу начальству.

Куцепалов прилетел не на связном У-2, а на своем собственном «ишаке». И одно это уже могло насторожить. И насторожило.

– Здравствуй, Николай Георгиевич! – Куцепалов протянул руку Глазыкину, когда тот закончил рапорт.

– Здравия желаю, товарищ комбриг! – козырнул Глазыкин и пожал твердую ладонь.

Куцепалов оглянулся. Никого рядом не было. И пилоты, и красноармейцы, являя собой образцы деловитости, занимались обслуживанием материальной части и несением внутренней службы, благоразумно держась подальше от начальства.

– Как полк? – спросил он.

– Готовы к выполнению любого приказа командования! – как и положено, ответил Глазыкин.

– Приказ имеется, Николай Георгиевич, – Куцепалов понизил голос. – Без проверок! Сколько тебе надо времени, чтобы подняться и вылететь?

– У меня три площадки, Федор Тимофеевич. Да вы же сами все знаете... Че плюс тридцать... Первая эскадрилья – через пятнадцать минут. Вторая – по зрячему. Третья и четвертая – сбор на маршруте...

– Значит, так. Полный боекомплект! Топливо – под крышку! Я – лидирую! Летим в Баян-Тумен. Но об этом ни слова! Даже Калачеву!

– Что-то случилось, Федор Тимофеевич?

– Да!.. У монголов уже неделю стрельба идет, а вчера был атакован и сбит связной самолет сто пятидесятого СБАП...² Летел над своей территорией. Но это его не спасло. Летчик погиб, а летнаб³ выпрыгнул с парашютом. Идем на усиление.

К тревогам в первой эскадрилье за последнее время успели уже привыкнуть. Итоговая проверка ожидалась со дня на день, поэтому матчасть была готова к проверке в любую минуту. И техники, и летчики были переведены на негласное казарменное положение. Все (кроме боевых подруг, конечно) относились к этому с пониманием. Служба!

Поэтому пока летчики прибывали на стоянку и надевали парашюты, техники уже успели подготовить самолеты.

Один за другим истребители выплевывали в небо короткие звонкие очереди. Такая методика была введена в полку для определения готовности к боевому вылету. Между экипажами развернулось настоящее соревнование, кто первым засветит залп. И на этот раз, как всегда, вперед всех успел экипаж лейтенанта Райкова.

Никаких секретов! Просто воентехник третьего ранга Копысов быстрее всех пробегал стометровку. Все по-честному!

Обычно после приведения самолетов в боевую готовность эскадрилья возвращалась к мирной жизни. Хотя иногда поднималась в воздух, шла на предельно малой высоте между сопками, маневрируя направлением и высотой, и, выскочив на полигон, стреляла по мишеням.

Младший летчик Пономарев терпеливо парился в кабине. Обычное дело – проверка кончилась, а отбоя нет. Видимо, итоги еще не подведены.

В этот момент в воздух одна за другой взвились две зеленые ракеты.

Взлет!

Дружно поднявшись, а затем, развернувшись на сто восемьдесят градусов, эскадрилья

² СБАП – скоростной бомбардировочный авиационный полк.

³ Летнаб – летный наблюдатель.

вслед за командиром прошла над аэродромом. Внизу должны были выложить специальный сигнал.

Радиостанции пока имелись только на тяжелых бомбардировщиках, поэтому истребителям приходилось обходиться мимикой и такими вот сигналами. В верхнем левом углу большого белого полотнища на старте лежал красный квадрат. Этот сигнал означал единицу, то есть команду «Выполнять задание». А какое – ведомо лишь командиру.

Дело опять же привычное. Держи строй и не пропадешь!

Черенков повел эскадрилью на восток. Владимир знал, что там расположен штаб полка и сидит вторая эскадрилья. Похоже, что это все-таки полковые учения...

Когда они подлетели, звеньями стала подниматься вторая. Но не только. Вот взлетело штабное звено. А это... Это же комбриг?!

Командир бригады занял место лидера, и, следуя за ним, эскадрильи встали на маршрут, как гуси за вожаком. А когда к ним пристроились третья и четвертая эскадрильи, зрелище стало еще более впечатляющим!

Они шли как на параде в День Воздушного флота – колонной клиньев эскадрилий с превышением от первой к последней! Сначала «ишаки», а за ними – «бисы». Шестьдесят с лишним машин!

Озеро Харанор... Река Борзя... Озеро Зун-Торей... Соловьевск...

Комбриг, покачивая самолет с крыла на крыло, подал сигнал «внимание, сомкнись», и, выполнив горку, двадцать второй истребительный полк покинул пределы СССР.

Степь, да степь кругом!..

Владимир, удерживая дистанцию и интервал от ведущего, краем глаза с любопытством смотрел на чужую землю, проплывающую под крылом. За границей он ни разу еще не был. Впрочем, то, что он видел, на границу не походило. Все то же самое. Степь, да степь... Как море. Никаких ориентиров. Только компас да часы...

Вскоре они пролетели над тонкой темной линией, перечеркнувшей степь пополам.

«Вал Чингисхана!» – догадался Владимир.

А затем под крыло выполз Баян-Тумен. И вот это они называют городом? Юрты, сараи, коровы, лошади... И степь. Как же комбриг его нашел? А впрочем, да! Компас и часы...

Одна за другой, выстроившись в круг, садились эскадрильи.

Сели так же дружно и без происшествий. Полк выстроился поэскадрильно, как на смотре – в одну линейчку, благо места хватало. Стройся хоть до горизонта.

Владимир огляделся. Голое, ровное поле без каких-либо построек. И это авиабаза?

Сразу после посадки – построение личного состава. А как же иначе? Выключил мотор – сбор напротив самолета командира. Бегом! И доклад о выполнении задания. Затем выслушать замечания. Замечания у командования есть всегда! Потом получить очередную задачу и усвоить порядок ее выполнения. Задачи у командования тоже никогда не кончаются.

– Сегодня самураи напали на Монголию, и мы прибыли защищать ее! – Куцепалов взмахнул летным шлемом. – Я верю в то, что вы в бою будете достойными воздушными защитниками и своими подвигами прославите свой полк и нашу славную Родину!

Строй застыл в безмолвии.

– А сейчас рассредоточить и заправить самолеты горючим, переложить полетные карты и быть готовым к новому вылету. Для боя! Для отражения налета противника! За ВКП (б)! За Сталина!! Ура!!!

Летчики разошлись по стоянкам. Рассредоточить так рассредоточить. Навалились и откатили ведомых. Одного вперед, другого – назад. И все равно выстроили так, чтоб красиво было. Начальник штаба поруководил... Ну, не выносит армейская душа бардака. Ни в казарме, ни на плацу, ни в столовой. Что тут поделаешь?

Заправить самолет – тоже дело не хитрое. Если, конечно, не ведрами из бочки переливать. Боекомплект – в лентах. Карты переложить? Не фиг делать! Толку-то от них? Тут один ориентир – речка Керулен. Собственно, и не речка, а так – мутный ручей с

глинистыми берегами. Есть, правда, еще одна река – Халхин-Гол. Но до нее еще километров триста лететь.

Но долетели не все. В эскадрилье «бисов» одного летчика недосчитались. И главное, никто не заметил, куда он подевался. Был человек – и нет человека...

Глазыкин остро переживал чэпэ. Хотел даже сам на поиски вылететь. Но Куцепалов не разрешил. Завтра по этому же маршруту пойдет тридцать восьмой скоростной бомбардировочный полк капитана Артамонова. Штурманам все равно делать нечего будет, они и посмотрят, что и как.

– Ты, давай, лучше посты воздушного наблюдения организуй. До границы километров шестьдесят всего! Не хватало еще, чтобы нежданные гости нас тут как курей перещупали, – сказал он Глазыкину.

Комбриг безусловно не зря бдительность мобилизовывал. Умом Владимир понимал, что они прилетели на войну. Но как-то не верилось... Все так мирно вокруг. Юрты да заборы с расписными воротами. Свиньи бродят, коровы... Вон монгол сидит на маленькой мохнатой лошади, прищурился. В какой-то странной шляпе-кепочке и вышитом халате без воротника. Солнце светит, небо – синее, трава – зеленая... Какая еще война?

А вот такая.

Рано утром, на рассвете, восемь «ишаков» первой эскадрильи взлетели и, встав в правый пеленг за комбригом Куцепаловым, перелетели на аэродром подскока у высоты семьсот пятьдесят два, в просторечии – гора Хамар-Даба.

Может быть, младшего летчика Пономарева и не взяли бы с собой, но, спасибо воентехнику второго ранга Рябушкину (молодец Ванька!), мотор завелся с полпинка. Не то что у некоторых... Поэтому Владимир занял свое законное место справа от комзвена и шел за ним, как привязанный до самой посадки.

И только потом сообразил, что надо было еще и по сторонам смотреть. Потому что главная задача поменялась. Раньше надо было строй держать. А теперь надо было драться. И держаться спиной к спине, как положено в драке...

Но это сейчас все понятно, а тогда он лишь одного боялся, как бы интервал и дистанцию соблудит. Балбес!..

Сели у высохшего озерка. Сразу подъехал бензозаправщик. Рядом автостартер для запуска двигателя на стреме. Что еще надо для счастья простому истребителю? Разве что лишнюю ленту с патронами. В нужный момент! Но это уже из области фантастики...

Майор Куцепалов построил личный состав и произнес патристическую речь, в конце которой категорически запретил перелетать государственную границу Монгольской Народной Республики (была бы она еще и обозначена!) в случае преследования улепетывающего противника.

А в девять утра позвонили с поста воздушного наблюдения, оповещения и связи у озера Буир-Нур и сообщили о появлении звена японских истребителей.

– По куням! – решительно скомандовал комбриг.

Летчики разбежались по машинам, и один за другим пошли на взлет.

Все кроме Куцепалова. Потому что на его «ишаке», как на грех, никак не запускался мотор. Он яростно матерился. Но это не помогало...

Черенков взлетел раньше всех и, забыв, что он комэска, с набором высоты помчался на север. За ним, не дожидаясь друг друга, кинулись остальные.

Владимир взлетал последним. Наконец он оторвался от травы и резко, отматывая руку, убрал шасси. Командир звена улетел уже далеко. И его надо было догнать! Но скорость росла так медленно!.. Владимир видел, как ребята уходили вперед, а он за ними не успевал.

Все в этот день было поперек!

Вдруг он увидел, как там, над рекой, с высоты, со стороны солнца, на неровный, далеко растянувшийся строй его товарищей упала шестерка самураев.

Засверкали трассы. Кого-то сразу же подожгли, и он, вспыхнув, как спичка, вошел в пике, растягивая за собой рваный черный хвост. Самолет упал, а летчик так и не выпрыгнул.

Напоровшись на очередь, перевернулся и посыпался вниз еще один красnozвездный ястребок...

Сбив двоих в первой же атаке, японцы сделали скоростную горку и снова обрушились сверху на четверку И-16.

Нет, совсем не таким Пономареву виделся в мечтах его первый бой! Это самураи должны были пачками лететь вниз, объятые пламенем, а не сталинские соколы!

Владимир стиснул зубы, выжимая газ до упора. Он давил и давил на рукоятку изо всех сил, как будто это могло прибавить оборотов и без того ревущему на пределе мотору.

Все происходило слишком быстро!

Два «ишака» с замершими пропеллерами медленно планировали вниз. А один их прикрывал. Один против шестерых! Но недолго... Получив несколько очередей и оставляя за собой дымный след, он круто пошел к земле и при ударе взорвался.

После этого в небе остались только машины с красными кругами на серебристых плоскостях. А над степью поднимались густые черные столбы.

«Опоздал!» – скрипнул зубами Владимир. Конечно, он опоздал. Но не совсем. Потому что в небе еще летали враги.

И началось!..

На самом деле, он думал только об одном. Чтобы его сбили над своей территорией. И крутился, как мог, оттягиваясь на юг.

Таким фигурам пилотажа его не обучали. Впрочем, он вряд ли, понимал, что делал. Один раз он даже нажал на гашетку, когда прямо перед носом у него выскочил самолет с красными кругами на крыльях. И даже, кажется, попал! Потому что в воздухе замельтешила какая-то труха. Но в этот момент его ястребок вдруг протрясло, как на кочках, и швырнуло в сторону. А он получил по голове, как кувалдой. Но, к счастью, не прямо в лоб, а вскользь...

Владимир дал газ и сделал бочку. На такой малой высоте он неминуемо должен был бы убиться, выполняя эту фигуру. Но, видимо, не в этот раз.

И тут он увидел и это озерцо, и бензозаправщик, и автостартер. Можно было садиться. Если бы позволили эти... Которые клевали его, как стервятники. Он оглянулся. И ничего не увидел. Кровь заливала разбитые очки. Оставалось только погибнуть...

И вдруг все кончилось.

Самураи почему-то оставили его в покое. И тогда он толкнул ручку вперед и выпустил закрылки. И нырнул вниз, не выпуская шасси. Его израненный «ишак» заскользил по траве с загнутым на капот винтом, медленно разворачиваясь вправо и, наконец, остановился.

Его спас капитан Савченко. Расстреляв весь боезапас, капитан искусно вышел из боя и приземлился. И пока техник перезаряжал его оружие, стоял, напряженно вглядываясь в небо. А потом оттолкнул его и крикнул:

– От винта!

И его завели, и он взлетел, и только поэтому Владимиру удалось все-таки посадить свой изрешеченный самолет.

Потому что Савченко увидел, как избитый вражескими очередями И-16, ковыляя на бреющем, шел к своему аэродрому, а самураи заходили на него, как на полигоне, и стреляли, стреляли, стреляли...

И он взлетел, отогнал врагов, но при посадке на поврежденной машине не смог удержать направление, скапотировал и погиб. Жизнь за жизнь...

Такая вот война.

В этом первом бою героически погиб командир эскадрильи старший лейтенант Николай Черенков, который, оставшись один против шестерых, до последнего прикрывал своих товарищей – лейтенантов Александра Мурмылова и Анатолия Орлова, планирующих с отказавшими моторами на вынужденную.

Спасая товарища, погиб капитан Савченко.

Пропал без вести лейтенант Пьянков.

Двигатель Куцепаловского истребителя так и не завелся. Может, засорился

бензопровод? Или комбриг в спешке залил карбюратор? Техники сняли капот и ковырялись в движке.

А Куцепалов больше не матерился. Он молча сидел в кабине своего самолета, глядя в одну точку в каком-то ступоре, без мыслей и без эмоций.

Позднее выяснилось, что Александр Пьянков уцелел.

Он был подбит и ранен в самом начале боя. И попытался посадить поврежденный самолет. И снова был ранен. Но все-таки сумел приземлиться, не выпуская шасси, на «брюхо». Пьянков выскочил из машины, но спрятаться было некуда. А самураи заходили на него один за другим. Стреляли длинными очередями, как в тире, а он зигзагами метался из стороны в сторону. В него они не попали. А самолет сожгли.

И он остался один посреди бескрайней монгольской степи. Раненый... Без воды... Без пищи... Под палящими лучами солнца.

Александр кое-как перебинтовал простреленную руку полосой, оторванной от полы натальной рубахи, определился по солнцу и побрел на юг.

Это была настоящая борьба жизни и смерти. И жизнь победила.

Три дня спустя он наткнулся на колонну бронемашин. Бойцы напоили, накормили летчика и доставили в часть. Видать, рано было ему тогда помирать, наверное...

– Это надо было видеть! Приходит, значит, Сашка Пьянков к Глазыкину и говорит: «Рано вы меня списали на свалку, товарищ майор! Докладываю: дрался, покалечил пару самураев. Летел домой, но запнулся. Пришлось присесть... Да, и хрен с ним! Прибыл для дальнейшего прохождения службы!» А командир берет блокнот и вычеркивает его из списков погибших! – так описывал эту сцену Толя Орлов.

– Тебе бы не летать, а конференсье работать, – только и отвечал комзвена. – На танцплощадке!

Но это было потом...

Неисправность в Куцепаловском самолете техники так и не нашли. Но, перебрав и перечистив все, что можно, они попробовали его завести. И им, как ни странно, это удалось. Впрочем, такое бывает.

Оставаться на аэродроме подскока больше не было смысла, и Куцепалов вернулся в Тамцаг-Булак. Это было очень невеселое возвращение. Утром он увел за собой эскадрилью, а вечером прилетел назад один. С Глазыкиным разговаривать не захотел. Молча глянул на него и ушел в свою палатку.

А на следующий день снова был бой. И опять неудачный.

Сначала рано утром поступил приказ привести в боевую готовность двадцать истребителей И-15 бис. Но почему-то после взлета первого звена вылет остальных был отменен. И на выполнение задания они пошли одни.

И не вернулись... Над Халхин-Голом их перехватила и сожгла шестерка самураев. Комэска-три старший лейтенант Иванченко, адъютант эскадрильи старший лейтенант Вознесенский и флаг-штурман эскадрильи лейтенант Чекмарев погибли.

Но это стало известно значительно позднее. А тогда никто еще ничего не знал. Потому что радио на самолетах не было, а по расчету времени бензин у них имелся.

Через час после Иванченко, по ранее утвержденному плану, в воздух поднялись сразу две эскадрильи – десять истребителей И-15 бис и десять И-16. Не встретив противника, они благополучно сели на свой аэродром.

Однако такое развитие событий майора Куцепалова совершенно не устраивало.

Он должен был отомстить за своих погибших. И реабилитироваться за провал. И доказать самому себе что-то важное.

Доказать не кому-то, а самому себе, что двигатель в то утро не смог завестись, потому что был неисправен, а не потому что ему было очень, очень страшно. Доказать самому себе. Потому что никто, кроме майора Куцепалова, обвинения в трусости майору Куцепалову предъявлять не собирался.

Люди знали, что мотор действительно не заводился. Зря, что ли, техники полдня потом

в нем копались.

Но если он сам себе этого не докажет, из армии надо уходить. Или стреляться на хрен! Потому что без армии Куцепалов себя попросту не мыслил. Но трусу в армии, а особенно в авиации не место!

Вот почему сразу после посадки в полк позвонил замначальника штаба бригады капитан Иванищев и передал новый приказ:

– Немедленно вылететь двум эскадрильям в том же составе!

– Эскадрилья «шестнадцатых» к вылету еще не готова, – ответил Глазыкин.

– Вы-пол-нять! Вылететь одним «пятнадцатым», не дожидаясь готовности «шестнадцатых»! Это приказ! За невыполнение пойдете под трибунал! – рявкнул Иванищев.

– Есть! – подчинился комполка.

Потом он пожалел об этом. Но было уже слишком поздно...

Эскадрилью Балбшева в небо повел помкомполка майор Мягков. Это все, чем мог тогда помочь комэска-четыре Глазыкин.

– Ты уж там смотри, Павел Афанасьевич, – сказал он Мягкову.

– Не беспокойся, Николай Георгиевич. Прорвемся!

Но они не прорвались...

Потому что на десятку стареньких советских бипланов с неубирающимися шасси навалилось восемнадцать новейших истребителей противника. Ки-27 были легче И-15, значительно превосходили их и в скорости, и в скороподъемности, и в маневренности. Мало того, все они были оснащены радиостанциями. Одним словом, без поддержки «ишаков» у «бисов» вообще не было никаких шансов.

И тем не менее, не взирая на двойное превосходство противника в численности, советская эскадрилья вступила в бой. Десять против восемнадцати.

Исход боя был предрешен...

Во время первой же атаки был подожжен самолет Мягкова. Летчику удалось сорвать пламя в пике, но когда он шел на бреющем, японский истребитель догнал его и сбил.

В ходе той же атаки был ранен в голову командир эскадрильи капитан Балашев. Он потерял сознание, но почти у самой земли пришел в себя, сумел выровнять свой изрешеченный истребитель и, обливаясь кровью, с трудом дотянул до аэродрома...

Оставшись без командиров, эскадрилья была рассеяна и уничтожена.

Раненый комэска был единственным, кто сумел вернуться в Тамцаг-Булак.

Противник потерь не имел.

Глава 5. «Нас извлекут из-под обломков...»

Москва, 29 мая 1939 г.

Летчик-испытатель Герой Советского Союза майор Кравченко крутанул бочку, зафиксировал самолет и вошел в штопор. Мир закружился вокруг его верной «ласточки» в отчаянном вихре вальса. Перед глазами замелькали рулежные дорожки, самолетные стоянки, машины, ангары.

Земля была очень близко. Когда под солнечным сплетением заныло совсем невтерпеж, Григорий остановил вращение и плавно взял ручку на себя. Низко просев, его истребитель перешел в горизонтальный полет на высоте едва ли в десяток метров. Разогнавшись, Кравченко свечой рванулся к солнцу.

Его руки делали привычную работу, а мысли шли своим чередом. Он давно уже привык к молчаливым беседам сам с собой. От природы веселый и общительный, Григорий не мог оставаться один, его постоянно окружали люди. Братя, а у него их было четверо, сестры, соседские парубки, товарищи по интернату, курганская комсомолия, техникумовские кореша, друзья-летчики. Но в небе общаться было не с кем и, летая на истребителях уже восемь лет, он волей-неволей научился разговаривать сам с собой. К своему собеседнику, то, бишь, к самому себе, он при этом обращался уважительно, по имени-отчеству.

«Да, Григорий Пантелеевич, жениться тебе пока рановато. Оно, конечно, можно было бы, однако лучше погодить...» – перед глазами у него до сих пор стояло безжизненное, мертвое лицо Вали Серовой.

Две недели назад в Кремлевской стене похоронили Полину Осипенко и Анатолия Серова. Урны с прахом были выставлены в Колонном зале Дома Союзов. Два дня и две ночи по Пушкинской улице шли люди. Казалось, что попрощаться со своими любимцами пришла вся страна. У подножия двух постаментов поднялся высокий холм из тысяч букетов, повязанных алыми лентами. Два оркестра, симфонический и духовой, играли без перерыва. Траурные мелодии Бетховена, Шопена, Чайковского рвали душу на части. Даже мужчины едва сдерживали слезы.

Не плакала только Валя Серова. Ее мать, еще какие-то женщины, держали ее под руки. Они не отходили от нее ни на шаг, а она стояла, отрешенно глядя прямо перед собой сухими, ничего не видящими глазами и молчала.

«Это было невыносимо...» – скрипнул зубами Григорий.

Он как-то сразу сошелся характером с Анатолием. Они даже внешне были чем-то похожи. Коренастый, плотный русак и такой же крепкий и низенький хохол. И биография у них была почти одинаковая, хотя Анатолий и был на два с половиной года старше. Оба с Урала, оба – отличные спортсмены, оба – комсомольские вожаки. И в авиацию оба пришли по комсомольскому набору. Они даже авиашколу закончили практически одновременно. Правда, Серов учился летать в Оренбурге, в третьей военной школе летчиков и летнабов, а Григорий – в первой. В знаменитой Каче...

Кравченко завершил мертвую петлю в той самой точке, с которой начал фигуру, сделал энергичный боевой разворот и перешел в крутое пике, разгоняясь. Земля приближалась с нарастающей скоростью. Григорий приник к прицелу, имитируя атаку наземной цели...

Судьба свела его с Серовым не сразу, но в армии, а особенно в таком элитном роде войск, как истребительная авиация, как в деревне – все друг друга знают или, как минимум, имеют общих друзей и знакомых. Сам непревзойденный пилотажник, Григорий много слышал о Серовском звене «воздушных акробатов». Но познакомились они только в тридцать шестом.

И опять все у них сходилось. Оба – летчики-испытатели, оба – старшие лейтенанты, по три кубаря в петлицах. Но Кравченко чуть-чуть опережал. Он на испытательную работу перешел раньше и уже успел получить орден. Большая редкость по тем временам, да и сейчас, впрочем, тоже.

Жаль, конечно, что дали ему не настоящий боевой орден Красной Звезды, а всего лишь трудовой «Знак Почета», которым обычно награждали пастухов и доярок за удои и привесы. Отчего в народе к нему крепко прилепилось прозвище «Веселые ребята». После появления на экранах одноименной кинокартины.

Но был этот «Знак Почета» Григорию по-своему дорог. Как знак того, что и командование, и товарищи, оценили молодого пилота по достоинству. А ведь чего скрывать, поначалу из-за маленького роста его и в авиашколу-то принимать не хотели.

Кравченко вышел из пике у самой земли, перевернул машину и пронесся вниз головой над взлетной полосой на бреющем.

«Принимать они его не хотели!» – усмехнулся Григорий. Он тогда заявил в приемной комиссии, что он тут не погулять вышел, что в авиашколу его направил комсомол и что принять его надо! А что касается роста, то хоть он у него и невелик, но управлять самолетом позволяет. Если опустить сиденье основного истребителя Красной армии И-15 до упора, то у него под ногой еще останется пять сантиметров! Сам специально проверял!

Начальник приемной комиссии усмехнулся и сказал:

– Ну, раз, ты так хорошо знаком с истребителями, то никуда не денешься! А ведь придется нам, товарищи, взять этого боевого хлопца!

А потом судьба снова развела их с Серовым. И опять они получали вести друг о друге через друзей и знакомых.

Анатолий сражался с мятежниками в далекой Испании. Командовал авиаотрядом, а потом эскадрилей. Сбил пятнадцать самолетов и вернулся на родину с тремя боевыми орденами. Стал Героем Советского Союза, полковником. О нем теперь знала вся страна. Тут он Григория круто обошел.

Когда Анатолий вернулся в Москву, они и поговорить-то толком даже не успели. Потому что теперь пришла очередь старшего лейтенанта Кравченко убывать в заграникомандировку. Но поехал он не в Испанию. В Испанию ему ехать не хотелось. Как-то не очень хотелось ему идти по проторенному пути.

На другом краю Евразии полыхала не менее кровопролитная война. И там тоже очень нуждались в советских летчиках-добровольцах. Вот, где можно всех опередить, думал тогда Григорий. Но это оказалось не так. Повоевали до него и там.

Впрочем, вскоре об этих смешных мальчишеских амбициях он позабыл напрочь. А вот своего первого боя ему не позабыть, хотя и боев, и сбитых самолетов потом было достаточно...

Это произошло чуть больше года назад, двадцать девятого апреля тридцать восьмого года. В день рождения Микадо, японского императора, в небе над Ханькоу.

К городу рвались самурайские бомбардировщики. С обеих сторон в бою участвовало более сотни самолетов.

Когда Григорий набрал высоту, строй бомбардировщиков уже рассыпался.

«Чижи», истребители-бипланы И-15, вступили в бой с истребителями противника раньше «ласточек», монопланов И-16, и разбили их на мелкие группы. Идущие следом японские бомбардировщики не выдержали натиска, стали сбрасывать бомбы, куда попало и на предельных скоростях поворачивать обратно.

Он подошел к самураю практически вплотную. Огромная туша вражеского бомбардировщика с красными кругами на крыльях закрыла весь прицел. Промahnуться было невозможно. Он и не промахнулся. Бомбовоз загорелся и свалился в штопор.

Потом он сбил еще один бомбардировщик, но и сам вляпался по самое никуда. Увлечся атакой и забыл про осмотрительность.

Григорий понял, что по нему стреляют, только когда сквозь гул мотора услышал частую дробь и всем телом ощутил удары вонзающихся в его «ласточку» пуль. Вывернувшись из-под прицельной трассы, он оглянулся и увидел самурая. Из пробитых баков хлестал бензин и горячее масло. Оно забрызгало очки и обожгло лицо. Сорвав очки, Григорий сам перешел в лобовую атаку, но вражеский истребитель, сделав переворот, снова стал заходить ему в хвост.

Григория выручил Антон Губенко. К этому времени мотор подбитой «ласточки», сделав несколько перебоев, зачихал и смолк. Пришлось садиться на «брюхо» прямо перед собой. Спасибо Антону, а то сожгли бы его на планировании...

Как давно это было! Григорий снова набрал высоту и выполнил целый каскад фигур высшего пилотажа. Где-то далеко внизу раскинулся аэродром Научно-испытательного института ВВС.

«Антон... Какой был хлопец!» – Кравченко крутил бочки и петли одну за другой.

За бои в Китае им обоим присвоили звание Героев Советского Союза три месяца назад, в один и тот же день. Но Антона уже два месяца как нет. Убился на маневрах. Ребята рассказывали, что он атаковал наземную мишень и чуть-чуть не рассчитал во время пикирования. В авиации «чуть-чуть» иногда бывает слишком много.

«Вот так. Сначала Валерий Чкалов, потом Антон, а теперь вот Анатолий с Полиной...» – Григорий вращал вокруг себя землю с какой-то неистовостью.

Это произошло на учебно-тренировочных сборах. Они летали на отработку слепого полета на спарке и разбились. В этом полете в задней, закрытой кабине сидел Анатолий, а Полина должна была его подстраховывать. Но не сумела.

Витька Рахов первым нашел место катастрофы. Он потом рассказывал, как, осматривая местность с высоты, увидел темную массу народа. Люди бежали со стороны расположенного

невдалеке села, потом вдруг останавливались, застывали на месте. Они окружали что-то на земле.

Когда Витька сел рядом, ему рассказали, что самолет сначала летел на высоте около четырехсот метров к рожице за селом, потом сделал круг, полетел по прямой назад, затем вернулся, начал виражить и внезапно сорвался в штопор. После нескольких витков он перестал крутиться. Но не успел выйти из пикирования и врезался в землю.

Кабина Серова была открыта. Видать, в последний момент он открыл ее, вывел самолет из штопора, но высоты не хватило. Чуть-чуть...

На место катастрофы немедленно вылетела правительственная комиссия. Говорят, Смушкевич плакал, как ребенок.

«Нет, Григорий Пантелеевич, жениться будем погодить... И без того вдов достаточно!» – подвел итог Кравченко. И вспомнил вдруг, как красиво Анатолий ухаживал за Валентиной.

Серов увидел ее на вечеринке у Александра Ляпишевского, и весь вечер танцевал только с ней одной. И следующие два дня не отходил от нее ни на шаг, возил в театр, в клуб писателей. А на третий день, сидя с ней у нее дома, предложил выйти за него замуж. Ну, разве она смогла бы устоять перед Анатолием Серовым! Разве смогла бы отказать летчику, комбригу, трижды орденоносцу, Герою Советского Союза!

Но неделю она все-таки продержалась. Они договорились, что Валя съездит в Ленинград, посоветуется с матерью. Вечером он проводил ее на вокзал, а на следующее утро прилетел в Ленинград на своем истребителе. Когда она приехала к матери, Анатолий позвонил туда, напросился в гости и тут же приехал, прихватив с собой своего боевого товарища, командующего ВВС Ленинградского военного округа комкора Евгения Птухина в качестве поддержки. Мать против брака дочери, понятное дело, не возражала. Весь день Анатолий и Валентина провели вместе, гуляли по Ленинграду. Вечером он посадил ее в поезд. А утром, на вокзале в Москве, опять встречал с огромным букетом сирени. Ну, как тут устоять! На восьмой день знакомства, они поженились.

«И прожили вместе ровно год...» – Григорий посмотрел на бензиномер. Стрелка дрожала у красной черты. Пора на посадку!

Круто спикировав к посадочному «Т», Кравченко убрал газ и, резко сбросив скорость на выравнивании, выпустил посадочные щитки. Затем, над самой землей, в ускоренном темпе вращая рукоятку, выпустил шасси. Сорок два оборота. Пятнадцать секунд... Такую посадку он отрабатывал на всякий случай, как вынужденный выход из боя с посадкой под угрозой атаки противника. Только в реальном бою надо будет садиться еще быстрее – не выпуская шасси, на «брюхо».

Кравченко хорошо запомнил, каким беспомощным он себя чувствовал, когда его подбили в том, самом первом в его жизни, бою и он планировал с заглушим мотором.

Самолет он притер на три точки у самого «Т». Как и положено прославленному асу.

Зарулив на стоянку и отстегнув привязные ремни, Григорий пружинисто выпрыгнул из кабины. Все мышцы приятно ныли. «Эх, хорошо...» – потянулся он.

К стоянке подкатила «эмка» начальника аэродрома. Из нее выскочил комбриг Сузи и замахал Григорию рукой, подзывая к себе. Кравченко отстегнул лямки парашюта, забрал у техника фуражку и поспешил к машине.

– Здравия желаю, товарищ комбриг!

– Здравствуй, Григорий Пантелеевич! Мы тебя уже тут ждали!

– Летал согласно плану полетов.

– Да, знаю я. Давай садись и дуй в Москву! Начальник Управления ВВС срочно вызывает.

– Что-то случилось опять?

– Да нет, вроде ничего... Тьфу-ты, чтоб не сглазить! Вызвали тебя и Рахова. Без объяснения причин. Он уже уехал. Давай догоняй...

Григорий кинул на заднее сиденье реглан и сел рядом с шофером, который только этого и ждал. Завизжали шины, и «эмка», быстро набирая скорость, понеслась вперед.

День был прекрасный. Лето, опережая календарь, уже вступило в свои права. Григорий, положил фуражку на колени, опустил боковое стекло и выставил наружу ладонь. Они мчались по широким проспектам столицы, и только что политый асфальт лихо шелестел под колесами.

Когда им приходилось притормаживать на перекрестках, юные москвички в легких летних платьях, переходя дорогу, всю заглядывались на молодого летчика-майора, на темно-синем френче которого сверкало сразу аж три ордена. Григорий делал вид, что не замечает этих взглядов, но, поймав белозубую улыбку озорной чернявой дивчины, не удержался и широко улыбнулся ей в ответ.

Вспыхнув на мгновение, улыбка тихо растаяла на его лице. Чем-то неуловимым эта неизвестная москвичка напомнила ему Полину Осипенко.

«Как она рвалась в небо!..» – подумал Григорий.

Они были знакомы с Полиной еще с лета тридцать первого. Хотя какое это было знакомство! Он – стриженный, вечно голодный, восемнадцатилетний курсантик, а она – взрослая двадцатипятилетняя замужняя женщина.

Ее муж, Степан Говяз, служил летчиком-инструктором в авиашколе, а Полина работала буфетчицей. Платье в цветочках, белый фартучек с маленькой голубой эмблемкой школьной столовой. И, кажется, не была она тогда такой рослой, крепкой и решительной, какой ее потом узнала вся страна. Впрочем, кисейной барышней она и в те времена не выглядела. А как загорелась стать пилотом, так и вовсе на нее управы не стало.

До самого Климента Ефремовича дошла, но добилась, чтобы ее зачислили в авиашколу! Но сначала мужа одолела, чтобы научил ее летать.

«Вот, настырная дивчина была!..» – усмехнулся Григорий.

Учебные полеты происходили на нескольких площадках, куда к полудню на самолете У-2 привозили стартовый завтрак. В этих полетах муж разрешал ей подержаться за управление. Так она летать и выучилась...

Снова он услышал о Полине уже в тридцать шестом, когда в Кремле на Всесоюзном совещании жен командного и начальствующего состава она на всю страну пообещала с трибуны «летать выше всех девушек мира!».

И, кстати, слово свое сдержала. Три международных женских рекорда высоты, два международных женских рекорда дальности! За эти рекорды и ордена имела. А прошлой осенью за дальний беспосадочный перелет ей присвоили звание Героя! Вся страна за нее переживала, вся страна ей гордилась. Знали ее, правда, уже как Осипенко. Фамилию она поменяла после нового замужества. Не удержал Степан жар-птицу...

Да и фамилия у него была какая-то совсем не геройская.

Григорий познакомился со вторым мужем Полины, летчиком-истребителем Александром Осипенко, пару месяцев назад, когда Михаил Иванович Калинин им обоим вручал в Кремле грамоты Героев Советского Союза и ордена Ленина. Григорию – за Китай, а Александру – за Испанию.

«Вот так и встречаемся. Раз в полгода. От указа, до указа. Да еще на похоронах...» – Кравченко нахмурился. Что-то его сегодня заклинило на похоронные темы. Об этом думать – только беду накликают! Он покосился на шофера, как будто тот мог прочесть его мысли и неправильно понять.

«Хватит раскисать, Григорий Пантелеевич! Не к лицу летчику-испытателю Герою Советского Союза такие настроения! Лучше давай подумаем, зачем тебя начальство вызывает. Наказывать вроде особо не за что. Поощрять тоже...» – гадал Григорий.

В этот момент «эмка» подъехала к крыльцу Управления ВВС РККА. Кравченко выскочил из машины, взбежал по лестнице и, козырнув дежурному, хотел доложить о прибытии. Но полковник нетерпеливо замахал рукой:

– Давайте, давайте товарищ майор, уже все собрались!

Григорий быстрым шагом поднялся на второй этаж и вошел в приемную начальника Управления ВВС командарма второго ранга Локтионова. Она была переполнена летчиками,

оживленно разговаривавшими между собой. Сплошь знакомые все лица.

«Оба-на! А ты-то сетовал, что редко видимся!» – подумал Григорий, пробираясь сквозь толпу и на ходу пожимая протянутые руки.

От блеска орденов рябило в глазах. Полковники, майоры и капитаны, большинству из которых не было еще и тридцати. В основном это были «испанцы».

«Ага, вот и „китайцы“!» – Григорий поздоровался с Леонидом Орловым и Александром Николаевым, а затем поискал глазами Рахова.

Виктор стоял рядом с «испанцами», которых хорошо знал по летно-испытательной работе и вместе летал в «красной» пилотажной пятерке во время воздушных парадов. Борис Смирнов возбужденно развивал какую-то мысль, что-то втолковывая Павлу Коробкову и Сергею Грицевцу.

Всех интересовало, зачем их собрали. Да еще по персональному отбору, из самых разных мест. Высказывались самые разные предположения, одно другого фантастичней. Но все сходились на том, что это неспроста.

В приемную, так и не оправившись после тяжелейшей прошлогодней аварии и сильно хромая, вошел комкор Смушкевич. Пилоты кинулись к своему любимцу и покровителю с вопросами, но он только махнул рукой и скрылся за дверью кабинета Локтионова.

Через пару минут начальник Управления вышел и сообщил, что все они – двадцать два летчика – по персональному списку вызваны на совещание к наркому обороны Маршалу Советского Союза Ворошилову. Он их уже ждет.

Когда все расселись, Ворошилов оглядел присутствующих и сказал:

– Мы собрали вас сегодня, товарищи летчики, в связи с важными событиями. Одиннадцатого мая японо-маньчжурские части нарушили государственную границу дружественной нам Монгольской Народной Республики...

Коротко пояснив общую обстановку в районе боев, Ворошилов перешел к главному:

– Позавчера утром семь И-16 вылетели на перехват звена японских истребителей. В результате этого первого воздушного боя только двое летчиков вернулись на свой аэродром, остальные были сбиты. Четыре наших летчика погибли, один был ранен... А самураи, наоборот, не потеряли ни одного своего самолета!

Летчики зашевелились, озабоченно переглядываясь. А Ворошилов тем временем продолжал:

– Вчера днем в двух боях с нашей стороны участвовало тринадцать И-15 бис. Японцы сбили десять самолетов и еще один сожгли на земле после посадки. Два самолета также совершили вынужденную посадку и восстановлению не подлежат... Погибло девять пилотов, один был ранен. А самураи опять не имели потерь!

После этих слов маршала в зале для совещаний повисла гробовая тишина.

«Не может быть!» – Григорий посмотрел на Локтионова. Верить услышанному не хотелось, но и не поверить было нельзя.

Командарм сидел в напряженной позе, неестественно выпрямившись. Все это он уже знал. Сам ведь и докладывал наркому.

Однако двадцатилетний майор даже отдаленно не мог себе представить, какие мысли ворочаются в измученной бессонницей голове начальника Управления ВВС Рабоче-крестьянской Красной армии...

Командарм второго ранга Александр Дмитриевич Локтионов уже почти полтора года был начальником Управления ВВС, сменив на этой должности разоблаченного врага народа Алксниса. И, хотя в середине тридцатых годов несколько лет подряд он являлся помощником командующего войсками военного округа по ВВС, считал себя в авиации человеком случайным и не забывал напомнить наркому о том, что никакого специального авиационного образования не имеет, и всю жизнь командовал стрелковыми частями и соединениями.

Да что тут греха таить, он даже обычного регулярного военного образования не имеет. Краткосрочные курсы – не в счет! Как и многие другие военачальники его поколения, чин

прапорщика он выслужил в Германскую, на фронте. В восемнадцатом вступил в Красную армию. В годы Гражданской командовал полком и бригадой. В мирное время был начальником стрелковой дивизии, а затем командиром и комиссаром стрелкового корпуса. И только в тридцать седьмом резко пошел в гору. Сначала был командующим войсками Среднеазиатского военного округа, вместо врага народа Дыбенко, а потом был назначен начальником Управления ВВС.

По иронии судьбы, после ареста Алксниса дела в авиации пошли гораздо хуже, чем при его вредительском руководстве. Катастрофы чуть не через день. Начальник Главного управления политпропаганды РККА армейский комиссар первого ранга Мехлис без конца строчит доклады о повальном пьянстве в авиации. Эти летуны пьют по-черному и бьются один за другим! Локтионов почти физически ощущал, как накаляется под ним кресло. И вот теперь его самые худшие ожидания начинают оправдываться.

Свою долю упреков и матерщины он уже поимел. Хотя, понятное дело, настоящий разбор полетов еще только предстоит. И никакие прежние заслуги и ордена не спасут, как не спасли его предшественников. Поэтому надо было что-то срочно предпринимать. Болванов, которые допустили этот бардак в Монголии, он от должностей уже отстранил. Но это только полдела. После таких поражений снова посылать людей в бой было равносильно самоубийству. Поэтому он и предложил для поднятия боевого духа отправить в район боев тех, кто умел побеждать и уже много раз побеждал врага.

Ворошилов еще раз оглядел присутствующих:

– Из-за господства японской авиации сухопутные части несут большие потери. Гибнут красноармейцы и командиры... Вот, дорогие товарищи, потому-то мы и вызвали вас, уже имеющих опыт боев в Испании и Китае. Уверен, что вместе с другими летчиками вы сумеете добиться коренного перелома в воздушной обстановке в Монголии. Все вы будете назначены советниками и командирами частей и подразделений. Ваша главная задача – передать свое умение бить врага, научить этому строевых летчиков! И вместе с ними разгромить обнаглевшую японо-маньчжурскую сволочь! – Ворошилов повернулся к начальнику Управления ВВС. – Товарищ командарм!

Локтионов встал:

– Товарищи командиры! Сейчас вас отвезут на Центральный аэродром. Три транспортных «Дугласа» уже подготовлены к вылету. Маршрут перелета: Москва – Свердловск – Омск – Красноярск – Иркутск – Чита – Баян-Тумен. Группу возглавляет заместитель начальника Управления ВВС комкор Смушкевич! Он назначен командующим советских ВВС в районе боев. По прибытии каждому из вас будет поставлена персональная боевая задача.

Он повернулся к Ворошилову:

– Разрешите выполнять, товарищ нарком?

Ворошилов коротко кивнул:

– Действуйте!..

По дороге на аэродром все разговоры в автобусе были только о том, о чем шла речь на совещании. И тут уже «китайцы», как настоящие эксперты, всю делились своими впечатлениями о самурайских «королях неба». Вывод был единодушный: японцы – противник серьезный и недооценивать его нельзя, но бить можно и даже нужно!

На аэродроме обсуждение продолжалось с не меньшим жаром. Тем более что пришлось-таки задержаться, как это обычно и бывает в армии. Сначала – беги, потом – жди, потом опять – беги.

Провожать их на Ходынку приехал сам Ворошилов, который как чувствовал, что все надо перепроверить. Узнав, что ни экипажи, ни пассажиров Гражданский Воздушный флот парашютами не обеспечивает, народный маршал едва не разнес эту несчастную контору на букву «Г» по бревнышкам и запретил вылет, пока не доставят парашюты на всех – и на тех, и на других. А заодно приказал поменять гражданские экипажи на армейских летчиков.

Действительно, весь цвет советской военной авиации и в том числе одиннадцать Героев

Советского Союза в одном самолете! Да еще без парашютов! Случись что – и особистов дожидаться не стоит, сразу можно пулю в лоб пускать. Без разницы, маршал ты или командарм.

Ну и что, что за штурвалами «Дугласов» лучшие из лучших пилотов ГВФ, а ведущим идет вообще летчик-миллионер Александр Голованов! Тут дело государственное! А пилот, он и сам в том же самолете сидит без парашюта, как и остальные, с него не спросишь потом, если что!

– Хорошо, миллионер пускай летит. Лидировать будет. А остальных поменять! – приказал Ворошилов.

Довольные отеческой заботой своего маршала летчики, как мальчишки, потешались, глядя на мечущихся во все стороны, как на пожаре, гражданских.

Наконец парашюты привезли, и все три «Дугласа» после недолгого разбега оторвались от бетонки и взяли курс на восток.

Григорий смотрел сквозь иллюминатор на исчезающую в сизой дымке столицу, и сердце его наполнялось какой-то задорной силой. Он снова летит на войну! Жизнь-то, похоже, опять налаживается!

«Эх, не успел-таки ты жениться, Григорий Пантелеевич!.. И, слава богу!» – подумал он. А потом решительно сдвинул на лоб фуражку, закрыл глаза и заснул.

Глава 6. «Мы войны не хотим, но себя защитим...»

Москва, 1 июня 1939 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО!

СТЕНОГРАММА совещания Политбюро ЦК ВКП (б), СНК и НКО СССР

СТАЛИН. Товарищ Ворошилов доложите Политбюро, что у вас там такое происходит в Монголии?

ВОРОШИЛОВ (Маршал Советского Союза, нарком обороны, член Политбюро ЦК). Самураи опять распоясались, товарищ Сталин! Мало им Хасана показалось...

У нас с монголами с тридцать шестого года протокол о взаимной безопасности, целый корпус расквартирован, а они лезут! За полгода семнадцать раз провокации устраивали! А на этот раз совсем обнаглели! Одиннадцатого мая разгромили монгольскую погранзаставу, четырнадцатого снова напали на ихних пограничников, двадцатого уже на наш стрелковый взвод напали возле реки Халхин-Гол. Что характерно, на монгольской территории! Ну, мы их, конечно, вытолкали обратно. А три дня назад они целой дивизией навалились. Превосходящими силами. Наших-то там всего ничего было – пара стрелковых батальонов, да артдивизион. Командир корпуса Фекленко нерасторопный оказался. Потеснили нас япошки немного. Вчера мы кой-чего подтянули к месту боев и выбили их обратно. Но есть потери... *(заглядывает в бумажку)* десять броневиков, три орудия, около ста человек убитыми. Раненых чуть побольше... Авиация наша здорово облажалась. Самураи летали, как хотели и где хотели. Поэтому и потери такие.

СТАЛИН. Начальник ВВС, объясните, почему самураи у вас летают, где хотят?

ЛОКТИОНОВ (командарм второго ранга, начальник Управления ВВС, заместитель наркома обороны). Товарищ Сталин! Действительно, в майских боях авиация особого корпуса себя не проявила. Точнее, показала свою неготовность к воздушным боям с матерым, опытным противником. У японских летчиков большой опыт боевых действий в Китае, а у нас там были необстрелянные пилоты. Но из боя никто не выходил. Дрались до последнего!

СТАЛИН. Какие потери?

ЛОКТИОНОВ. Боевые потери с двадцатого по тридцать первое мая составили семнадцать самолетов, в том числе один разведчик Р-5, четыре истребителя И-16 и двенадцать истребителей И-15 бис. Погибло двенадцать летчиков.

СТАЛИН. Сколько японцев сбили?

ЛОКТИОНОВ. В воздушных боях повреждено более десяти японских самолетов.

СТАЛИН. А сколько сбито?

ЛОКТИОНОВ. Ни одного, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Что вы предприняли?

ЛОКТИОНОВ. Позавчера по приказу товарища Ворошилова в район боев была направлена большая группа летчиков и специалистов, имеющих опыт боев в Испании и Китае, во главе с моим заместителем комкором Героем Советского Союза Смушкевичем. В группе одиннадцать Героев Советского Союза. Все они будут назначены советниками в полки и эскадрильи. Я ручаюсь, что в кратчайший срок ВВС корпуса будут подготовлены к боям! Это всего лишь первый раунд! Мы их задавим!

СТАЛИН. Хорошо. Политбюро обязательно проверит, как вы выполните свое обещание... Значит, командир особого корпуса Фекленко не справился?... Я думаю, его надо заменить. Разве у нас нет достойных командиров корпусов, которые покажут наконец этим зарвавшимся милитаристам, с кем они имеют дело?

БУДЕННЫЙ (Маршал Советского Союза, инспектор кавалерии, член ЦК). Я предлагаю отправить в Монголию комдива Жукова.

СТАЛИН. Какого такого Жукова?

БУДЕННЫЙ. Заместителя командующего Белорусским округом по кавалерии. Я его знаю, он у меня в инспекции служил. Хороший конник. Знает, с какой стороны к кобыле подойти. Исполнительный. И потребовать может. Он им там всем даст просрать!

ЩАДЕНКО (армейский комиссар первого ранга, начальник Управления по командному и начальствующему составу, заместитель наркома обороны, член ЦК). Жуков – не политик. А там другая страна и вообще.

СТАЛИН. Нам не надо политиков. У нас их достаточно, даже слишком много лишних. Нам нужны исполнители. Вызвать Жукова в Москву немедленно!..

ЩАДЕНКО. Слушаюсь, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Значит, семнадцать раз монголам провокации устраивали? Совсем обнаглели эти милитаристы... Товарищ Берия, а сколько раз они нам устраивали провокации?

БЕРИЯ (комиссар госбезопасности первого ранга, нарком внутренних дел, кандидат в члены Политбюро ЦК). Только за последние два года на границах с Маньчжурией зафиксировано более двухсот тридцати нарушений, из них тридцать пять – крупные боестолкновения, товарищ Сталин. Самое крупное было у озера Хасан в прошлом году.

СТАЛИН. Предлагаю в целях обеспечения безопасности наших дальневосточных границ поддержать идею создания Союза Дальневосточных Народных Республик в составе: Тувинской Аратской Республики в ее нынешних границах, Монгольской Народной Республики в ее нынешних границах, Маньчжуро-Китайской Народной Республики с южной границей по реке Хуанхэ и ее притоку Вэйхэ, и Корейской Народной Республики с северной границей по рекам Ялуцзян и Тумыньцзян.

Товарищ Чойбалсан с нашей помощью уже навел революционный порядок в Монголии. Поэтому основной политической задачей в настоящий момент считаю – ликвидацию марионеточного прояпонского режима Маньчжоу-Го и образование Союза Дальневосточных Народных Республик, а основной военной задачей – разгром японской Квантунской армии.

ГОЛОС. Давно пора раздавить это белогвардейское гнездо!

ГОЛОС. Самураи сами напросились!

ГОЛОС. Раскатать их к такой-то матери!

ГОЛОС. Пора рассчитаться за Цусиму и КВЖД!

ГОЛОС. Надо помочь китайским товарищам!

СТАЛИН. Давайте послушаем, как Генштаб планирует решить эту задачу.

ШАПОШНИКОВ (командарм первого ранга, начальник Генерального штаба, кандидат в члены ЦК). Для решения поставленной задачи Генштаб предлагает сформировать на базе Забайкальского военного округа, первой и второй отдельных Краснознаменных армий и

пятьдесят седьмого особого стрелкового корпуса три фронтовых объединения – Забайкальский, Дальневосточный и Приморский фронты – и подчинить их Ставке главнокомандования Красной армии на Дальнем Востоке.

Ориентировочные сроки проведения Маньчжурской стратегической операции – конец этого лета.

Основной удар планируется нанести силами Забайкальского фронта и Монгольской народно-революционной армии со стороны Забайкалья и территории МНР в направлении на Цицикар, Мукден и Бэйпин. Его цель – вывести главную группировку советских войск в обход с юга Хайларского и Халун-Аршанского укрепленных районов и рассечь фронт Квантунской армии на несколько частей.

Встречный удар планируется нанести в направлении на Харбин и Гирин с востока, из района южнее озера Ханка, силами Приморского фронта, и с севера, из района Благовещенска, силами Дальневосточного фронта при поддержке кораблей Краснознаменной Амурской военной флотилии. После соединения все три фронтовые группировки должны развить наступление в направлении на Бэйпин, Порт-Артур и Сеул.

Кроме того, Генштаб предлагает нанести вспомогательный удар на Южном Сахалине, высадить морские десанты на острова Курильской гряды, а также воздушные десанты в основных стратегических пунктах на территории Маньчжурии, Северо-Восточного Китая и Кореи. Указанные действия обеспечивают полное окружение и разгром главных сил Квантунской армии в кратчайшие сроки.

Таким образом, замысел Маньчжурской стратегической операции предполагает последовательное решение следующих задач. Во-первых, быстро разгромить японские войска прикрытия, преодолеть труднодоступную полосу местности, вывести основные силы наступающих войск на рубежи, с которых можно развить наступление непосредственно на жизненно важные районы противника. Во-вторых, разгромить резервы Квантунской армии и вывести основные силы наступающих войск на линию Бэйпин, Мукден, Чанчунь, Харбин, что приведет к освобождению всей территории Северо-Восточного Китая и Кореи.

При проведении операции предполагается тесное взаимодействие с частями, руководимыми Компартией Китая, а именно – Объединенной северо-восточной антияпонской армией под командованием Ян Цзинюя, Восьмой национально-революционной армией под командованием Чжу Дэ и Новой Четвертой национально-революционной армией под командованием Е Тина, а также Корейской Народно-революционной армией под командованием Ким Ир Сена. Окончанием операции будет являться выход наших войск на рубежи Цзинань – Кайфын – Сиань – Ланьчжоу.

После завершения Маньчжурской стратегической операции Генштаб предлагает, не снижая темпов наступления, форсировать Хуанхэ в ее нижнем течении. Силами фронтов и стратегических резервов Ставки главнокомандования Красной армии на Дальнем Востоке нанести удар во фланг и тыл группировки японских войск в междуречье Хуанхэ и Янцзы в направлении на Циндао, Сюйчжоу, Нанкин и Ухань. При проведении операции предполагается тесное взаимодействие с частями КПК, Гоминдана и партизанами... Основной целью Нанкинской операции является окружение и полный разгром японской армии на территории Китая.

Имеющиеся расчеты подтверждают реальность наших планов.

ГОЛОС. А саму Японию будем освобождать?

ШАПОШНИКОВ. Основным препятствием для проведения десантной операции на Японских островах является японский флот. К сожалению, еще со времен Русско-японской войны японский флот господствует на Дальневосточном морском театре.

СТАЛИН. А зачем нам японские острова? Нам чужого не надо. Да и что там взять? У них там одни гейши и все! *(Смех среди присутствующих.)* Нет, нам незачем высаживаться на японских островах. Что мы – империалистические агрессоры, что ли? А вот немножко побомбить этих милитаристов было бы полезно. Можем мы это сделать, товарищ Локтионов?

ЛОКТИОНОВ. Так точно, товарищ Сталин. Силами первой и второй отдельных авиационных армий Резерва Главного командования и ВВС первой отдельной Краснознаменной армии мы можем нанести мощные удары по важнейшим объектам практически на всей территории Японии. Год назад мы это уже доказали, когда шесть тяжелых бомбардировщиков ТБ-3 с китайскими пилотами под руководством наших советников совершенно безнаказанно пролетели над островом Кюсю и сбросили несколько тонн листовок. Так что, если потребуется, ВВС готовы нанести бомбовый удар.

СТАЛИН. Спасибо, товарищ Локтионов. Обязательно запланируйте побольше таких ударов... Я полагаю, что Генштаб еще поработает над планами операций в Китае. Начало Маньчжурской стратегической операции назначим на начало августа. К этому времени надо разобраться с этой японской дивизией у реки Халхин-Гол и все подготовить для разгрома остальной Квантунской армии.

Главкомандующим на Дальнем Востоке я предлагаю назначить товарища Тимошенко, товарища Апанасенко назначить его заместителем, а командующими фронтами предлагаю назначить товарищей Яковлева, Штерна и Конева.

Еще один организационный вопрос...

В условиях непрекращающихся провокаций со стороны империалистических агрессоров и предстоящих военных операций нам необходимо укрепить наркомат обороны. Товарищ Ворошилов оказался слишком доверчивым... *(Ворошилов медленно встает.)* Он окружил себя врагами народа, всякими тухачевскими-мухачевскими и уборовичами-губаревичами! И лишь благодаря бдительности товарищей из НКВД мы сами не оказались там, куда мы теперь отправили этих врагов народа!

ГОЛОС. Изверги рода человеческого!

ГОЛОС. Фашистские прихвостни!

ГОЛОС. Рыко-бухаринская сволочь!

ГОЛОС. Троцкисты поганые!

СТАЛИН. Мы тут посоветовались и предлагаем назначить товарища Сталина наркомом обороны Советского Союза.

ГОЛОС. Правильно!

ГОЛОС. Давно пора!

СТАЛИН. Товарищ Ворошилов показал себя близоруким и политически недальновидным товарищем... *(раскуривает потухшую трубку)*. Но мы ему верим. Он это не специально. Товарищ Ворошилов честный ленинец. Садитесь, товарищ Ворошилов.

Мы предлагаем назначить товарища Ворошилова заместителем наркома обороны и поручить ему очень важный вопрос – формирование стратегических резервов Красной армии на Дальнем Востоке. А товарищ Берия ему поможет.

БЕРИЯ. Слушаюсь, товарищ Сталин.

(Ворошилов наливает себе полный стакан воды из графина и выпивает его залпом.)

СТАЛИН. Теперь слушаем, что нам сообщит разведка. Какие силы сосредоточили японцы на наших границах?

ПРОСКУРОВ (Герой Советского Союза, комдив, начальник пятого управления Генштаба). По имеющимся данным общая численность японской армии в настоящий момент составляет один миллион семьсот пятьдесят три тысячи человек, четыре тысячи триста орудий, тысячу двести девяносто шесть танков и до трех тысяч самолетов.

Императорский флот Японии насчитывает десять линкоров, шесть авианосцев с тремястами девяносто шестью самолетами на борту, восемнадцать тяжелых и семнадцать легких крейсеров, сто двадцать один эскадренный миноносец и пятьдесят шесть подводных лодок.

После оккупации Маньчжурии в тридцать первом году Япония срочно реорганизовала находившиеся на этой территории войска и развернула их в крупную сухопутную группировку, которая получила наименование Квантунская армия. Японские части в Корее организационно сведены в Корейскую армию.

В настоящий момент в составе Квантунской армии имеются управления трех армий (третьей, четвертой и пятой), восемь пехотных дивизий (первая, вторая, четвертая, седьмая, восьмая, одиннадцатая, двенадцатая и двадцать третья), вторая авиадивизия (в составе четырех авиабригад), артиллерийский корпус, две танковых дивизии, третья кавалерийская бригада, восемь отдельных гарнизонов и тринадцать пограничных охранных отрядов. Всего по нашим данным Квантунская армия насчитывает до трехсот пятидесяти тысяч человек, тысячу пятьдесят два орудия, триста восемьдесят пять танков и триста пятьдесят пять самолетов.

В Корее находятся две пехотных дивизии общей численностью до пятидесяти четырех тысяч человек, двести шестьдесят четыре орудия, тридцать четыре танка и девяносто самолетов.

В Центральном и Южном Китае в боевых действиях участвует двадцать восемь пехотных дивизий и одна бригада, насчитывающие до семисот тысяч человек, две тысячи орудий, девятьсот тридцать танков и тысячу триста сорок шесть самолетов.

Боеспособность и выучка японских войск находятся на высоком уровне. Однако в сложившейся ситуации японцы вряд ли смогут перебросить что-нибудь на север.

В Японии, на Сахалине и на Формозе имеется еще три пехотных дивизии с частями усиления, а также различные тыловые части, но серьезными резервами на случай войны это назвать никак нельзя.

Армия марионеточного режима Маньчжоу-Го насчитывает двадцать шесть пехотных и семь кавалерийских бригад общей численностью до семидесяти тысяч человек. Боеспособность оценивается как чрезвычайно низкая.

Осенью тридцать восьмого года штаб Квантунской армии разработал План действий номер восемь, так называемый План «Хачи-го», предусматривающий наступательные действия японских войск против СССР в районе рек Уссури и Амур, а также в Забайкалье.

В соответствии с этим планом предполагается перерезать Транссибирскую магистраль и отторгнуть Дальний Восток от остальной части Советского Союза. Квантунская армия должна захватить Уссурийск, Владивосток, а затем Хабаровск и Благовещенск.

На территории Маньчжурии японцами накоплены большие запасы боеприпасов, продовольствия, горюче-смазочных материалов, что позволяет в случае необходимости развернуть широкомасштабные боевые действия. Считая Советский Союз своим главным противником, японцы создали на наших границах семнадцать укрепрайонов общей протяженностью по фронту восемьсот километров, в том числе восемь в Приморье и четыре в Корее и на Сахалине. По фронту укрепрайоны достигают от пятидесяти до ста километров и в глубину до пятидесяти километров и могут быть использованы не только для защиты от возможного нападения, но и как опорные пункты для ведения наступательных операций. Острова Курильской гряды прикрыты береговыми артиллерийскими батареями, укрытыми в железобетонные сооружения, и воинскими гарнизонами, обеспеченными развитыми долговременными оборонительными сооружениями.

СТАЛИН. Крепко окопались, милитаристы несчастные! Значит, бояться... Пусть бояться! Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики! Верно, я говорю, товарищи!

ГОЛОС. Так точно, товарищ Сталин!

ГОЛОС. Мы им покажем кузькину мать!

ГОЛОС. Камня на камне не оставим!

СТАЛИН. И в Забайкалье, и в Приморье в ближайшие два месяца мы постараемся создать перевес, необходимый для успешного наступления. На земле у нас господство будет. Господство в небесах нам пообещал товарищ Локтионов.

А как быть с господством японского флота на море? Все-таки, десять линкоров и тридцать пять крейсеров – это сила. Товарищ Кузнецов, вы у нас совсем недавно командовали Тихоокеанским флотом. Что мы можем противопоставить японскому флоту?

КУЗНЕЦОВ (флагман первого ранга, нарком Военно-морского флота, член ЦК). Краснознаменная Амурская военная флотилия в настоящий момент, не считая катеров, имеет

шесть речных мониторов и пять канонерских лодок. Все они модернизированы и представляют определенную боевую ценность, особенно если учесть, что у японцев ни на Амуре, ни на Сунгари практически ничего нет равноценного.

Тихоокеанский флот на сегодняшний день насчитывает пятнадцать надводных кораблей, из которых только восемь советской постройки – шесть сторожевиков и два тральщика. Самые крупные корабли на театре – два старых эсминца типа «Новик» водоизмещением полторы тысячи тонн. Зато имеется большой москитный флот – более ста торпедных, сторожевых и других катеров.

В соответствии с имеющимися планами усиления Тихоокеанского флота, нами подготовлены к переходу на Дальний Восток через Суэцкий канал четыре новых тральщика. Их прибытие во Владивосток ожидается в конце августа. Кроме того, на дальневосточных судостроительных заводах спущены и достраиваются на плаву лидер эсминцев проекта тридцать восемь и шесть эсминцев проекта семь. Еще столько же стоят на стапелях. Один из спущенных эсминцев может вступить в строй в июле-августе. Подводные силы Тихоокеанского флота насчитывают тридцать четыре средних подводных лодки типа «Щука», тридцать четыре малых подводных лодки типа «Малютка» и одиннадцать подводных минных заградителей типа «Ленинец». Все экипажи сплаваны и сдали зачеты по боевому применению.

По итогам прошлого года ВВС Тихоокеанского флота признаны лучшими в ВМФ. В их составе имеются бомбардировочная и истребительная авиабригады трех полкового состава, один смешанный и два разведывательных авиаполка, а также несколько отдельных разведывательных, истребительных и бомбардировочных эскадрилий и звеньев, общей численностью шестьсот восемьдесят девять самолетов. В основном это истребители – сто семьдесят три И-16 и девяносто три И-15 бис, и разведчики – двести восемнадцать МБР-2, восемь МДР-6, а также восемь Р-5 и три Р-6. Бомбардировщиков поменьше – восемьдесят семь ДБ-3 и девяносто девять СБ. Однако при необходимости мы можем в короткий срок перебросить на Дальний Восток еще несколько минно-торпедных и бомбардировочных частей с других флотов.

Хотя в открытом морском бою нам японцам противопоставить нечего, это еще не означает, что мы безоружны и не можем обеспечить безопасность наших морских границ на Дальнем Востоке. Все надводные корабли приспособлены для постановки минных заграждений, что, по сути, и будет их главной боевой задачей во время войны. Тогда как основной ударной силой флота является авиация и подводные лодки.

В первую очередь нами планируются заблаговременные, скрытные минные постановки с надводных и подводных минных заградителей на предполагаемых маршрутах движения вражеских кораблей в Японском и Желтом морях и Татарском проливе. А также минирование якорных стоянок и фарватеров японских военно-морских баз с воздуха и из-под воды. Для прикрытия Владивостокского морского оборонительного района имеются развитые минно-артиллерийские позиции. Калибр и дальность стрельбы наших береговых батарей позволяют топить корабли любого класса.

Кроме того, на переходах мы планируем нанести по японским эскадрам комбинированный торпедно-бомбовый удар силами бомбардировочной и торпедоносной авиации и средних подводных лодок. В прибрежной полосе будут развернуты торпедные катера и малые подводные лодки.

СТАЛИН. Ну что же, побить на море мы их, может, и не побьем, но перебрасывать в Маньчжурию по морю резервы или напасть на Владивосток не позволим. Так, товарищ Кузнецов?

КУЗНЕЦОВ. Так точно, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Я думаю, что в оставшееся до начала операции время вам, товарищ Кузнецов, необходимо специально заняться отработкой ударов с воздуха по вражеским кораблям, потренируйте своих летчиков... Товарищ Локтионов, если я не ошибаюсь, НИИ ВВС уже занимался вопросами бомбежки малоразмерных целей с пикирования?

ЛОКТИОНОВ. Так точно, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Ну, так поручите им передать свой опыт морякам. Если надо откомандируйте их на Тихоокеанский флот. Пусть они там, на месте, строевых летчиков научат всему, что сами умеют. А вы, товарищ Кузнецов, лично за этим проследите.

КУЗНЕЦОВ. Слушаюсь, товарищ Сталин!

СТАЛИН. Осталось обсудить международные стороны вопроса...

КУЗНЕЦОВ. Извиняюсь, товарищ Сталин. Разрешите доложить?

СТАЛИН. Ну что там у вас еще?

КУЗНЕЦОВ. Летом прошлого года в результате чистки на Тихоокеанском флоте было арестовано много командиров, знающих дело и нужных флоту. Вредительским образом враги народа Ежов, Смирнов и Фриновский сумели изъять с флота много ценных кадров. Чтобы выучить и подготовить штурмана или командира корабля, а тем более командующего флотилией, требуется очень много времени. Это стоит больших средств. Я знаю, что органами сейчас заново проверяются многие дела, и прошу в первую очередь рассмотреть дела моряков-тихоокеанцев.

СТАЛИН. Мы Ежову доверяли, но Ежов наше доверие обманул... Он даже хуже, чем враг... Лаврентий?

БЕРИЯ. Товарищ Сталин, эта сволочь и его банда изъяли из армии много невиновных командиров. По большинству дел нами уже принято решение об освобождении задержанных и возвращении их в армию.

СТАЛИН. Товарищ Кузнецов подготовьте и представьте список необходимых вам людей.

КУЗНЕЦОВ. Такой список у меня имеется... *(передает список Сталину)*.

СТАЛИН. *(Пишет резолюцию и передает список Берии.)* Выяснить, кто уцелел, и немедленно освободить!

БЕРИЯ. Слушаюсь, товарищ Сталин!

СТАЛИН. Осталось обсудить международные стороны вопроса...

Как на наши действия на Дальнем Востоке отреагирует так называемая Лига Наций? Товарищ Молотов, как на наши действия отреагируют эти болтуны?

МОЛОТОВ (нарком иностранных дел, председатель СНК, член Политбюро ЦК). Известное дело. Растягиваются, как пить дать.

СТАЛИН. Это ничего. Пусть тявкают. Собака лает, а караван идет... *(Смех среди присутствующих.)*

МОЛОТОВ. Япония в конце тридцать седьмого в Нанкине за несколько недель почти четыреста тысяч человек вырезала. Лига Наций Японию осудила как агрессора. Но Япония из Лиги Наций вышла еще в тридцать третьем году и чихать на нее хотела. Так что, если мы разбомбим Токио, дальше слов дело не пойдет. А вот, если в результате бомбежки будут жертвы среди гражданского населения какого-нибудь Харбина или Цицикара, нас могут из Лиги Наций даже исключить. Но реально это ничего не меняет, так что можно на них начихать.

СТАЛИН. А как отреагируют Североамериканские Соединенные Штаты?

МОЛОТОВ. Американцы уже догадались, кто у них на Тихом океане конкуренты. У меня есть сведения, что они готовятся денонсировать торговое соглашение тысяча девятьсот одиннадцатого года с Японией. Если мы по разделу Китая с Чан Кайши договоримся полюбовно, то повода для скандала у них не будет.

СТАЛИН. А как себя поведут Англия, Франция и Германия?

МОЛОТОВ. Несмотря на то, что Токио является членом антикоминтерновского пакта, своя рубашка, как говорится, ближе к телу. Гитлеру жизненно необходим наш лес, уголь, руда и хлеб. Риббентроп всеми способами добивается от нас скорейшего заключения торгового соглашения и договора о ненападении. Кроме того, Германия уже практически готова проглотить Польшу. Так что, судя по всему, у Англии и Франции скоро столько своих хлопот прибавится в Европе, что им будет не до Маньчжоу-Го.

СТАЛИН. Ну что же, я думаю, ситуация ясна. За работу, товарищи!

Глава 7. «Степь, да степь кругом...»

Халхин-Гол, начало июня 1939 г.

В районе Красноярска головной «Дуглас» группы «Отца», как именовался в радиogramмах комкор Смушкевич, наткнулся на сплошную облачность и до самого Иркутска шел вслепую. Экипаж самолета кроме командира корабля и бортмеханика состоял из военных отдельной эскадрильи особого назначения ВВС Московского военного округа. И это могло для всех окончиться весьма печально. Потому что подготовка у армейских штурманов и стрелков-радистов оказалась из рук вон слабой!

Пилот первого класса третьего авиатранспортного отряда Московского управления ГВФ Александр Голованов был мастером слепых полетов. И имел знаки «Отличник Аэрофлота», «За безаварийный налет 300 000 км» и «За безаварийный налет 500 000 км». А его собственный бортмеханик, которого ему удалось-таки отстоять, несмотря на сильное давление военных, окончил специальные курсы радистов. Голованов еще не раз похвалил себя за неуступчивость в этом вопросе, потому что включенный в экипаж стрелок-радист с незнакомой техникой в сложных метеоусловиях не справился и, если бы не Костя Тамплон, многократно проверенный в долгих и далеко не простых рейсах, ему было бы во много раз сложнее.

Майор Виктор Грачев, правый пилот Головановского «Дугласа», оказался неплохим летчиком, и вдвоем они вышли из этого весьма затруднительного положения с честью, в итоге прилетев в Иркутск первыми, хотя в Красноярске взлетали третьими.

Александр Голованов несколько лет подряд руководил Восточно-Сибирским управлением ГВФ и хорошо знал здешние трассы, налетав не одну сотню тысяч километров над тайгой, горами и степями.

Подлетая к Иркутску, Голованов вспомнил, как два года назад чудом избежал ареста. Лишь благодаря своевременному предупреждению товарища, с которым он служил вместе в ОГПУ в конце двадцатых годов, ему удалось, в прямом смысле этого слова, бежать из Иркутска в Москву.

Голованов стиснул зубы. Многие знакомые, встретившись с ним тогда на улице, загодя перешли на другую сторону.

Кто бы мог предположить, что всего через месяц после того, как передовик ГВФ Голованов, по решению ЦК, отправленный во Францию знакомиться с системой слепых посадок, вернется на Родину и начнет внедрять ее в практику, найдутся люди, которые обвинят его в связях с «врагами народа».

А потом, на бюро крайкома партии, у него отобрали партийный билет.

Пока он ждал ответа на свою жалобу в Центральную контрольную комиссию, пережил немало разных неприятностей. Работы не давали, семья жила впроголодь. Пришлось продавать все, что только можно было продать.

А когда товарищ предупредил его о готовящемся решении по его вопросу, он, хорошо зная методы чекистской работы, не дожидаясь принятия мер, сел в поезд и уехал в Москву.

Голованову вспомнилась единственная сестра... Ее муж был осужден и расстрелян как «враг народа». Вместе с детьми она влачила жалкое существование. Вспомнился и покосившийся на всю жизнь рот жены, которую допросили-таки в «органах»...

Сам он всегда верой и правдой служил трудовому народу, и вся его жизнь была на виду. В четырнадцать, воспользовавшись тем, что из-за высокого роста его лет ему не давали, добровольцем вступил в Красную армию. Участвовал в Гражданской. А в двадцать четвертом губком ВКП(б) направил Голованова на работу в органы ГПУ.

Затем он служил в частях особого назначения. Сражался с басмачами. Был опером особого отдела, дорос от уполномоченного до начальника отделения.

В тридцать втором окончил летную школу Осоавиахима при Центральном

Аэрогидродинамическом институте и с тридцать третьего работал пилотом Гражданского Воздушного флота.

Тогда, в тридцать седьмом, приехав в Москву, он устроился работать летчиком в двадцать седьмой отряд тяжелых кораблей, базирующийся в столице, но входящий в состав Актюбинского управления ГВФ. На вопрос, почему пилот первого класса был назначен всего вторым пилотом, начальнику отряда в отделе кадров пояснили – чтобы не угнал машину за границу.

Лишь через полгода пришел ответ на запрос ЦКК по его жалобе. В котором сообщалось, что бюро Иркутского крайкома ВКП(б) исключило Голованова Александра Евгеньевича из рядов партии за то, что начальник одного из аэропортов на реке Лене пьянствовал, растратил большую сумму денег и сбежал. Голованов горько усмехнулся. Пока все это творилось, в Центральной контрольной комиссии, оказывается, лежало представление его к ордену Ленина за работу Восточно-Сибирского управления ГВФ, согласованное с Иркутским же крайкомом партии.

Дело Голованова закрыли, а в постановлении ЦКК в адрес Иркутского крайкома было указано на несерьезное отношение бюро к судьбам коммунистов.

Наученный горьким опытом, от предложенной руководящей работы он тогда отказался наотрез и опять стал рядовым летчиком. Орден ему, конечно, обломился. Ну и ладно. Главное, что летает.

Длительный полет в сплошной облачности вызвал поначалу некоторую тревогу у его пассажиров, боевых летчиков, отлично понимавших, что к чему. Но через пятнадцать-двадцать минут все успокоилось, а после посадки в Иркутске экипаж Голованова уже считался своими ребятами.

Через полчаса вслед за первым «Дугласом» появился второй, а за ним – третий. Их пассажирам пришлось натерпеться значительно больше.

Оказалось, что летчик-испытатель НИИ ВВС майор Михаил Нюхтиков, который первым вылетел из Красноярска, решил в такую погоду идти визуально – на бреющем по железной дороге. Зная, что там имеется немало туннелей, Голованов смотрел на него, как на вернувшегося с того света. Но везучий Нюхтиков справился с рискованным как для него самого, так и для товарищей, находившихся в его самолете, опаснейшим полетом. Александр понадеялся, что других таких случаев у этого парня больше не будет, и он жив-здоров дослужит до пенсии.

Николай Новиков, который сел вслед за Нюхтиковым, принял решение такое же, как и Голованов, – идти на высоте вслепую. Но, не имея связи с землей, выскочил в район озера Байкал. Однако сумел восстановить ориентировку и пришел в Иркутск.

На вторые сутки, к вечеру, три «Дугласа», завершив исключительно сложный по тому времени перелет, приземлились на Читинском аэродроме. И здесь летчики увидели много самолетов, предназначенных для прибывших. Вся эта боевая техника требовала тщательного осмотра и облета, и в течение трех дней летно-технический состав готовил машины к перебазированию в район реки Халхин-Гол и озера Буир-Нур, в которое она впадала.

Им предстояло пролететь четыреста километров до города Баян-Тумен – расстояние довольно большое для истребителей. Но сложность полета была не в этом, а в отсутствии каких-либо ориентиров – на картах были обозначены только триангуляционные вышки да вал Чингисхана.

На рассвете четвертого июня группа «Отца» взлетела и в плотном строю пошла на юг. Виктор Грачев уже освоил этот маршрут, пока перевозил технический состав и грузы. Он и лидировал.

Степь, да степь кругом... Куда ни глянешь – ни деревца. Выгоревшая трава, сухая земля, пески да солончаки... И так от Читы до самого Баян-Тумена.

Но вот впереди показались с десятков приземистых бараков и юрт. Прибыли...

Настроение у всех было приподнятое. После посадки Николай Герасимов тут же снова растянул мехи своего баяна, того самого, который уже вымотал всем душу в пути от Москвы

до Забайкалья.

Борис Смирнов поинтересовался размерами аэродрома у монгольского авиатора, который хорошо говорил по-русски.

Тот ответил не сразу, некоторое время что-то соображая, а затем, махнул рукой:

– Туда километров триста, а в эту сторону еще больше! А там, за горизонтом, начинаются сопки, – и рассмеялся. – Да, да, товарищ! Здесь вы можете где угодно взлетать и приземляться.

По замыслу комкора Смушкевича, который командовал советской авиацией в районе конфликта, опытные боевые летчики должны были провести тренировочные бои с молодыми пилотами, передать им все, чем владели сами. Инструкторы направлялись во все эскадрильи истребительных полков.

Герой Советского Союза полковник Александр Гусев был назначен командующим истребительной авиацией, Герой Советского Союза майор Иван Лакеев – его заместителем. Герои Советского Союза майоры Герасимов и Кравченко, а также капитаны Кустов и Степанов, старшие лейтенанты Николаев, Орлов и Рахов попали в двадцать второй полк. Герои Советского Союза майор Грицевец и капитан Коробков, а также майор Смирнов, капитаны Жердев, Зайцев и старший лейтенант Хотелев – в семидесятый.

И работа закипела.

Сначала надлежало познакомиться с районом боевых действий как следует. Обстановка как нельзя лучше способствовала этому. Японские самолеты в небе Монголии пока не появлялись, и летчики могли спокойно летать, изучая с высоты пограничные районы. Пилоты видели, что граница проходит за рекой Халхин-Гол и тянется вдоль нее.

От левого берега к западу, в глубь страны, на сотни километров раскинулись степи. Они начинались сразу же за горой Хамар-Даба. Район был разрезан надвое речкой Хайластын-Гол с заболоченными берегами. И никакого укрытия от воздушного наблюдения.

Июньское солнце раскаляло землю, огромные тучи мошкары не давали покоя. Их было так много, что достаточно было провести рукой по плоскости самолета, и в ладони оставался целый ком. Острые на язык летчики сразу же прозвали летающую напасть «самураями».

Учебные бои и тренировочные полеты были максимально приближены к боевым условиям. Строевые пилоты смело сходились с опытными инструкторами в поединках и быстро приобретали уверенность в себе и волю к победе. Многие из прибывших асов имели не только большой боевой опыт, но и многолетний опыт лётно-инструкторской работы в авиашколах. Как, например Григорий Кравченко или Сергей Грицевец. И они умели свой опыт передавать.

На полевом аэродроме двадцать второго истребительного авиаполка с позывным «Ростов» занятия со строевыми летчиками проводил майор Кравченко. Изучали тактику воздушных боев с японцами.

Все сводилось, в сущности, к давно известным вещам – осмотрительности, высоте, скорости, маневру, выдержке и взаимопомощи:

– С японскими истребителями на виражах не связывайтесь, старайтесь драться на вертикалях. Держаться надо вместе – одиночек бьют. Помните о взаимовыручке! Нападайте сверху, со стороны солнца, используйте облака для маскировки.

– А если противник имеет значительное численное превосходство? Как быть?

– Еще Суворов учил бить не числом, а умением, – ответил Кравченко. – Если ты занял выгодное положение для атаки – нападай стремительно. Первая атака не удалась – уходи, используй преимущество в скорости, разворачивайся и снова нападай... Японцам нельзя отказать в смелости, в мастерстве, в умении схитрить... Сам видел не раз, как самурай, попав в трудное положение, имитировал падение с высоты. А на высоте ста метров выравнивал самолет и на большой скорости уходил на свою территорию.

Для того чтобы показать, что такое настоящий воздушный бой, Кравченко предложил Рахову размяться в небе. Они разошлись по машинам и после короткого разбега с энергичным разворотом и набором высоты разлетелись в разные стороны.

Сделав боевой разворот, истребители понеслись навстречу друг другу. С каждой секундой расстояние между ними сокращалось. И только в самое последнее мгновение они одновременно взмыли вверх. А потом долго крутились, стараясь зайти «противнику» в хвост.

Летчики, находившиеся на аэродроме, с восхищением наблюдали за поединком.

– Тебе что, жизнь надоела? – после посадки, вытирая со лба пот, с досадой сказал майор Кравченко.

– А ты что не отвернул? – улыбнулся Виктор.

– Ну и характер у тебя! – чертыхнулся Григорий. – Надо ж соображать, что к чему! Учебный же бой-то!

– На то он и учебный, чтобы учиться побеждать, – сказал Рахов.

Когда в конце тридцать седьмого старший лейтенант Кравченко уехал в Китай, туда же, в Китай, предлагали поехать и ему, старшему лейтенанту Рахову. Но Виктор отказался...

Их тогда подняли по тревоге и прямо из НИИ привезли в Генштаб, собрали документы и в каком-то подвале переодели в штатское. Летчики-испытатели решили было, что предстоит командировка в Испанию. Кое-кто из НИИ там уже воевал. Тот же Анатолий Серов, например. Но на инструктаже в Кремле, который проводил лично Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин, им объявили, что международная ситуация осложнилась и возник новый очаг напряженности. Поэтому предстоит лететь не на запад, а на восток – в Китай, помогать братскому китайскому народу в его борьбе против японских оккупантов. Калинин предупредил, что если кого-то собьют, то в плену, как бы их ни пытали, признаваться, что они служили в Красной армии и состояли в партии, нельзя!

– Врите, что работали в гражданском флоте, что вас уволили и вы поехали в Китай на заработки, что вы вообще не согласны с советской властью! А уж Родина вас не забудет, непременно вытащит из плена и вернет домой, – сказал Калинин.

Когда Михаил Иванович предложил задавать вопросы, Виктор поднялся первым и попросил оставить его в Москве, поскольку он всего три дня как женился. Калинин, улыбнувшись, согласился.

После Рахова самоотвод по разным причинам взяли еще несколько человек. В результате из Научно-испытательного института ВВС в Китай отправились лишь два пилота – старшие лейтенанты Григорий Кравченко и Андрей Ровнин, а остальных пришлось набирать в строевых частях.

Конечно, Виктор потом пожалел об этом, но поезд уже ушел. Нет, отношение товарищей к нему не изменилось. В его смелости ни тогда, ни потом никто не сомневался. Но, как говорится, ложки нашлись, а осадок остался. У него остался...

Видимо, японцы знали о прибытии опытных советских летчиков. Во всяком случае, с начала июня в небе Монголии они не появлялись. Одиночные разведчики ходили на больших высотах и далеко на монгольскую территорию не залетали.

На наших аэродромах в период затишья помимо боевой учебы на первый план вышли вопросы организации быта летно-технического состава.

Для военного человека стойко переносить тяготы и лишения воинской службы – дело привычное. Никто и не жаловался. Но командиры и комиссары понимали, что в условиях изматывающей жары, обилия мошкеры и недостатка питьевой воды сберечь силы подчиненных для боя является их первостепенной задачей.

На полевых площадках для пилотов были установлены юрты, для техников – палатки. В юртах, по обыкновению, расстилалась мягкая кошма, на ней – матрацы. Но, ясное дело, о нормальном отдыхе в такую жару речь идти не могла. Не давали выспаться и комары, тучами залетающие в любую дыру. Входные отверстия в помещения завешивались марлей, из нее же изготавливали самодельные накомарники, но это мало помогало. Курильщики спасались, нещадно дымя самокрутками. Остальные терпели, пока могли. А потом яростно молотили «самураев», чем под руку подвернется.

Наибольшие трудности были с водоснабжением. Озер было много, да пить-то из них

было нельзя. Вода имела горький соленый вкус. Питьевую воду добывали из малочисленных колодцев. Но она была сомнительной свежести и чистоты, поэтому без хлорки обходиться не удавалось.

С рассвета до наступления темноты летный состав неотступно находился у самолетов. Здесь же завтракали и обедали. Походная кухня подъезжала к стоянкам, где под навесом стояли столы. И только на ужин, когда монгольское небо по-южному резко темнело, летчики и техники собирались в столовой на базе.

Питание вначале было однообразное. Но стараниями военкома полка, поставившего вопрос перед кем надо, как надо, через несколько дней на столе у летчиков помимо баранины вареной, жареной и пареной, появилась картошка, квашеная капуста и соленые огурцы. А потом и сыр с колбасой, икра паюсная и кетовая, и даже кофе!

Одновременно с обучением и тренировками личного состава в район боевых действий усиленно перебрасывались новые эскадрильи. Изношенные истребители и бомбардировщики выводились из боевого состава полков.

Прибывали и новые летчики. И их тоже надо было вводить в курс дела и тренировать...

Капитан Степанов был назначен командиром переброшенной из Киевского военного округа эскадрильи И-15 бис.

Этот самолет, неплохо себя зарекомендовавший в Испании, он знал прекрасно. За полгода он налетал на нем двести с лишним часов в небе над родиной Сервантеса, провел шестнадцать боев, сбил десять самолетов фаalangистов. А один из них вообще таранил в ночном небе над Валенсией.

За это и за многое другое командира эскадрильи «чатос» Евгения Степанова представили к званию Героя Советского Союза. И если бы он просто погиб в том своем последнем бою, то наверняка им стал бы.

Дело было в том, что полтора года назад, в январе тридцать восьмого, над местечком Охос-Негрос он был сбит, но не погиб, а попал в плен.

Но сначала ему удалось завалить еще один «фиат». И тут его достала зенитка. Были перебиты тросы управления, поврежден двигатель. Он выбросился с парашютом над территорией, занятой противником, во время приземления сильно ударился о скалу и в бессознательном состоянии был подобран патрулем мятежников.

Следующие полгода он провел в тюрьмах – в Сарагосе, Саламанке, Сан-Себастьяне. В течение месяца его держали в одиночной камере, по несколько дней не давали пищи, жестоко избивали, трижды выводили на расстрел.

В конце концов республиканское правительство сумело обменять его через Международный Красный Крест на пленного немецкого пилота и отправить в Советский Союз.

В июле тридцать восьмого, после нескольких кошмарных месяцев во вражеских застенках, на судне, шедшем через Францию и Бельгию, исхудавший и поседевший старший лейтенант Степанов вернулся в Ленинград. Он был назначен инструктором по технике пилотирования в одну из частей ВВС Ленинградского военного округа.

Увы, после возвращения на Родину ему вручили лишь тот орден, которым он был награжден еще в ноябре тридцать седьмого за участие в атаке авиабазы Гарапинильос около Сарагосы. Они сожгли тогда сорок вражеских самолетов на земле. Отомстили как надо за сгоревших в бою под Фуэнтес-де-Эбро советских танкистов! Кровь за кровь!

ЦИК СССР всех участников налета наградил орденами Красного Знамени. А Толяна Серова испанское правительство наградило еще и именными золотыми часами с надписью: «За отвагу и доблесть!».

Конечно, советские добровольцы воевали не за ордена. Но все равно, глядя на своих товарищей, майоров и полковников, у которых их было по два – по три, и, понимая, что он заслужил не меньше, Евгению иногда приходилось проглатывать застревающий в горле комок. А, впрочем, время все расставит по местам...

Зато ему все-таки поверили и дали эскадрилью.

Здесь, в Монголии, «бисы» показали, что больше не пригодны к воздушным схваткам, хотя еще год-другой назад годились. Но такая уж судьба у истребителей. Сначала он самый современный и совершенный, потом – ничего особенного, а потом – летающий гроб...

Теперь для И-15 бис оставалась доступной лишь одна боевая задача – штурмовка наземных частей противника. С этим он еще справлялся. Если не считать того, что брал всего две небольших бомбы, не имел пушек и никакой защиты от ружейно-пулеметного и зенитного огня, кроме перкаля. А его и пальцем можно проткнуть...

Конечно, прицельность вражеского огня не велика. Зато плотность самая, что ни на есть подходящая. На своей шкуре испытал.

Степанов с удовольствием пересел бы со своего старого боевого друга «чато» на более скоростную и лучше вооруженную «моску», но командованию было виднее. И он гонял свою эскадрилью, до изнеможения отрабатывая не только штурмовку, но и маневренный воздушный бой, потому что тогда, в случае атаки истребителей противника, у его ребят еще оставался какой-то шанс продержаться, пока примчатся «ишаки» и отобьют их у врага.

Большинство самолетов второй авиадивизии Квантунской армии базировалось на аэродромах Хайлар и Чанчунь. Первый из них находился в ста пятидесяти, а второй – почти в шестистах километрах от района боевых действий. Правда, около двадцати истребителей временной оперативной авиагруппы стояли на передовых позициях у Ганьчжура, примерно в сорока километрах от линии боевого соприкосновения, но теперь, когда в районе боев советскому командованию удалось сосредоточить более трехсот самолетов, в том числе сотню истребителей И-16, шестьдесят И-15 бис и сто тридцать пять бомбардировщиков СБ, это было не в счет.

Из Чанчуна японские части быстро отреагировать на внезапное обострение ситуации не могли. Для их переброски на фронт вместе с наземными службами требовались по крайней мере сутки. Но после майских побед японцы чувствовали себя очень уверенно и полагали, что опасаться советских самолетов незачем. Сколько бы их ни было...

Яков Владимирович Смушкевич сидел в штабной палатке, глубоко задумавшись над картой дислокации, подчиненных ему ВВС.

Командовать таким количеством боевых самолетов в условиях реального боя ему еще не приходилось. В Испании масштабы были далеко не те. Особенно в конце тридцать шестого – начале тридцать седьмого. А, впрочем, и позднее... Несколько истребительных эскадрилий, несколько бомбардировочных. Вылет на задание небольшими группами – звеньями и отрядами.

Он читал отчет Павла Рычагова о Хасанских событиях. Там ему действительно удалось собрать мощную авиационную группировку. Но воздушных боев не было. Японцы не летали, опасаясь эскалации конфликта. Поэтому в отсутствие какого-либо противодействия огромные и медлительные бомбардировщики ТБ-3 ходили строем, как на параде и тонными бомбами месили Заозерную и Безымянную. А в промежутках между налетами сотен бомбардировщиков эти же две несчастные сопки от скуки штурмовали сотни истребителей.

Пока Ворошилов лично не запретил массированное применение авиации (кстати, вполне справедливо), указав слегка зарвавшемуся Павлу на то, что «летать скопом без большого толку не только бесполезно, но и вредно!».

Молодой, горячий! Каким и должен быть командир истребительной эскадрильи. Комэска, а не комдив!

Все дело в том, что командир отряда старший лейтенант Рычагов, молниеносно перепрыгивая через звания и должности, за два года дослужился до комдива! До революции звался бы генерал-лейтенантом... Слишком быстро... Поучиться бы ему в академии! Покомандовать годик-другой-третий одной и той же частью, под присмотром у хорошего командира соединения. Глядишь, и вышел бы из парня толк.

А у Смушкевича тут таких горячих целая команда! И за всеми пригляд нужен. Это только в рапортах и донесениях они подписываются полковниками и майорами. А на самом деле, всего навсего, двадцати шести – двадцатисемилетние мальчишки!

С высоты тридцати семи лет комкор, естественно, смотрел на своих летчиков как на мальчишек. Сам-то аж с восемнадцатого года в Красной армии. Комиссарил в Гражданскую. Потом бандитов гонял по белорусским лесам. С двадцать второго – в авиации.

Правда, сначала как политработник... Но уже через пару лет стал летать не хуже подчиненных. Тогда, в начале двадцатых, ему часто приходилось участвовать в агитполетах, призывая население вступать в ряды Общества друзей Воздушного флота. В этих полетах он и обучился летному мастерству, когда пилоты по его просьбе давали своему комиссару подержаться за ручку управления.

После первого самостоятельного вылета военком двести первой легкобомбардировочной авиабригады имени Совнаркома Белорусской ССР Смушкевич стал летать каждый день. Хотя и скрывал это от жены, чтобы ее не беспокоить. Пока не занял первое место в бригаде по пилотажу, стрельбе из пулемета и точной бомбардировке. Кстати, именно тогда его и назначили командиром бригады.

В тридцать втором комбриг Смушкевич экстерном окончил первую военную школу летчиков в Каче. Вместо очередного отпуска, всего за сорок дней, он прошел курс ускоренной летной подготовки и получил пилотское свидетельство.

А потом была война в Испании... За восемь месяцев старший советник при командующем республиканских ВВС «генерал Дуглас» налетал в боевой обстановке более двухсот часов, в том числе более сотни на «чато». Водил эскадрильи на штурмовки, в воздушных боях сбил несколько фашистов.

Он вернулся на Родину с двумя орденами Ленина и, минуя звание комдива, сразу стал комкором. И все бы было хорошо. Но ни у кого не бывает в жизни все хорошо. Во всяком случае, достаточно долго.

Сначала, упав с балкона, разбилась его маленькая дочка Ленъна. И погибла...

А вскоре он сам попал в тяжелейшую аварию и разбился. Но почему-то не погиб.

В апреле прошлого года специально для показа членам правительства на воздушном параде прямо с завода на Центральный аэродром пригнали новейший разведчик Р-10.

Самолет был окрашен серебрянкой, а на его борту красной краской была нанесена надпись: «Командующему Первомайским воздушным парадом Герою Советского Союза комкору Я.В. Смушкевичу». В одном из полетов из-за конструктивной недоработки маслопровода у него заклинило мотор.

Его извлекли из-под обломков с ногами, переломанными от ступней до бедер, с выбитыми зубами, тяжелыми ранениями головы, сотрясением мозга и обожженной спиной и отвезли в Боткинскую больницу.

А техник, сидевший в задней кабине, отделался легким испугом. И такое в авиации бывает.

Несколько дней Смушкевич был без сознания. Требовалась срочная операция тазобедренного сустава. Врачи собирались ампутировать ему обе ноги. Но благодаря искусству профессора Фридмана операция прошла блестяще, и ноги у него остались, только одна стала значительно короче. И ему был прописан массаж.

Смушкевич вспомнил о курсе лечебной гимнастики и побледнел. После такого не страшно и в застенки... Но он был готов на все, чтобы вернуться в небо. Другой и ходить бы не смог, а ему надо было снова в небо!

Вскоре он бросил костыль и стал ходить, опираясь только на палку. Потом начал упражняться на автомобиле. Бывало, заведет машину и пробует нажимать на педали и переключать скорости. Превозмогая нечеловеческие боли, он тренировался часами. После первой удачной попытки стал выезжать на машине каждый день. Дома он бросал палку и учился ходить без нее. А однажды приехал на аэродром, посмотреть полеты. И не удержался, сел в кабину и полетел. Это было совсем недавно...

Смушкевич посмотрел на карту. Численный состав японской авиации оценивался нашей разведкой в двести пятьдесят – двести шестьдесят самолетов, из которых как минимум половину составляли истребители. Силы практически равные. Если не учитывать

лучшие тактико-технические данные их истребителей, большой боевой опыт летного состава, а также их уверенность в своих силах после майского провала Куцепалова.

Впрочем, эта их уверенность кажется очень похожей на самоуверенность!

«На этом мы их и подловим! – решил Смушкевич. – Ребята строевых летчиков хорошо поднатаскали. Боевой дух подняли. И в бой сами поведут!»

Да, команда у него подобралась, любо-дорого! Не команда, а мечта!

Глава 8. «Мы красные кавалеристы...»

Чита, середина июня 1939 г.

Июнь в Чите выдался на редкость сухим и жарким. Дышать было нечем. Даже по ночам желанная прохлада так и не наступала. Едва успевшая зазеленеть трава выгорела. Асфальт плавился, а над грунтовыми дорогами пыль стояла не опускаясь.

В городе было совершенно невыносимо. Прозрачные серые облака иногда проплывали в вышине, но короткий слепой дождь испарялся, так и не долетев до земли.

Два козла отпущения за майские поражения советской авиации в Монголии, майор Куцепалов и капитан Иванищев, отозванные в распоряжение командования ВВС округа, а точнее сказать, отосланные на его усмотрение, сидели в своем номере в гостинице в одних трусах и пили теплую и противную водку.

Впрочем, лучше сидеть и пить теплую водку в гостинице, чем сидеть в холодной камере внутренней тюрьмы НКВД и ждать очередного ночного допроса!

Конечно, можно было бы и в кабаке гульнуть напоследок, как следует. Денег у них было достаточно. Содержание-то выплатили. Но нарываться на разбор полетов в комендатуре не хотелось. Это могло нарушить шаткое равновесие их замерзшего в нижней точке бытия.

На улице – жара, а их бытие замерзло в нижней точке. Как термометр.

Куцепалов кое-как выговорил про себя это дурацкое слово: «Тер-мор-мер... Тыфу, ты пропасть! Не так... Тер-мор-метр! Во как!»

Он криво усмехнулся и налил себе и своему товарищу по несчастью. И поставил пустую бутылку под стул. Она упала и, позвякивая, покатила по полу. В угол, к своим, таким же пустым, товаркам...

– Федор! – посмотрел на него Иванищев остекленевшим взглядом. – А если рысью? А?... Шашки наголо и марш-марш!.. А?... Мы им, что щенки пархатые? А?... Мы кр-р-р-расные кавалеристы и про нас!..

– Товарищ капитан!.. Ты на плацу или кто?... Ты красный командир или где?... Равняйся! Смирно!.. Вольно! – Куцепалов звякнул по его стакану своим. – Пей, давай!

– Федор!.. Да, я за тебя! Да, я! – ударил себя в грудь со слезой в голосе Иванищев.

Он сидел в номере безвылазно, а Куцепалов каждое утро как штык являлся в штаб. Голова у майора была крепкая, и ежедневные попойки никак на ней не сказывались. Некоторое время он отирался по кабинетам, разнюхивая, как идут дела, и стараясь не попасть на глаза начальству, а потом шел в магазин за очередной партией спиртного. Иногда он покупал закуску. Иногда – нет.

В этот день он, как обычно, явился в штаб и заглянул к знакомому направленцу из оперативного отдела. Новостей не было. Ни хороших, ни плохих... Он уже почти собрался отправиться по привычному маршруту в магазин, как вдруг увидел шагающего навстречу незнакомого старшего командира.

А на самом деле очень хорошо знакомого!

Вообще-то, когда он встречался с ним в последний раз, у него было по три прямоугольника в петлицах и один орден на груди. А теперь – два ромба комдива и целых два ордена – Ленина и Красного Знамени. Да еще и юбилейная медаль в придачу. Но стальной взгляд, характерная ямка на твердом подбородке и резкие складки возле упрямого рта не оставляли никаких сомнений.

Это был Георгий Жуков. Бывший командир того самого кавалерийского полка, в котором они с Гришкой когда-то начинали свою службу...

Комдив Георгий Константинович Жуков прилетел из Москвы в Читу сегодня, пятого июня, и заехал в штаб округа, чтобы уточнить последнюю обстановку в районе боев перед тем, как лететь дальше в Тамцаг-Булак. В штабе он встретился с командующим войсками Забайкальского военного округа комкором Яковлевым и членом Военного совета дивизионным комиссаром Гапановичем.

Ничего нового они ему не сообщили. Тем не менее беседа была полезной.

Обстановку на сопредельной территории командование округа знало неплохо, стратегические и тактические цели противника представляло достаточно ясно и могло дать вполне достоверный прогноз развития ситуации.

По их мнению, Япония готовила в северо-западной Маньчжурии плацдарм для очередного нападения на СССР. Железнодорожи Харбин – Цицикар – Хайлар (бывшая КВЖД) для подготовки такого нападения явно было недостаточно. Поэтому самураи приступили к строительству новой стратегической железной дороги Халун-Аршан – Ганьчжур, которая шла в обход отрогов хребта Большой Хинган почти параллельно монголо-маньчжурской границе, местами на удалении от нее всего в два-три километра.

Японское командование справедливо опасалось, что эта дорога может подвергнуться прицельному огню с господствующих песчаных высот на восточном берегу Халхин-Гола. В связи с этим и решило захватить часть территории Монгольской Народной Республики восточнее реки. Владея этой территорией, японцы могли построить там укрепленный район и устранить угрозу своей дороге, а также уменьшить возможность удара в тыл войскам, сосредоточенным в Хайларском укрепленном районе.

Первого июня Жуков был еще в Минске и руководил разборкой полевой командно-штабной игры, в которой принимали участие командиры кавалерийских и танковых соединений Белорусского округа, а также начальники и оперативные работники штабов. В этот момент позвонили из Москвы и приказали немедленно явиться к наркому обороны.

Жуков выехал первым же поездом и утром следующего дня уже стоял перед Ворошиловым. На столе у наркома лежала карта района вторжения с обстановкой на тридцатое мая.

– Вот здесь, – сказал он, указывая на карту. – Длительное время проводились мелкие провокационные нападения на монгольских пограничников, а вот здесь японо-маньчжурские агрессоры вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывавшие участок местности восточнее реки Халхин-Гол... Думаю, затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае, на этом дело не кончится. Командование пятьдесят седьмого особого корпуса проявляет нерешительность... Можете ли вы вылететь туда немедленно, разобраться, что происходит, и, если потребуется, принять на себя командование войсками?

– Готов вылететь сию же минуту, – вытянулся, руки по швам, Жуков.

– Очень хорошо, – сказал нарком. – Самолет для вас будет подготовлен на Центральном аэродроме к шестнадцати часам. Зайдите к заместителю начальника Генштаба комдиву Смородинову и договоритесь о связи. К самолету в ваше распоряжение прибывает группа специалистов. До свидания, желаю вам успеха!

Комдив Жуков, как и большинство его сверстников, прошел и Германскую, и Гражданскую. В царской армии дослужился до чина младшего унтер-офицера драгунского полка. Был контужен. Имел два Георгиевских креста за храбрость. В октябре восемнадцатого вступил в Красную армию. Сначала служил красноармейцем, а затем помкомвзвода в кавалерийском полку. Был ранен в боях под Царицыным. Затем командовал взводом и эскадрой. В двадцать втором участвовал в подавлении антисоветского крестьянского восстания на Тамбовщине, за что и был награжден орденом Красного Знамени.

После окончания Гражданской войны остался в кадрах РККА. И на долгие-долгие годы застрял в должности командира кавалерийского полка.

Воинскую науку Жуков познавал не в академических аудиториях, а в повседневной обстановке армейской жизни и на краткосрочных курсах. Первоначальную военную подготовку он получил в учебной команде драгунского полка. В двадцатом году несколько месяцев учился на Рязанских кавалерийских курсах, но из-за тяжелой обстановки на фронтах так и не доучился. В двадцать пятом окончил Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава, а в тридцатом – Курсы по усовершенствованию высшего начальствующего состава. Как и все, занимался самоподготовкой. Когда руки доходили... Поэтому был не теоретиком, а практиком.

После окончания КУВНАС его назначили, наконец, командиром бригады. Затем он был помощником инспектора кавалерии Красной армии, командовал дивизией и корпусом. В тридцать шестом за успехи в боевой, политической и технической подготовке был награжден орденом Ленина.

Все, кто хоть когда-нибудь служил с ним вместе, единодушно отмечали его тяжелый, неуживчивый, трудный характер и грубость.

Возможно, он действительно иногда был излишне требователен и не всегда сдержан и терпим к проступкам подчиненных. Его всегда выводила из равновесия любая недобросовестность в работе или поведении людей.

Жуков презрительно усмехнулся. Некоторые этого не понимали. А он, видимо, недостаточно был снисходителен к человеческим слабостям. И не собирается! Никому не дано права наслаждаться жизнью за чужой счет!

Он выполнит приказ наркома любой ценой! И церемониться ни с кем не будет! Москва его поддержит, иначе он не получил бы таких полномочий. Это шанс. Шанс всей его жизни! И он не такой дурак, чтобы его упускать.

Что ему делать, он уже знал. Сначала убрать с дороги Фекленко. Он свой шанс упустил! Убрать Фекленко и получить командование... Затем подтянуть войска и накопить материальные ресурсы. Это главная задача! А пока держать самураев в напряжении, но не дай бог, не спугнуть. Ему нужен их полный разгром. Классический разгром! Чтобы в учебниках потом писали! И никаких переговоров! Трепать им нервы. Показывать слабость. Накопить материальные ресурсы. А потом дать в лоб! И по флангам! И р-раздавить эту несчастную японскую дивизию, как вшу на гимнастике. Чтобы аж брызнула!.. А еще надо так устроить, чтобы никто к его славе примазаться не смог. А то налетят потом как вуроны. Много их тут окопалось в ЗабВО, да в ОКА обеих... А Москва еще шлет помощничков всяких!.. Жуков скрипнул зубами.

«Эх, верных людей нету! Специалистов ему Генштаб предоставил! Какие они специалисты! Соглядатаи! Понятное дело, будут за ним смотреть и стучать, куда надо!» – скривился он.

– Разрешите обратиться, товарищ комдив! – вытянулся Куцепалов, когда Жуков, окинув его пристальным хмурым взглядом, проходил мимо.

– В чем дело, майор? – холодно прищурился Жуков и вдруг широко улыбнулся. – Федор?... Ты, что ли?... Здорово! Какими судьбами? – он порывисто обнял старого товарища.

– Признали, товарищ комдив!.. И как это вы меня вспомнили? Столько лет прошло... – разулыбался Куцепалов.

– Да!.. Лет десять точно не виделись!

– Десять и есть, товарищ комдив. Вас тогда как раз отправили в Москву на курсы.

– Было такое дело... После курсов я на полк уже не вернулся. Сразу на повышение пошел, на бригаду. А ты каким боком в летуны затесался?

– Как вы уехали, Георгий Константиныч, так до нас и добрались. Кого куда... Меня, вот, в авиацию перевели, в летную школу отправили. А Гришку Иванищева так вообще демобилизовали...

– Да ты что?! Это кто ж так покомандовал без меня?... Помню Иванищева... Звезд с неба не хватал, это точно, но командир эскадрона был крепкий. И за конским составом

смотрел, как надо, и личный состав в руках держал... Я бы его в обиду не дал!

– Ну, вот. А потом я эскадрилей командовал, полком, авиабригадой...

– Молодец!.. Ты всегда башковитый был. И эскадрон у тебя как по струнке на рысях ходил. А помнишь, как на конных соревнованиях мы всех в корпусе обходили. Да что там, в корпусе! В округе! И никто нас догнать не мог!

– Помню, товарищ комдив! Один хитрец какой-то, из шестой Чонгарской дивизии, попытался. Даже лошадь вторую в лесу спрятал, чтобы сменить по ходу скачек. Ординарец держал... И получил-таки, первый приз, подлец! А потом, когда все открылось, комкор ему по холке, по холке! Чтоб не жульничал!

– Да, Федор, было время!.. Надо бы посидеть как-нибудь. Погугарить, товарищей вспомнить... Некогда сейчас! Улетаю я сегодня. Тут у вас в пятьдесят седьмом корпусе некоторые такой бардак развели! Меня Сам, – Жуков ткнул большим пальцем вверх, – сюда отправил, порядок наводить.

– Товарищ комдив! Георгий Константинович! – осенило вдруг Куцепалова. – А возьмите меня с собой! Я же боевой командир! Я тут болтаюсь в распоряжении штаба ВВС. Как цветок в проруби, блин... Назначения жду... Возьмите, а? Может, и пригожусь вам на Халхин-Голе.

– А что? Может, и пригодишься!.. – задумался Жуков. – По указанию наркома у реки этой со всей страны летчиков – Героев Советского Союза собрали. Со Смушкевичем во главе. Я этого... еврея... еще по Белорусскому округу помню! – комдив принял решение. – Точно! Такие, как ты, настоящие кавалеристы, мне там, ох, как понадобятся! Чтобы всех этих героев-летунов вместе с комкором ихним в руках держать, да к делу приспособить!.. И вообще!.. Значит, так! Вылет через два часа. В отделение кадров не ходи. Сам им сообщу. Потом. Если есть подходящие ребята, два-три человека, бери с собой!.. Есть кто на примете?

– Есть, товарищ комдив! Капитан Иванищев! Тоже в распоряжении застрял, как и я!

– Григорий?... А он-то как здесь оказался? Ты же говорил, его демобилизовали... Ладно, об этом потом! Будет еще время. Ну, все! Ждите меня на аэродроме! – Жуков хлопнул Куцепалова по плечу и стремительно зашагал дальше по коридору.

Майор Куцепалов смотрел вслед удаляющемуся комдиву и мысленно потирал руки. Ничего, ничего! Они его – так! А он их – вот так! Это ж надо ж, как повезло! Теперь посмотрим, кто начальник, а кто – дурак! Своего бывшего комполка он помнил прекрасно! Как-никак, почти пять лет под его командой прослужил. При нем от простого красноармейца дорос до комэска! Говорит, его прислали порядок навести. Уж кто-кто, а Жуков точно наведет!

«Он вам образцовый порядок наведет! Забегаете, как недорезанные! Или ты, Федор, ничего в этих делах не смыслишь!» – подумал он и поспешил в гостиницу. Надо порадовать Гришку, да упредить, чтобы сегодня в рот не брал ни капли! Не тот случай! Успеется еще. Еще посидим с комдивом, повспоминаем товарищей!

В тот самый момент, когда «Дуглас» с комдивом Жуковым и его командой вырубивал на взлетную полосу, из только что приземлившегося ТБ-3 выгружали раненых, доставленных из Тамцаг-Булакского военно-полевого госпиталя.

Младший лейтенант Пономарев, скрипя зубами от дергающей боли в забинтованной голове, спустился на землю сам. Вдруг у него подогнулись колени. Владимир едва успел ухватиться за теплый гофрированный борт самолета, чтобы не усесться со всего маху на сухую траву Читинского аэродрома.

Один из санитаров заметил, как сильно побледнел и зашатался летчик с забинтованной головой, вовремя подхватил его под руки и повел к автобусу с большим красным крестом на боку...

Рана на лбу, полученная неделю назад в воздушном бою, сначала показалась Владимиру простой царапиной. Но почему-то заживала очень плохо. Точнее, не заживала совсем, а даже наоборот – болела все сильнее.

Вконец замотанный военврач, осматривавший его вчера во время перевязки, только

покачал головой и решил, от греха подальше, отправить младшего лейтенанта в Читу, в окружной госпиталь. Пусть там его посмотрят и решат, что делать.

Владимиру повезло. Потому что это интуитивное решение полевого хирурга оказалось единственно правильным. В ране, обработанной на скорую руку фельдшером сразу после боя, осталось несколько волос, которые и вызвали воспалительный процесс с нагноением. Еще немного, и это могло бы превратиться в большую проблему.

В тот же вечер Владимиру сделали операцию. Хирург как следует почистил рану, потом снова зашил, и дело, наконец, пошло на поправку.

Была, однако, еще одна причина, почему для Владимира Пономарева так важно было оказаться в это самое время в Чите. Но он об этой причине тогда и не подозревал. Хотя позднее, вспоминая все происшедшее, не мог не признать, что зацепившая его ненароком шальная самурайская пуля на самом деле была просто подарком судьбы.

За две недели рана у него практически зажила. Главврач госпиталя пока не отпускал его в полк, но Владимир твердо решил в ближайшие дни его дожать. Или уговорить, или стащить бумаги и сбежать на фиг! Он не сомневался, что на аэродроме без проблем договорится с ребятами, гоняющими туда-сюда транспортники, и доберется как-нибудь до своей части.

Впрочем, в конце концов обошлось и без этой самостоятельности.

Воспользовавшись временным затишьем в небе над Халхин-Голом, в Читу на денек прилетел военком двадцать второго ИАП старший политрук Калачев. Были у него дела, само собой, и в политуправлении, и в штабе ВВС. Но главную свою задачу он видел в другом.

В полевой сумке он привез толстую пачку писем своих боевых товарищей. И не поленился лично отнести их на главпочтамт, прекрасно понимая, насколько важна на войне весточка от близкого человека. Для его семьи. Для жены и детей, для отца с матерью, для любимой девушки...

Как и всякий военный, старший политрук, отлично знал, как долго идут письма полевой почтой. Другое дело – почта обычная. Поэтому он передал письма начальнику главпочтамта из рук в руки, попросив рассортировать и отправить их немедленно. Самым-самым скорым поездом.

Попутно он осчастливил киоскера «Союзпечати», забрав все имеющиеся в наличии газеты и журналы, и свежие, и не очень. Летчикам, воюющим за свою страну за тысячу километров от родной земли, они были нужны как глоток живительной влаги посреди пустыни. И это не было поэтической метафорой...

Оставалось еще одно очень важное дело. Оставив увесистую пачку газет и журналов, под охраной дежурного по штабу, чтобы не таскаться с ней по кабинетам, Калачев зашел в отделение кадров:

– Вот, привез наградные листы. За майские бои... На погибших летчиков... Вознесенский, Гусаров, Иванченко, Кулешов, Константинов, Лимасов, Мягков, Пустовой, Савченко, Соркин, Чекмарев, Черенков... – военком протянул тоненькую пачку начальнику отделения.

Майор взял бумаги, просмотрел и положил к себе на стол.

В этот момент в помещение вошла стройная светловолосая девушка – старший лейтенант, с орденом Красной Звезды и знаком парашютиста на гимнастерке. Она смело подошла к стойке, строго по уставу приложила ладонь к берету и вдруг улыбнулась. И улыбка эта обладала мощностью, сравнимой, разве что с очередью из крупнокалиберного пулемета в упор:

– Старший лейтенант Серебровская... Товарищ майор, подскажите, пожалуйста, адрес полевой почты младшего лейтенанта Владимира Пономарева. Он служит в истребительном авиаполку, где-то здесь, под Читой. А вот номер полка я не знаю, – сказала она.

Слегка ошалев от такой улыбки, майор наморщил лоб, пытаясь вспомнить, где служит этот младший лейтенант, или хотя бы сообразить, где его искать.

– А кем вы приходитеесь Пономареву? – спросил Калачев.

– Знакомая! – сказала старший лейтенант Серебровская. Чуть-чуть замявшись... Или ему померещилось?

– Вспомнил! – хлопнул себя по лбу майор. – В двадцать втором ИАПе он служит, вот где!.. Так ведь, товарищ старший политрук? – повернулся он к Калачеву.

– Военком двадцать второго истребительного авиаполка Калачев, – приложил тот руку к козырьку. – Младший лейтенант Владимир Пономарев действительно служит у нас в полку. В первой эскадрилье.

– А как он?... – немного неуверенно спросила девушка, и щеки ее слегка порозовели... Или ему показалось?

– Хороший боевой летчик!.. Кстати, он сейчас здесь, в Чите.

Огромные льдисто-серые глаза словно вспыхнули, когда он это сказал. А, может, это просто нахальный солнечный зайчик скользнул по девичьему лицу?

– Вы даже можете его навестить, если захотите. Он лежит в окружном госпитале...

Словно тень накрыла комнату, когда внезапно погасла ее замечательная улыбка. И тут Калачев уже не мог ошибиться. Глубокие серые глаза охватило неподдельное беспокойство.

– Да нет, ранение не очень серьезное... – поспешил он ее успокоить. – Не переживайте, до свадьбы заживет!

После этой неосторожной шутки военкома ярко-алый румянец неудержимо залил щеки старшего лейтенанта, выдавая ее с головой. Она смутилась и пулей выскочила из кабинета. Калачев переглянулся с майором и улыбнулся.

«Ай да Пономарев! Ай да младший лейтенант! – подумал Калачев. – Ну и тихоня! Такая девушка по нему сохнет, а он скрывал!»

Наталья оказалась в штабе Забайкальского военного округа далеко не случайно.

С тех пор как она получила письмо от Владимира удержать ее в Одессе было уже невозможно. Она решила, что будет служить на Дальнем Востоке рядом с ним! Как можно ближе! И все! И это было самое главное.

Нет, она не забрасывала начальство рапортами, как это обычно делают желающие по какой-либо причине сменить место службы. Она отлично понимала, что это совершенно не эффективно.

Старший лейтенант Серебровская действовала более решительно и умело.

Сначала разведка, потом анализ ситуации, планирование и, наконец, завершающий аккорд – точный и своевременный удар в самое слабое место оборонительной линии противника.

Для начала она дозвонилась до своего наставника майора Мошковского. Ей повезло. Во-первых, потому что Яков Давыдович был в Москве, а не летал где-то за Полярным кругом. Во-вторых, потому что ему было поручено очень важное задание – формирование воздушно-десантного соединения. И он как раз ломал голову, где взять людей, утрясал штаты и подбирал кандидатуры на командные и технические должности.

Отдельная воздушно-десантная бригада, которую формировал Мошковский, должна была войти в состав Забайкальского военного округа.

И это было именно то, что требовалось!

На месте Натальи любая другая запрыгала бы от радости и стала проситься, чтобы ее записали в десантники. Но она была настоящим психологом!

Поэтому, поболтав немного о том, о сем и разузнав о судьбе некоторых общих знакомых, она стала захлеб рассказывать Мошковскому о том, как хорошо здесь в Одессе, какие роскошные условия для прыжков, как здорово у нее идут дела в школе и как довольна ее начальство. И что начальник школы просто встал на дыбы, когда ее хотели перевести в другую часть, и сумел ее отстоять.

Она слишком хорошо знала Мошковского и нисколько не удивилась, когда он сам предложил ей любую должность в штабе формирующейся бригады на выбор.

О, конечно, это было бы здорово! И служить в бригаде под его командованием она готова на любой должности. Но... Вряд ли ее отпустят. Очень жаль, но она полагает, что

начальник школы сумеет ее отстоять и на этот раз...

– Ну, это мы еще посмотрим! – разозлился Мошковский и повесил трубку.

Дело было сделано.

Через три недели, в начале марта, она уже была в Москве...

А еще через два месяца подразделения и части двухсотой Отдельной воздушно-десантной бригады особого назначения начали перебрасывать на Дальний Восток. Бульшая часть имущества и личного состава пошла по железной дороге литерными составами.

А в конце мая подошла очередь и штаба бригады. Его должны были перебросить в Читу на тяжелых бомбардировщиках ТБ-3.

И все было бы хорошо. Но сначала отправку задержали на неделю. А потом и вовсе поменяли аэродром назначения. По каким-то стратегическим соображениям, суть которых до старшего лейтенанта Серебровской никто доводить не собирался, новым местом дислокации сотой бригады был определен город Благовещенск Амурской области.

В середине июня три огромных четырехмоторных тяжелых бомбардировщика ТБ-3 со штабом Отдельной воздушно-десантной бригады на борту, преодолев за четверо суток почти пять тысяч километров и сделав несколько промежуточных посадок, приземлились в Чите...

– Пономарев, к вам посетитель! – в двери палаты выздоравливающих Читинского окружного военного госпиталя просунулась голова дежурной медсестры.

Владимир поднялся из-за столика с недоигранной шахматной партией. Кто бы это мог быть? Может, кто-нибудь из полка пролетом?...

– А доигрывать кто будет! – запротестовал, хватая его за рукав больничного халата, Витька Петров, лейтенант-сапер, старожил их палаты, уже больше месяца лечивший пробитое в майских боях плечо.

– Доиграй за меня, – попросил одного из зрителей Владимир и вышел в коридор.

Хорошо, что у коридоров есть стены.

Потому что, если бы не стенка, к которой он прислонился, сидеть бы ему на полу. Потому что перед ним в наброшенном на плечи белом халате стояла Она!..

– Наташа... – прошептал он внезапно охрипшим голосом.

– Здравствуй, – сказала она.

А потом они стояли во дворе, под деревьями, и просто держались за руки.

Наверное, она что-то говорила ему, потому что он видел, как шевелятся ее нежные розовые губы, но ничего не слышал.

Он смотрел в ее глаза и тонул в них, словно опускаясь в какую-то бездну, и никак не мог утонуть до дна, потому что дна у этих глаз не было. А она смотрела на него, и голова у нее кружилась, как от вальса...

А потом его позвали на перевязку. Владимир отмахнулся, не глядя. Но Наталья вдруг с ужасом вспомнила, что ее давно уже ждут на аэродроме, потому что нужно лететь дальше. Потому что в Чите была всего лишь промежуточная посадка, и она отпросилась у Якова Давыдовича в город всего на пару часов.

И тогда они поцеловались.

Это был первый настоящий поцелуй в его жизни. Как, впрочем, и в ее жизни тоже. И длился он целую вечность... Но все-таки окончился безжалостно быстро.

– Я люблю тебя... – прошептал он. Словно ветер прошелестел в высоких сосновых кронах. – Очень...

– Я люблю тебя... – прошептала она. Словно эхо проплыло над прозрачным лесным озером. – До свидания...

И убежала. На аэродром. Потому что пора было лететь дальше. А он остался в госпитале... Но ненадолго. Только для того, чтобы получить документы и обмундирование. Потому что теперь ему в Чите действительно больше нечего было делать. А долечиться можно и в полку...

Глава 9. «И летели наземь самураи...»

Халхин-Гол, 22 июня 1939 г.

Майор Глазыкин, увидев младшего летчика Пономарева на Тамцаг-Булакском аэродроме, только вопросительно приподнял бровь.

Владимир откозырял и доложил о прибытии, протянув комполка справку из окружного госпиталя:

«СПРАВКА

Дана мл. л-ту ПОНОМАРЕВУ Владимиру Ивановичу

В том, что он находился на излечении с 5 июня 1939 г. по 20 июня 1939 г. по поводу контузии и касательного ранения правой височной части головы без повреждения кости .

Выписывается в 22-й ИАП по выздоровлении.

Начальник окр. военного госпиталя ЗабВО военврач 1 ранга ГОФМАН

***Начальник 1-го хир. отделения военврач 3 ранга РЕВА* »...**

– Ну что же, поздравляю с выздоровлением, товарищ младший лейтенант, – сказал Глазыкин. – А как вы себя чувствуете на самом деле?

– Я на самом деле выздоровел, товарищ майор! Готов идти в бой! – бодро ответил Владимир.

– Готов, значит, в бой идти! – Глазыкин усмехнулся. – Это хорошо, что готов. Потому что вот-вот и пойдем. Но надо вам, товарищ младший лейтенант, летные навыки восстановить после госпиталя.

– Да я всего-то две недели там пробыл, товарищ майор! И ранение у меня легкое!.

– Ладно, ладно!.. Легкое! С легким бы в санчасти отлежался! – майору нравился этот паренек, чудом вернувшийся из того боя и теперь снова рвавшийся в бой. – Поэтому сейчас отдыхай, а завтра майор Кравченко с тобой полетает и решит, что к чему.

В принципе это Владимира вполне устраивало. Только вот Кравченко... Это не тот ли Кравченко, который Герой?

Оказалось, тот самый. Герой Советского Союза. Летчик-испытатель. Ас.

Пятого числа его назначили военным советником в двадцать второй истребительный авиаполк, и он две недели подряд гонял личный состав до седьмого пота, отрабатывая приемы одиночного и группового воздушного боя.

«Пока вы, товарищ младший летчик, отдыхали на госпитальной койке и в шахматы играли!» – подумал Владимир. Но делать было нечего. Зачет надо было сдать!

На следующий день он сразу же после завтрака явился в юрту майора и доложил о готовности к сдаче зачета по технике пилотирования. Кравченко отложил свежую газету и кивнул. А затем резво поднялся и, увлекая за собой Владимира, зашагал к стоянкам.

Все прошло хорошо. Владимир показал, все что умеет, выполнив обычный комплекс простого и сложного пилотажа. Кравченко, который два с лишним года служил летчиком-инструктором в Качинской авиашколе, остался доволен летными навыками курсанта.

«Тьфу, ты!.. Младшего летчика Пономарева!» – поправил сам себя майор. А потом поручил старшему лейтенанту Рахову провести учебный бой с Пономаревым, а сам решил понаблюдать за ними с земли.

Владимир, отлично понимая, что от того, какое мнение о нем сложится сейчас, будет зависеть его дальнейшая судьба, превзошел себя. Рахова он боялся не так, как майора, и, возможно, поэтому вел себя в небе раскованно и легко. Бой окончился вничью, и это была настоящая победа!

Когда он подошел к старшему лейтенанту за замечаниями, тот только хлопнул его по плечу и сказал:

– Годится!

Майор Кравченко тоже остался доволен молодым летчиком.

А на следующий день летные и боевые навыки Владимира Пономарева проверили уже вражеские пилоты. И, скорее всего, остались недовольны...

Двадцать второго июня с утра до самого полудня над степью висела молочно-белая пелена тумана... А после обеда по приказу вышестоящего командования, в лице комдива Жукова, в небо были подняты вторая и четвертая эскадрильи двадцать второго полка.

Остальным – приготовиться!..

«Эти герои что-то засиделись на своих аэродромах, пока пехота за них отдувается!.. – раздраженно думал Жуков. – Как бы не перетренировались!»

Дело было в том, что позавчера батальон сто сорок девятого стрелкового полка при поддержке роты броневых автомобилей попытался атаковать японский военный лагерь в районе Джанджин-Сумэ, но, потеряв пять человек убитыми и три броневика, был вынужден отойти на исходные позиции.

А сейчас неудачи были противопоставлены категорически! Неудачи – удел неудачников! Которые уже арестованы и дают признательные показания.

Жукову очень требовалась победа. Хоть какая-нибудь!

И тут очень кстати прозвучал совет майора Куцепалова. Точнее, даже не совет, а так, мнение вслух. Действительно, у Смушкевича здесь триста самолетов, а у япошек поблизости всего лишь два десятка! А он все силы накапливает, да асов своих тренирует! Да у него тут одних Героев больше, чем всех японских летчиков вместе взятых! Вот пусть и покажут самураям, какой стороной кобылу запрягать!

Смушкевич не возражал, понимая, что, комдив по-своему прав, и приказал поднять оба полка. Надо было видеть, как обрадовались его ребята, три недели подряд совершавшие лишь ознакомительные полеты да тренировочные бои и уже понемногу начавшие скучать!

– Слушай боевой приказ! Нанести визит самураям и наказать подлого врага!

Пеленг из двенадцати «ишаков» возглавлял комэска-два старший лейтенант Савкин, а девятку «бисов» повел в бой комэска-четыре капитан Степанов.

И опять все пошло поперек!

Над Хамар-Дабой со стороны солнца на них упало восемнадцать самураев.

Как всегда, тактическое и техническое превосходство оказалось важнее численного. А после первой же атаки на стороне противника оказался и численный перевес!

Старший лейтенант Савкин сразу же был ранен. И со снижением вышел из боя. Потеряв ведущего, эскадрилья «ишаков» рассыпалась в разные стороны, и больше в бою не участвовала. А раненый комэска, расстреливаемый вражескими истребителями со всех сторон, сумел-таки совершить вынужденную посадку на «брюхо». Уже на земле его истребитель подожгли, но он как-то выбрался из кабины и уцелел.

А четвертая эскадрилья осталась один на один с вдвое превосходящим по численности противником. То же самое произошло с этой же эскадрильей в мае. Номер, что ли, у нее несчастливый был такой?... Ситуация повторялась практически до мелочей.

Но не повторилась!

Не зря Степанов натаскивал своих парней. Как чувствовал. Нутром чувствовал!

И началась карусель! Они крутились, как ужи на сковородке, отсекая самураев друг от друга и огрызаясь огнем, когда подворачивался случай. При этом эскадрилья медленно, но верно оттягивала врага в глубь своей территории.

Конечно, им доставалось... Но они держались! А ведь дрались они сейчас с теми же самыми японскими асами, в бою с которыми погибли их товарищи три недели назад.

И все-таки численное превосходство, есть численное превосходство. Три «биса», в том числе и машина Степанова, получили повреждения, и пошли на вынужденную посадку. Их товарищи, связанные боем, ничем не могли им помочь. А японцы продолжали обстреливать планирующие и уже катящиеся по земле машины...

Истребители загорелись, но пилоты все же успели выскочить из кабин и отбежать прежде, чем начали рваться бензобаки. К счастью, никто из них не пострадал.

В этот момент на горизонте показалась эскадрилья И-16 семидесятого полка. Увидев

подкрепление, самураи бросили несговорчивых «бисов» и ушли на свой аэродром.

Продержались!..

Евгений смотрел на свой догорающий самолет и не мог скрыть довольной улыбки. Вот это бой! Три машины потеряно?... Ерунда! Зато все целы. Не сбили ни одного врага?... Еще не вечер!

Когда эскадрилья Савкина по одному вернулась на свой аэродром и летчики сбивчиво поведали о происшедшем, Глазыкин стиснул зубы, но ничего им не сказал. Да и что было говорить! Надо было самому лететь!

Он и полетел. Когда получил приказ поднять еще две эскадрильи...

Потому что Жукова, само собой, исход боя не устроил. Смущевича тоже. Хотя и по другой причине. О чем они беседовали друг с другом наедине, история умалчивает. Но, похоже, комдив, как и положено начальнику, не стеснясь, высказал свое нелицеприятное мнение о ВВС комкору, старшему по званию, но младшему по должности.

А солнце стало понемногу клониться к вечеру.

Двадцать второй полк в полном составе (за исключением тех, кому сегодня уже досталось и чьи машины встали на ремонт) в колонне эскадрилий с комполка во главе двинулся к линии боевого соприкосновения.

Владимир Пономарев опять шел на своем законном месте справа от комзвена. Но, будучи уже обстрелянным пилотом, смотрел в его сторону лишь краем прищуренного глаза. Солнце его интересовало значительно больше. И не только его.

Военные советники, идущие в строю эскадрилий, тоже смотрели в основном на солнце. И правильно делали! Та самая Ганьчжурская двадцатка (а другим самураям здесь сегодня взяться было неоткуда) опять валилась на них со стороны светила.

Но внезапно у них не получилось. И сбить с первого раза им тоже никого не удалось. И вообще не на тех напали!

Все смешалось в доме Облонских... Строй полка распался. Кто-то вырвался вперед. Кто-то отстал. Часть ведомых во время резких эволюций оторвалась от своих ведущих. Вообще в воздухе вдруг стало как-то очень тесно. Повсюду носились истребители. Управлять в такой мешанине без радио было невозможно, и Глазыкин мгновенно из командира превратился в обычного бойца.

Японцев он увидел почти сразу и рванулся к ним навстречу, открыв огонь с большой дистанции. А потом опомнился и стал беречь патроны.

В ходе свалки один из самураев очень удачно залез ему в прицел, и комполка инстинктивно нажав гашетку, с радостью увидел, как его очередь распорол истребитель противника почти по всей длине. Он перевернулся и посыпался вниз. Глазыкин проводил его долгим взглядом.

Эх, лучше бы он этого не делал!

Нельзя смотреть на сбитого врага. Он прекрасно знал об этом, и сам неоднократно напоминал молодым пилотам, что это плохая примета. Но как же было удержаться! Ведь это был его первый бой! Его первый сбитый!

Плохая примета... Всей спиной почувствовал он вражескую очередь, встряхнувшую его самолет. «Ишачок» тут же стал тяжелым и непослушным, его потянуло вниз, а ручка болталась, и, ясное дело, были перебиты тросы управления. Глазыкин понял, что делать нечего и надо прыгать. Он отстегнул привязные ремни и, перевалившись через борт, выпал из самолета.

Владимир долго держался за хвост Пьянкова, но так и не удержался. Да и кто бы удержался? Комзвена, бросился на проклятого врага и думать забыл про ведомых.

Оставшись один, Владимир первым делом осмотрелся: «К кому бы пристроиться?»

В небе кружилось и вращалось не меньше сотни самолетов! Только успевай уворачиваться. Сверкали пулеметные трассы. Сверкали на солнце плоскости и кабины машин. Глаза выхватывали куски пространства, как куски мозаики, складывать которую было некогда. Да и незачем!

Увидев слева снизу самурая, пристроившегося в хвост «ишаку», Владимир энергично дал ручку от себя и свалился на японца, врезав ему очередью прямо по кабине. Самурай ткнулся мордой в приборную доску и вошел в пике, из которого не выходят.

Владимир сделал вираж и наконец-то пристроился к какому-то краснотелу истребителю с белой цифрой семь на хвосте. На глазах у него пилот семерки красиво завалил японца. Тот вспыхнул, и яростное пламя мгновенно охватило его целиком.

Теперь Владимир держался за своего ведущего зубами! И вращал головой во все стороны, прикрывая от атак. Он даже один раз пальнул в какого-то совсем очумевшего самурая, проскочившего прямо перед ним и попытавшегося пристроиться к семерке. Чумной самурай рывком ушел из-под огня и свалился в штопор. А летчик, которого спас Владимир, оглянулся и покачал крыльями в знак благодарности.

Смушкевичу доложили, что двадцать второй полк ведет бой с крупными силами противника (и откуда они, интересно, взялись?) в районе горы Баян-Цаган. Он немедленно дал команду майору Забалуеву поднять свой полк и идти на помощь боевым товарищам.

Майор Вячеслав Забалуев в отличие от Глазыкина в Монголии был старожилом. Семидесятый полк входил в состав сотой смешанной авиабригады пятьдесят седьмого особого корпуса и с сентября тридцать седьмого года дислоцировался в Тамцаг-Булаке.

Ныне разоблаченный враг народа, а тогда еще командующий войсками Забайкальского военного округа, командарм второго ранга Великанов, бригаду, убывающую для оказания братской помощи, укомплектовал по принципу «возьми боже, что мне не гоже». У Забалуева было на одну эскадрилью «бисов» меньше, чем у Глазыкина, а «ишаки», все до одного, двухпулеметные, пятого типа, без бронеспинок. Хотя, в общем, тогда это была еще более-менее боеспособная часть.

Увы, зараза полного пофигизма, вредительски насаждаемая в особом корпусе его командованием (за что оно недавно и было арестовано, а надо было бы уже давно!) в полной мере коснулась и Забалуевского полка. Состояние матчасти не просто оставляло желать лучшего, оно вообще никуда не годилось! От длительного хранения под открытым небом у половины его истребителей перкалевая обшивка сопрела, начала гнить. Боевая подготовка и дисциплина даже не хромали. Они попросту обезножели!

Неудивительно, что в первом же бою, который состоялся месяц назад двадцать первого мая, еще до прибытия Глазыкинского полка, семидесятый ИАП сразу понес потери. Был сбит И-16. Летчик Лысенко погиб.

Лишь только после этого начальство спохватилось. Управление полка привели в чувство, укрепили военными советниками, полностью заменили матчасть. Майор Грицевец, опытный летчик-инструктор, сделал все, что мог, чтобы подтянуть летные навыки у своих подопечных. И теперь полк был полностью готов к бою.

И вступил в бой.

Помощь подоспела вовремя, потому что у многих истребителей двадцать второго полка уже кончались боеприпасы и горючее.

Остановился мотор и у Владимира. Сначала он подумал, что его подбили, а он в горячке боя не понял. И только взглянув на циферблат часов, догадался, что время полета истекло. И точно, стрелка бензиномера была на нуле. И боеприпасы тоже, наверное, были израсходованы, потому что патронов он не жалел.

«Вот так попал!» – подумал он. Тут-то его и прищучат, как миленького!

Но летчик семерки, заметив, что его верный ведомый планирует с остановившимся пропеллером в сторону аэродрома, развернулся и проводил до самого места. И только когда Владимир выпустил шасси и пошел на посадку, его ангел-хранитель покачал крыльями и ушел.

«Вот что значит настоящая взаимовыручка!» – подумал Пономарев.

Он даже не знал, кто сидел в том истребителе. Как, впрочем, и летчик семерки не знал, кто его прикрывал в этом бою.

Владимир садился с ходу. Оно и понятно: на второй круг идти было не на чем. В баках

– сухо. Техники дружно покатили его на стоянку и быстро заправили горючим и боеприпасами. И он снова взлетел и помчался туда, где, не останавливаясь, клубился воздушный бой...

Майор Забалуев привел своих ребят не к шапочному разбору! Подлетая, он видел, как один за другим краснозвездные машины по одной, по две выходили из боя, некоторые даже с остановившимися винтами.

«Горючка на исходе», – подумал он.

И был совершенно прав! Но самураев это не касалось, они-то могли летать в два с лишним раза дольше советских истребителей, потому что дальность у них была такая. Бензину брали больше, а расходовали меньше. Японская техника!

Семидесятый полк прикрыл выход двадцать второго полка из боя и занял его место. А пока он дрался с самураями, летчики двадцать второго заправлялись, заряжали оружие и снова поднимались в небо. И теперь уже они, когда пришло время, прикрывали выход из боя семидесятого полка.

Это длилось почти два с половиной часа.

И, наконец, самураи не выдержали. Их-то никто менять не собирался!

Но кончалось не только горючее и боеприпасы. Кончилось время их побед. Хотя в этом бою они сбили много краснозвездных врагов, им переводу не было! И откуда только брались? Поэтому и сдали нервы у «королей неба»!

Переломили советские пилоты самурайский хребет, и полетели самураи, под напором стали и огня, на свой родной аэродром под Ганьчжуром. Но прикрывать их было некому. Вдобавок к сгоревшим в бою во время посадки наши летчики, мстя за погибших товарищей, сожгли еще двоих напоследок. И поделом!

Это была настоящая победа!

Но досталась она дорогой ценой... В ходе боя потери советской стороны составили семнадцать самолетов (тринадцать И-15 бис и четыре И-16) и одиннадцать летчиков.

Геройски погиб командир двадцать второго истребительного авиаполка майор Николай Георгиевич Глазыкин.

Его тело, сильно разбитое тупым ударом, нашли рядом с упавшим самолетом. Возможно, он угодил под падающий истребитель... Никто не видел, как это произошло. В такой куче-мале это было попросту невозможно. Но зато видели, как он сбил самолет противника.

Кроме Глазыкина, двадцать второй авиаполк недосчитался еще пяти летчиков. И семидесятый потерял пять пилотов.

Комкор Смушкевич размышлял.

Перед ним лежали рапорты командира семидесятого полка майора Забалуева и помкомполка капитана Балбшева, временно исполняющего обязанности командира двадцать второго полка после гибели майора Глазыкина.

«С нашей стороны в бою участвовало девяносто пять самолетов, со стороны самураев – сто двадцать...» Стоп! В Ганьчжуре, и он это знал точно, сидело двадцать истребителей. Откуда еще сто самолетов? Прилетели из Хайлара или Чанчуня? Быть того не может!.. Врут?... Может быть, но не специально. В такой давке своего от чужого хрен отличишь! Ладно, едем дальше...

«В ходе боя сбито более двадцати пяти японских истребителей...» Так, посчитаем. На нашей территории было найдено четырнадцать упавших и сгоревших самолетов. На территории противника разведка обнаружила еще одиннадцать разбитых машин. Да двоих сожгли в Ганьчжуре. Итого двадцать семь. Отнять семнадцать – будет десять. То есть потери самураев в два раза меньше. Опять врут?... Да нет, конечно, не врут, просто кое-кого из японцев посчитали два раза. Сам боевой летчик, он знал, что попасть в самолет и сбить самолет – это разные вещи. В бою некогда глядеть, упал подбитый тобой враг или оклемался и дальше полетел.

Так кто же победил?... Во все века победителем считался тот, за кем осталось поле

битвы. Враг бежал?... Бежал! И добивали врага прямо у его порога. Значит, враг битву проиграл. На этом и порешим!

И он включил в свой рапорт на имя командира особого корпуса комдива Жукова окончательную цифру – двадцать пять сбитых!

Так, теперь наши потери...

Семнадцать самолетов. Но люди-то живы. Старший лейтенант Савкин ранен легко, остался в строю. Трое сели на вынужденную. Целехоньки. Двое выпрыгнули с парашютом и уже вернулись в свои части. Значит, что?... Значит, наши потери – одиннадцать летчиков. Так и запишем!

Он размашисто подписал рапорт и пошел к комдиву.

Смушкевич был человек отходчивый и понимал, какая ответственность лежит на Жукове. Поэтому махнул рукой на дневную размолвку и выкинул ее из головы.

Жуков несколько не жалел о выволочке, которую он устроил Смушкевичу. Но зла на него держать не собирался, потому что был прав!

Поэтому, когда Смушкевич зашел к нему в юрту и доложил результаты воздушного боя, он крепко пожал ему руку и от чистого сердца поздравил с победой.

А потом еще раз перечитал рапорт... Все как надо. Молодец Смушкевич! Может, если захочет, подать товар лицом. Численное превосходство противника в начале боя имелось?... Имелось! Самураев сбито больше?... В три раза! И враг бежит, бежит, бежит!.. И вообще, когда в небе сражается столько самолетов за раз, это уже не воздушный бой, это уже воздушное сражение.

Так в Москву и доложим. Крупнейшее в истории авиации воздушное сражение нами выиграно! Ай да Жуков! Ай да сукин сын!..

Поздно вечером комкор Смушкевич приехал в осиротевший двадцать второй полк. Он обошел все самолеты на аэродроме, побеседовал с техниками. А потом собрал летный состав в штабной юрте и подробно расспросил о впечатлениях от встречи с самураями.

Больше всего его интересовали боевые возможности японских летчиков.

И все как один, не сговариваясь, отметили большую выносливость, тактическое мастерство и волевые качества японских пилотов. Очень опасные противники!..

– Но, товарищ комкор, – резюмировал военком полка старший политрук Калачев, сбивший, кстати, в этом бою один японский самолет. – Мы их бьем и будем бить, пока не уничтожим или не принудим сдаться!

И все захопали. А комкор улыбнулся:

– По докладам командиров полков, в бою участвовало девяносто пять наших истребителей и сто двадцать японских!..

Кто-то удивленно присвистнул. Но Смушкевич не обратил внимания. Это было не совещание, а просто беседа боевых товарищей. И продолжил:

– Сбито более двадцати пяти японских самолетов!.. Отличились майоры Глазыкин, Грицевец, Кравченко, капитан Герасимов, старшие лейтенанты Рахов, Орлов, Викторов и многие другие...

– Гнали самураев пинками аж до самого Ганьчжура! – не удержался от реплики кто-то из летчиков. – А они летели и кувыркались! – закончил он, и веселый смех прокатился по юрте.

– Точно! – улыбнулся комкор. – И это настоящая победа!.. А как вы думаете, ожидать ли нам от них ответной любезности?

– Самураи – народ мстительный. Обязательно захотят рассчитаться за свое поражение. И в самом скором времени! – ответил за всех майор Кравченко. – Но мы их встретим, как дорогих гостей, и угостим, как положено! – закончил он под общий смех и улюлюканье.

– Гостеприимство – это хорошее качество! – сказал Смушкевич. И смех стал еще громче.

– Ну а если серьезно, – продолжил он, когда летчики успокоились. – Бои нам предстоят не шуточные! Я думаю, что все это уже поняли... Есть сведения, что командование

Квантунской армии перебрасывает на Халхин-Гол хорошо обученные, опытные истребительные части из Китая и Японии. Поэтому максимальное внимание, товарищи командиры, – обратился он к Балбшеву и Калачеву. – Надо уделить вопросам тактической подготовки летчиков к предстоящим боям.

Балбшев чуть подался вперед при этих словах комкора и кивнул, словно подтверждая важность сказанного. Калачев, делавший заметки в своей рабочей тетради, поднял голову и посмотрел на Смушкевича.

– И вам, товарищи советники, не стоит успокаиваться, – комкор повернулся к Кравченко и его товарищам. – Да, вы многое сделали, чтобы передать свой боевой опыт. И сегодняшний бой это показал! Но впереди еще много боев! До сих пор некоторые из ваших учеников бросаются на японцев очертя голову, как только их увидят!

– Сашка Пьянков, у нас такой драчливый! – опять влез кто-то из пилотов. Но Смушкевич шутку не поддержал, и на шутника зашикали его же товарищи.

– Необдуманный риск, – сказал Смушкевич. – Приносит лишь потери самолетов, а главное – летчиков. Подготовленные боевые летчики – это ценные кадры, это специалисты, без которых не решить поставленную задачу по разгрому врага...

Когда комкор уехал, Владимира поманил рукой майор Кравченко.

– Ты сегодня на семнадцатой летал? – спросил он.

– Я, товарищ майор, а что? – подтвердил Владимир.

И тогда Кравченко обнял его, а потом крепко пожал руку. Владимир смотрел на него, ничего не понимая.

– А я сегодня – на семерке! – сказал он и широко улыбнулся. – Так что с меня причитается!

– Да что вы, товарищ майор! – смутился Владимир. – Вы ж меня до дому проводили, а то сожгли бы меня за милую душу.

– Ладно, ладно! Ходил за мной, как на веревочке. Молодец!.. Я сам видел, как ты самурая завалил! И в рапорте указал. Так что, с почином тебя! – Кравченко хлопнул его по плечу.

– Спасибо, товарищ майор!

Глава 10. «Полетит самолет, застрочит пулемет...»

Халхин-Гол, конец июня 1939 г.

Комкор Смушкевич ничуть не преувеличивал, когда говорил, что японцы перебрасывают на Халхин-Гол новые истребительные части.

Командир второго хикосидана, то бишь второй авиадивизии, Квантунской армии генерал-лейтенант Тецудзи Гига не предполагал, что советское командование введет в бой столько самолетов сразу и создаст пятикратный перевес! Понятно, почему пилоты временной оперативной авиагруппы, риндзи хикотай, не смогли с ними справиться, хотя и сбили сорок семь истребителей врага! Потеряв при этом всего семь своих!.. Теперь надо было что-то срочно делать. Поэтому генерал, не мешкая, перебросил в Ганьчжур и Саенджо еще шестьдесят истребителей и перевел свой штаб в Хайлар, для более оперативного руководства боевыми действиями...

Над монгольской бескрайней степью, выгоревшей до желтизны, раскинулось такое же бескрайнее, выцветшее до белизны небо. Видимость – миллион на миллион. Ни ветерка. И даже комары куда-то попрятались, пережидая полуденную жару.

Летчики семидесятого истребительного полка лениво лежали на чехлах в тенике под крыльями своих боевых машин и ждали сигнала на вылет, но, видимо, летать сегодня уже не придется... Самураи после вчерашней нахлобучки зализывали раны и в небе не показывались.

– Ты знаешь, Борис, – повернул к лежащему рядом майору Смирнову свое сухое и сильное, обтесанное ветрами разных широт, лицо Сергей Грицевец. – Интересная мысль мне

сейчас в голову пришла... А ведь эта война идет в очень благоприятных условиях! И меня, как бойца, вполне устраивает.

– Не понял? – удивился тот.

– А ты вспомни Испанию! Там рушились города, горели деревни, гибли дети и женщины... А здесь, в Монголии? Мирное население из зоны боев давно откочевало... Здесь гибнут только те, кто сражается на земле и в воздухе!

Старший лейтенант Сергей Грицевец прибыл в Испанию таким же жарким июньским днем прошлого года. Гражданская война, разорвавшая эту несчастную страну на две части, полыхала уже два года. И конца ей не предвиделось. Республиканцы, задыхаясь в блокадном кольце, все еще одерживали яркие победы, но мятежники, пользуясь и явной, и тайной поддержкой всей Западной Европы, медленно, но верно сдавливали свои тиски.

А республиканцев поддерживал только Советский Союз, по-прежнему присылая транспорты с боевыми самолетами и летчиками-добровольцами.

После почти двух лет службы командиром звена в первой Краснознаменной истребительной эскадрилье имени Ленина Забайкальского военного округа судьба забросила старшего лейтенанта Грицевца в Одессу. Он служил летчиком-инструктором в восьмой Одесской авиашколе. И, с тех пор, как в Испании начался мятеж и туда отправились первые советские добровольцы, неоднократно подавал рапорты с просьбой отправить его сражаться с фашизмом на испанской земле.

Однако у вышестоящего командования в его отношении были другие планы.

В начале тридцать восьмого его перевели в двадцатую авиашколу, больше известную как Кировобадская школа особого назначения. Потому что там учили летать испанцев. Сергей потом со многими из них сражался плечом к плечу в горячем испанском небе.

Вот так и получилось, что вместо боевого истребителя старший лейтенант Грицевец опять сел на учебно-тренировочный. Делать нечего! Приказ – есть приказ!.. Конечно, он мечтал о другом... Но к порученному делу отнесся со всей ответственностью, понимая, что его ученикам в отличие от него войны никак не миновать. Поэтому учил их военному делу настоящим образом.

Однако не зря говорится – не было бы счастья, да несчастье помогло!

В апреле тридцать восьмого года в Испанию прибыла партия новейших истребителей И-16 тип 10 и очередная группа советских летчиков-добровольцев, оказавшаяся самой невезучей... Несмотря на то, что многие пилоты группы были не первого года службы, налет у большинства из них был небольшой. Но это было еще полбеды. Новый истребитель оказался никуда не годным! И не успели они приступить к тренировкам, как сразу же начали нести потери.

Сначала на глазах у всех погиб лейтенант Шилин. Во время пилотажа у него отвалилась консоль крыла. Он вошел в штопор и врезался в землю... И началось!.. Летчики бились один за другим! Четырнадцать аварий и тринадцать поломок за месяц!

Ясное дело, сборка на заводе была вредительской! Скрытые враги улучили возможность и ударили исподтишка в спину! Естественно, от суровой кары вредителям уйти не удалось, но сколько прекрасных пилотов они успели загубить!

Чтобы привести самолеты в боеспособное состояние, пришлось в полевых условиях поменять крылья и пулеметы на всех машинах.

К этому времени вера в новый истребитель упала настолько, что шесть человек попросту отказались на нем летать... Все они были доставлены обратно на Родину, исключены из партии и отданы под суд военного трибунала за трусость.

Первые бои тоже оказались не очень удачными. В итоге за месяц группа потеряла больше половины своего состава – двадцать три летчика.

Речь пошла о чести мундира. Тут-то командование и вспомнило о рапортах, которые писали летчики-инструкторы восьмой Одесской военной авиашколы пилотов.

В Испании Сергей пробыл недолго, всего три месяца. Но за эти три месяца насмотрелся всякого... И видел, какие воронки на месте жилых кварталов оставляют после себя фугасные

авиабомбы... И много чего еще видел, что хотел бы позабыть, да не сможет... Видел детей, плачущих возле своих погибших матерей. Видел убитых горем матерей, баюкающих своих погибших детей... А однажды, рискуя жизнью, сам вынес из пылающих развалин двоих ребятшек.

Вот почему он так ожесточенно сражался с фашистами и в сорока воздушных боях сбил тридцать вражеских самолетов! Сам он, правда, их не считал. Товарищи посчитали. А когда его кто-нибудь об этом спрашивал, отвечал:

– Лес рубят – щепки летят. Кто же считает щепки?

Прекрасный пилотажник и отличный стрелок, Сергей много сбивал, но редко привозил пробоины. Однажды после тяжелейшего боя с двадцатью «мессерами» в машине его боевого товарища, тоже бывшего летчика-инструктора восьмой Одесской авиашколы, Иосифа Хотелева насчитали восемьдесят пять пробоин! У Николая Герасимова – шестьдесят две. А у Сергея было всего две несчастных дырки! Ему даже неудобно стало перед товарищами.

В другом бою у него отказали сразу все четыре пулемета, но он из боя не вышел и, не стреляя, фигурами пилотажа загнал один из «фиатов» под огонь эскадрильи «Чатос».

Да, бывало всякое... В один из августовских дней ему пришлось очень туго, и сиделся он на совершенно изрешеченной машине, на честном слове и на одном крыле. Говорят, что в том бою он завалил семерых... А пусть не лезут!

Партия и правительство высоко оценили его заслуги. Когда Сергей вернулся на Родину, ему присвоили внеочередное воинское звание майор. А в феврале этого года он и его боевые товарищи Павел Коробков и Николай Герасимов были удостоены звания Герой Советского Союза. Иосиф Хотелев был награжден орденом Красного Знамени. А теперь вот они все вместе здесь самураев бьют. Но это совсем другая война!

– Да, Борис! Такая война меня, как бойца, вполне устраивает! – повторил он и откинулся на чехол...

А на следующий день с утра был бой... И Сергей в этом бою сбил еще одного самурая. Он выпрыгнул с парашютом над нашей территорией и попал в плен.

В бою участвовали две эскадрильи семидесятого авиаполка. Как обычно, одна – «ишаки», вторая – «бисы».

«Бисам» опять не повезло. Они потеряли двоих – Полевого и Григоряна. Самолет Григоряна расстреляли, когда он с заглушим мотором пытался сесть на вынужденную... Жалко ребят. Они, конечно, отомстили за них, сбив семь японских истребителей. Но пора бы уже задуматься, стоит ли терять хороших бойцов из-за устаревшей тактики! Бипланы – снизу, монопланы – сверху... Одни с бомберами воюют, другие с истребителями... Да эта тактика уже в Испании себя не оправдывала!

Ночью начался дождь, который шел потом весь день... Летчики сидели в юртах и что есть силы колотили доминошками об столешницы. Оперативная пауза, так сказать. Но пару деньков можно и потерпеть. Лишь бы не затянулось на дольше...

Не затянулось.

Двадцать шестого июня в пятнадцать двадцать посты воздушного наблюдения сообщили о появлении большой группы японских самолетов в районе озера Буир-Нур. Ей навстречу было немедленно поднято двадцать семь истребителей И-16 и тринадцать истребителей И-15 бис семидесятого авиаполка во главе с комполка майором Забалуевым. Над северным берегом озера они увидели семнадцать самолетов противника, которые развернулись, не приняв боя, и ушли в направлении Ганьчжура. Забалуев, не раздумывая, кинулся в погоню за удирающим врагом.

Но это была лишь приманка. Кусок сыра в мышеловке! Над Ганьчжуром, загодя предупрежденные по радио первой группой, их поджидали еще более сорока самураев.

Вот это и называется вляпаться! Теперь численный перевес и тактическое преимущество было на стороне врага.

И начался бой...

Через некоторое время командующий истребительной авиацией ВВС пятьдесят

седьмого особого корпуса Герой Советского Союза полковник Гусев, непосредственно руководивший в тот день действиями авиации с передового командного пункта на горе Хамар-Даба, почувствовал неладное...

В Испании Александр Гусев провоевал больше восьми месяцев, командовал эскадрильей, а потом авиагруппой. Был ранен. Сбил пять самолетов противника, был награжден орденом Красного Знамени. Стал Героем... Когда вернулся в Советский Союз, из старших лейтенантов сразу шагнул в майоры. А этой весной окончил Курсы усовершенствования комсостава и получил полковника.

Гусев доверял своей интуиции. До сих пор она его еще не подводила... Что-то было тут не чисто... И он поднял и послал вдогонку Забалуеву еще двадцать И-16 и двадцать один И-15 бис двадцать второго полка.

Полк повел новый командир – майор Кравченко. Его назначили на следующий день после гибели Глазыкина. И все восприняли это с радостью. А больше всех радовался капитан Балбшев. Такая молниеносная карьера – за месяц из комэска в комполка – его пугала. И он с радостью передал бразды правления майору.

Интуиция и на этот раз полковника не подвела. Дела у Забалуева шли неважно...

У его летчиков было на исходе и горючее, и патроны. А сам комполка был сбит и совершил вынужденную посадку возле дороги, идущей из Ганьчжура в Обо-Сумэ. В шестидесяти километрах за линией фронта.

Бой был тяжелый. Еще пару недель назад его исход, скорее всего, оказался бы не в пользу советских пилотов. Но сегодня самураям противостояли бойцы, уже отведавшие вражеской крови и бывшие этого врага у его порога!..

Сергей Грицевец обладал очень ценным для летчика-истребителя даром. Он мог видеть всю картину боя в целом. Более того, он мог отслеживать ее в динамике! Когда-нибудь, когда на их самолетах появятся радио, это качество станет главным для авиационного командира. А пока он мог лишь носиться туда-сюда, пытаясь успеть везде, где его товарищам становилось туго... Он уже разделался с одним самураем, лежащим теперь в степи и тяжело чадающим густым черным дымом. Еще двум-трем неплохо всыпал, но добивать их было некогда... В следующий раз! Главное – не дать им пожечь ребят. Эх, еще бы оттянуться назад, на свою территорию! Но не получалось пока...

На горизонте по-прежнему маячил Ганьчжур. Крыши домов, телеграфные столбы, грузовые машины.

И тут Сергей обнаружил, что потерял из виду комполка. А ведь вот только что он тут кружил, заходя в хвост серебристой машине. А теперь его нигде нет!

Сергей осмотрелся. Неужели?... Точно! Он!.. Садится, подбитый, у дороги.

Сергей дал ручку и пошел на снижение, не отрывая взгляда от машины Забалуева. И увидел, как тот выскочил из самолета и побежал. Бежит и на ходу все с себя скидывает. Парашют, ремень, все тяжелое. Бежит с пистолетом в руке.

«Ну, куда же, ты бежишь? – подумал Сергей с отчаянием. – Ну, пробежишь сто, двести метров, а дальше?... Ведь до границы шестьдесят километров! А там еще перейти через фронт надо!»

В этот момент он увидел, как Забалуев остановился и замахал ему рукой в сторону границы, показывая направление. Видно, решил, что какой-то из его пилотов заблудился.

Сергей вдруг вспомнил, как вчера они сидели в командирской юрте, а по ней лупил дождь, как по барабану. Они пили крепкий чай и вдруг разоткровенничались оба. Семьи вспомнили... У Забалуева сын маленький, а у него – дочка. Жен редко видят с этими войнами дурацкими. Как они еще терпят мужей таких! Любят, что ли?... Так хорошо поговорили! Под водку так не поговоришь...

И вдруг к нему пришло решение!

«Погибну, а выручу!» – подумал Сергей и развернулся.

Сбросив скорость на горке, он выпустил закрылки и в темпе раскрутил рукоятку выпуска шасси. Расчет на посадку он сделал так, чтобы сесть как можно ближе к Забалуеву –

каждая секунда дорога. Перед посадкой осмотрелся, на всякий случай.

Над ними, прикрывая, кружил свой краснозвездный И-16.

Садился Грицевец спокойно, как на родной аэродром. Притер машину ровнехонько, на три точки. Посадок, слава богу, за свою инструкторскую карьеру он совершил столько, что и не сосчитать. Но дело было не в этом... Садился он все-таки не на укатанную и ровную как стол взлетно-посадочную полосу аэродрома, а в чистом поле. Не дай бог, кочка побольше или ямка поглубже под колесо попадет. И привет семье! Отстреливаться, а потом стреляться, придется обоим. Потому что сдаваться им, понятное дело, нельзя!

Машина катилась, подпрыгивая на кочках и замедляясь. И пока вроде все было в порядке. Он взял Забалуева в створ – так, чтобы подрулить к нему напрямую, не теряя времени на повороты. А тот, прикинув, где остановится этот сумасшедший пилот, помчался на перерез.

Истребитель Грицевца, наконец, замер. Не выключая двигатель, потому что без автостартера его потом не завести, Сергей вылез на правый борт. И, озираясь, не видать ли самураев, вытащил пистолет. А потом замахал Забалуеву: «Давай, быстрее!».

Тот подбежал, вконец запыхавшийся, и молча, без слов, полез в кабину.

«Куда бы тебя, дорогой, поместить?» – лихорадочно думал Сергей.

Самолет ведь одноместный! Ему самому-то, долговязому, тут тесно! Хорошо хоть Забалуев таким маленьким да щупленьким уродился – в пол-Грицевца всего. Ага... Вот сюда можно!

Аккумуляторов Сергей с собой давно уже не возил. С самой Испании. Техники облегчили ему и эту машину по его просьбе. И кое-как, но втиснул-таки он майора между левым бортом и бронеспинкой.

И тут внезапно зачихал мотор... Забалуев в этой жуткой тесноте зацепился за рукоятку газа и сдвинул ее на себя... И винт заколебался, вот-вот остановится! А повернуться ни один не может!

Жить захочешь – повернешься! Отчаянным рывком Сергей сумел вовремя подпихнуть вперед эту рукоятку на полный газ, и самолет рвануло вперед.

Побежать-то, самолет побежал, а вот разбежаться никак не может. Не отрывается! Груз-то двойной. Бежит, подпрыгивает, бьется колесами об вражью землю и не взлетает!

«Только бы ни одна кочка под колесо не попала...» – молился Сергей.

И Бог услышал его молитвы. Нехотя, медленно, но оторвался, родной!

Грицевец убрал шасси и с беспокойством посмотрел на бензиномер. Путь не близкий. Хватит ли горючки? Высоту он набирать не стал, пошел на бреющем, от греха подальше. Чтобы не заметили... Так и крался над пожухлой маньчжурской травой все шестьдесят километров. Двадцать минут полета. Полет нормальный!

За Халхин-Голом Сергей взял ручку на себя и, наконец, набрал высоту. Дальше – все просто. Сел в Тамцаг-Булаке. Остановился прямо у палатки КП, выключил двигатель и выпрыгнул из машины, закричав во весь голос от избытка чувств:

– Ну, вытаскивайте дорогой багаж!

Пока Грицевец добирался домой со своим спасенным командиром, двадцать второй полк, успевший очень вовремя, прикрыл огнем и маневром отход товарищей.

В ходе тяжелейшего полуторачасового боя было сбито десять японских самолетов. Наши потери составили три И-16 и один И-15 бис. Лейтенанты Красночуб и Шматко были сбиты над вражеской территорией и погибли. Летчик Гайдобрус столкнулся с японским истребителем. Но ему удалось на поврежденной машине перетянуть через линию фронта. Самолет во время посадки он разбил, но сам отделался лишь ушибами.

Вообще в этот день пилотам семидесятого полка жутко везло. Летчик Александров, выйдя из боя, заблудился и, когда кончилось горючее, совершил вынужденную посадку в голой степи. Он полагал, что сел на монгольской территории и решил остаться у самолета, дожидаясь подмоги. Но на самом деле приземлился в Манчжурии. К счастью, следующим утром на него случайно наткнулась группа монгольских кавалеристов, проводивших

разведку во вражеском тылу. Они не только доставили его к своим. Подогнав конную повозку, они вывезли и самолет!

Но больше всех повезло, конечно, майорам Грицевцу и Забалуеву!

Когда Владимир Пономарев услышал о подвиге Сергея Грицевца, он сначала не поверил! На одноместном истребителе улететь вдвоем! Грицевца он прекрасно помнил еще по Одесской авиашколе. Видел там его чуть не каждый день. Высоченный, широкоплечий! Он сам с трудом помещался в тесной кабине «ишачка»! Но факты – вещь упрямая... Вывез?... Вывез! Охренеть!

Ладно, с этим ясно!.. Но ведь садиться на вражеской территории запрещено! Достаточно любой, самой ничтожной случайности – камера лопнет или мотор заглохнет – и все! Там и останешься!.. Только стреляться! А если не успел, то кто докажет, что ты не сдался в плен добровольно?... А семья?... Это же статья! Чесеир!.. Жене – срок! Детей – в детдом! И клеймо на всю жизнь! Член семьи изменника Родины!.. Как он решился?

Одно слово – Герой!

– Нет, Вячеслав Михайлович! Вы останетесь в Тамцаг-Булаке! – дивизионный комиссар Никишев, комиссар особого корпуса, мягко, но решительно отменил все аргументы Забалуева о необходимости его скорейшего возвращения в полк. – И вы, Сергей Иванович, тоже! Сейчас придут корреспонденты центральных газет. Это вопрос первостепенной важности! О вашем героическом поступке должны узнать все бойцы корпуса, вся страна!.. И ничего с вашим полком за ночь не случится!

С начальством сильно не поспоришь... С другой стороны, действительно что может случиться за ночь?

А за ночь случилось вот что.

Осознав, что в воздушных боях справиться с русскими не удастся, слишком уж много слетелось их сюда в Монголию, генерал Гига измыслил другую военную хитрость. Собственно, и не хитрость даже. Тактический ход. Это решение просто само напрашивалось... Нанести бомбовый удар по советским аэродромам на рассвете и пережечь всю эту армию на земле!

Взлетев еще затемно, сто четыре японских самолета построились и взяли курс на запад. Ударную силу составляли девять одномоторных бомбардировщиков Ки-30, девять двухмоторных тяжелых бомбардировщиков Ки-21 и двенадцать двухмоторных бомбардировщиков «фиат». Их сопровождали семьдесят четыре истребителя.

Во главе колонны на одном из бомбардировщиков летел сам командир второго хикосидана генерал-лейтенант Гига. Перелетев границу, японцы разделились. Часть из них двинулась к Тамцаг-Булаку, где базировались самолеты двадцать второго ИАПа, а другая отправилась к аэродрому семидесятого полка Баян-Бурду-Нур.

Посты ВНОС вовремя заметили японские самолеты, накатывающиеся волна за волной, но предусмотрительно перерезанные самурайскими разведгруппами линии связи не позволили им предупредить мирно спящих на своем аэродроме пилотов...

В семидесятом полку проснулись от гула самолетных моторов и свиста падающих бомб. Два «ишачка» сразу накрыло. Прямо на стоянке. Остальные суматошно пытались завестись и взлететь, но сверху на них обрушились японские истребители. Кого-то расстреляли еще на разбеге, других сожгли во время набора высоты. Было сбито четырнадцать самолетов. Девять И-16 и пять И-15 бис. Погиб военком полка Мишин, летчики Черныш, Юненко, Мальцев, Герасименко, Карпов и Заикин. Еще пятеро получили ранения. Разделавшись с полком, самураи ушли без потерь.

Вчера летчикам семидесятого полка неправдоподобно везло, а сегодня... Увы, на одном везении на войне долго не продержишься. Как говорил генералиссимус Суворов, надобно и умение. А вот его-то ни пилотам, ни их командирам не хватило.

В Тамцаг-Булаке самураев тоже не ждали. Вернее, ждали, но не столько.

Еще с вечера Смушкевич поставил майору Кравченко боевую задачу – уничтожить повадившегося прилетать на рассвете японского разведчика. Тут Гига сам себя перехитрил.

Потому что к моменту появления его колонны полк уже проснулся.

Поднятое без десяти пять дежурное звено под командованием старшего лейтенанта Леонида Орлова перехватило обнаглевшего разведчика. Одновременно с постов воздушного наблюдения сообщили о приближении с востока большой группы японских самолетов. На аэродроме была объявлена тревога. Десять минут спустя ударная группа самураев, шедшая на высоте примерно четырех тысяч метров, показалась над аэродромом. Несколько «ишаков» еще выруливали на взлет, но большая часть уже набирала высоту.

Посыпались бомбы... Всего, как потом посчитали, на Тамцаг-Булак упало около сотни стокилограммовых бомб. Но за исключением нескольких воронок на летном поле они не причинили никакого вреда. Бомбили самураи с горизонтального полета по ведущему. И большинство бомб продырявило степь, до смерти перепугав сусликов и полевых мышей. К реву моторов они уже привыкли, а вот к бомбам еще не успели... Одним словом, обошлось без повреждений, поскольку повреждать было нечего. Самолеты были в воздухе, а наземные постройки, если не считать таковыми юрты, отсутствовали.

Тем временем успевшие взлететь краснозвездные машины вступили в бой с японскими истребителями. Всего в воздух поднялось тридцать четыре И-16 и тринадцать И-15 бис. Схватка продолжалась недолго. Отбомбившись, бомбардировщики, ушли, и эскорт улетел вслед за ними.

В ходе боя удалось сбить пять самураев, в том числе два бомбардировщика. Собственные потери составили три И-15 бис. Погибли Гринденко и Паксютов. Гасенко выпрыгнул с парашютом из горящего самолета. Еще два летчика получили ранения.

В час дня японцы произвели налет на Баян-Тумен, где базировались советские бомбардировщики и группа истребителей прикрытия. В налете участвовало пять бомбардировщиков, которых прикрывал двадцать один истребитель. Опять бомбили степь... Потерь вообще бы не было, если бы не взлетел один из «бисов». Он героически кинулся в одиночку против двадцатикратно превосходящего врага и, само собой, сразу же был сбит. Летчик спасся на парашюте. И, слава богу! Может, еще поумнеет...

Вечером поступили доклады. И тут не мог ничем помочь даже талант Смушкевича составлять реляции. Сбито пять японских самолетов. Наши потери – девять пилотов и двадцать самолетов, в том числе девять И-15 бис и одиннадцать И-16. Погиб военком 70-го ИАП Мишин. Пропал без вести командир 22-го ИАП Кравченко.

В осиротевшем второй раз за неделю полку на патефоне без конца гоняли одну и ту же пластинку. Звучало печальное танго «Немое свидание». Другой пластинки не было...

Той ночью Кравченко спал едва ли несколько часов. Они допоздна просидели с Орловым, уточняя план перехвата разведчика. А в четыре все уже были на ногах.

– Сегодня обязательно прилетит, – запрокинул голову в черный, усыпанный яркими звездами небосвод Григорий. – Часам к пяти появится. Пора проверить самолеты...

Они отправились к машинам. В призрачном лунном свете под ногами серебрилась сухая трава. Техники опробовали моторы. Орлов со звеном остался на стоянке, а Кравченко вернулся в свою юрту. В напряженном ожидании шли минуты. Медленно светлел горизонт. И тут неожиданно громко зазвенел полевой телефон.

– Самолет-разведчик на большой высоте пересек границу. Пошел в направлении на Тамцаг-Булак, – доложил дежурный.

Звено Орлова уже успело набрать высоту, когда появился разведчик. Леонид заметил врага и повернул в его сторону. Кравченко наблюдал за происходящим с земли. В этот момент ему сообщили о приближении большой группы самураев.

– Всем в воздух! – приказал он и бросился к своему истребителю.

Первым взлетел капитан Степанов. Мотор его самолета, на всякий случай подготовленного к ночному перехвату, еще не остыл и сразу запустился.

С востока надвигался плотный строй бомбардировщиков под прикрытием множества истребителей. Евгений оглянулся. Советские самолеты разбегались и один за другим взлетали прямо со стоянок. Теперь все решали секунды. Главное – успеть взлететь и набрать

высоту. В это время на него спикировало сразу несколько самураев. Он ловко увернулся и, выполнив боевой разворот, устремился в атаку.

Григорий видел, как с высоты, с переворота, повалился вниз японский истребитель и приготовился к бою, но противник зашел на И-15 бис капитана Степанова и открыл огонь. Кравченко воспользовался этим, чуть-чуть повернул машину и ударил по вражине из всех пулеметов. Самурай загорелся, но стрелять не перестал. Григорий чертыхнулся, подошел к нему вплотную и добавил. Этого хватило. Японец качнулся из стороны в сторону, крутанулся несколько раз вокруг своей оси и, наконец, рухнул.

Увернувшись от истребителей прикрытия, младший лейтенант Пономарев сумел пробиться к бомбардировщикам, из раскрытых люков которых уже сыпались бомбы, и воткнул одному из них в бензобак длинную очередь. Показалось пламя. Самолет качнулся и, накренившись, пошел вниз, оставляя за собой густой черный хвост. Владимир перевернул машину и нырнул в другую сторону, уходя от потянувшихся в его сторону пулеметных трасс бортстрелков.

Отбомбившись, самурай, наконец, отравились восвояси. Можно было садиться.

И тут Кравченко увидел высоко в небе одинокий самолет: «Эге, Григорий Пантелеевич!.. Еще один разведчик!.. Фотоконтроль делает сволочь!»

Сообразив, что его заметили, самурай повернул на восток и, набирая скорость, стал уходить со снижением. Кравченко пошел за ним.

Погоня длилась довольно долго. Они уже мчались на бредущем над песчаными барханами. Как потом оказалось, японец утащил его за собой в самую глухомань, в пустыню Гоби. И только там Григорию удалось выйти на дистанцию огня. Он нажал гашетки. После чего, как и положено, последовал клевок носом в ближайший бархан. Отлетался, гад!..

Кравченко развернулся и пошел домой. Он привычно бросил взгляд на бензиномер и присвистнул. Бензина – ноль. Мотор зачихал, и винт остановился. Пришлось садиться прямо перед собой, не выпуская шасси...

Стояла неправдоподобная тишина. Он вдруг услышал, как тикают бортовые часы.

«Куда же это вас занесло, Григорий Пантелеевич?» – почесал Кравченко затылок, осматриваясь и вспоминая детали полета. К счастью, он все-таки успел перелететь Халхин-Гол и находился уже на своей территории. Хотя тогда этого знать и не мог.

Ну что ж, расслаживаться нечего, пора в путь-дорогу! Вот только ни воды, ни еды...

«Дали вы маху, товарищ комполка!» – Григорий пообещал себе, что когда вернется, заставит зам по тылу лично укомплектовать каждый истребитель аварийным запасом воды и бортпайком. И ежедневно проверять его наличие!

Он плюнул на нежелающий вывинчиваться компас и, сориентировавшись, зашагал на юго-восток. К полудню, как обычно, жара стала нестерпимой. Мучила жажда. И тут он увидел озерцо. Снял сапоги, зашел в воду, зачерпнул, хлебнул. И еле отплевался. Вода оказалась горько-соленой. Вдобавок ко всему, сапоги не захотели налезать на распухшие ноги. Пришлось обмотать портянками ступни и идти по сухой, колючей траве босиком.

Так он и шел два дня подряд. Сосал травинки, чтобы отбить жажду. Болели и кровоточили потрескавшиеся, сбитые ноги.

Наступила вторая ночь... Не спалось. Ночи-то в Монголии холодные. Да и какой сон на пустое брюхо!

Утром ноги идти отказались вовсе. Но он заставил их подчиниться и побрел дальше.

«В полк! В полк! В полк!» – твердил он сам себе. Вспоминал рассказы Александра Пьянкова, месяц назад угодившего в такую же ситуацию. Три дня он тогда выбирался из пустыни, раненый, и тоже без воды и без еды. И выбрался!.. И он выберется!

Третий день клонился к вечеру, когда Григорий увидел мчащуюся по степи полуторку. Он вытащил пистолет и несколько раз выстрелил в воздух. Грузовик остановился. Красноармеец увидел его и выскочил из кабины с винтовкой... Обросший, изможденный, с искусанным москитами лицом, Григорий еле держался на обмотанных портянками ногах. Губы у него обметало, распухший язык еле шевелился во рту:

– Пить!..

Шофер, разглядев ордена, дал ему фляжку с водой...

Кравченко искали и на машинах, и на самолетах. Искали его и монгольские конники. Маршал Чойбалсан звонил через каждые три часа в штаб авиации. Разнюхав об этом, хитрые самураи орал в громкоговоритель из своих окопов, что майор Кравченко перелетел к ним...

Через полтора часа Кравченко привезли в штаб корпуса. А вскоре он уже стоял, пошатываясь, перед юртой Смушкевича...

«Ну, вот и все. Можно отключиться...»

Что он и сделал.

Глава 11. «Гремела атака, и пули звенели...»

Халхин-Гол, июль 1939 г.

Пятьдесят шестой истребительный авиаполк на Халхин-Гол привел врио комполка капитан Данилов... Полк был большой. Семь эскадрилий. Сто один истребитель! В том числе шестьдесят четыре И-16 и двадцать четыре новейших истребителя И-153 «Чайка». А в одной из эскадрилий И-шестнадцатых на машинах помимо пулеметов впервые были установлены по две двадцатимиллиметровых авиационных пушки ШВАК.

Пушечные «ишачки» Смушкевич сразу передал в двадцать второй полк. Оно и понятно. В пятьдесят шестом пилоты были пока еще необстрелянные... Командиром «пушечной» эскадрильи был назначен капитан Евгений Степанов.

В тот же день состоялось еще несколько назначений.

По рекомендации Жукова, комкор Смушкевич назначил майора Куцепалова командиром прибывшего полка. Капитан Иванищев стал заместителем начальника штаба, а старший лейтенант Ледневич – заместителем комэска капитана Кустова.

Полоса невезения у Степана Данилова что-то подзатянулась...

В Испании он провоевал полгода. Был награжден орденом Красного Знамени. Представлялся и ко второму ордену. Но представление где-то затерялось. А, может, легло под сукно по каким-нибудь совершенно прозаическим, Степану неизвестным, но от этого не менее фатальным причинам. Представление затерялось не на него одного. Вся группа осталась без заслуженных наград. Впрочем, через год справедливость была восстановлена и все они получили недавно учрежденные медали «За отвагу». Но медаль, она и есть медаль. Не орден, одним словом.

После возвращения из Испании старший лейтенант Данилов был направлен в Липецкую высшую летно-тактическую школу. А после ее окончания командовал эскадрилей. И это, когда его однокашники, все как один, получали майоров, а то и сразу полковников, и становились командирами полков и бригад!

Когда ему приказали возглавить пятьдесят шестой полк и прибыть вместе с ним в МНР, Степан подумал, что наконец-то все встало на свои места. Увы... Полком он командовал недолго. Привел его в Тамцаг-Булак, а на следующий день сдал майору Куцепалову. Такие дела...

Майор Куцепалов весь июнь не просто находился при Жукове в качестве советника по авиационным вопросам, что, само собой, было его основной обязанностью... За это время он совершил два десятка боевых вылетов и участвовал в нескольких воздушных боях. А двадцать второго даже сбил японский истребитель! Летал он на ястребке, который ему предоставлял майор Кравченко. Иванищев с Ледневичем ходили у Куцепалова ведомыми.

С самим собой он разобрался. Убедился, что пули не боится. И успокоился. И даже как-то вырос... Или выпрямился. Так или иначе, к нему вернулась уверенность в себе, а это для командира самое главное!

Получив полк, Куцепалов вообще воспрянул. Это не было понижением после бригады. Потому что полк был большой. А на бригаде он был врио. И вообще если честно, лучше командовать полком, чем гонять балду при штабе...

И тут грянуло Баян-Цаганское побоище!

Вечером второго июля ударная группа двадцать третьей пехотной дивизии Квантунской армии под командованием генерал-майора Койчи Кобаяси навела понтонный мост, переправилась на западный берег Халхин-Гола и начала окапываться. К утру японцам удалось подготовить развитую систему противотанковой обороны.

Жуков очень оперативно отреагировал на самурайский рывок. В военном деле – это важнее всего. Он отреагировал по-жуковски, быстро и решительно!

И не важно, что небо Баян-Цагана почернело от дыма сгоревших БТ.

Только за один день третьего июля было потеряно семьдесят семь танков и тридцать семь броневых автомобилей, не считая восьми штук монгольских.

Светлая память героям, павшим в боях за свободу и независимость МНР!..

Может быть, если бы батальоны одиннадцатой танковой бригады пятьдесят седьмого особого корпуса вводились в бой не разрозненно, с ходу, а одним кулаком, и не сами по себе, а при поддержке пехоты, потери были бы меньше. Может быть... Но история не терпит сослагательного наклонения. Так это было! А японцев отогнали обратно за реку. И это главное!

Авиация не осталась в стороне от происходящих событий. Косяки скоростных бомбардировщиков сто пятидесятого и тридцать восьмого бомбардировочных авиаполков под прикрытием истребителей потянулись в сторону Баян-Цагана, огнедышащего, словно внезапно проснувшийся вулкан. За два дня они вывалили на гору шесть тысяч авиабомб, перемешав японские позиции с землей. В ходе воздушных боев самураи потеряли одиннадцать истребителей. Но и советские пилоты заплатили кровавую дань прожорливому Аресу. Было сбито десять СБ и один И-16.

Жуков к боевым потерям относился спокойно. Если задача выполнена, то потери оправданы. А если не выполнена, то собственная голова с плеч! И тогда не все ли равно, сколько полегло бойцов в кровавом бою! Рискуя своей жизнью, он получал право и чужие не жалеть. Задача перед ним была поставлена ясная. И он выполнит ее любой ценой. Впрочем, ненужных, в его понимании, потерь Жуков, как рачительный хозяин, избегал. Война – предприятие очень дорогостоящее! И не стоит пускать по ветру драгоценные ресурсы без всякого толку! Они могут еще пригодиться...

В этот длинный, полный событий день Владимир сбил своего пятого самурая. И по всем понятиям стал настоящим асом!

С самого рассвета со стороны Халхин-Гола раздавался непрерывный гул. Громыхало и бубухало, как в грозу. С четырех часов утра эскадрильи СБ одна за другой потянулись к горе Баян-Цаган и к переправам через реку.

Майор Кравченко крутанул рукоятку полевого телефона и связался с полковником Гусевым:

– Разрешите сходить в гости, товарищ полковник! Тут совсем недалеко, сто шагов... И знакомые давно ждут!

– Разрешаю! Желаю удачи!

В шесть утра все пять эскадрилий двадцать второго авиаполка одна за другой поднялись в воздух и в полном составе двинулись в Маньчжурию. Они шли двумя эшелонами. Один – ведущий, другой – прикрывающий. Семьдесят восемь самолетов!

За звеном управления, с командиром во главе, двумя девятками в клиньях звеньев летела «пушечная» эскадрилья капитана Степанова.

Владимир, как всегда, шел правым ведомым у комзвена Пьянкова. Больше он его в бою не терял. То ли Александр стал поспокойнее, то ли Владимир набрался опыта. Но от командирского хвоста он уже не отрывался.

План был таков – четыре эскадрильи производят штурмовку самурайского аэродрома, а одна остается наверху на тот случай, если противник вызовет помощь.

Увидев стоянки со стоящими в один ряд, как на смотре, серебристыми самолетами с красными кругами на крыльях, Кравченко покачал крыльями. «Делай, как я!» И перешел в

атаку. Вслед за ним опустили носы и вошли в пике остальные. Рев моторов, грохот пушек и пулеметов разорвал утреннюю зыбкую тишину.

Один вражеский истребитель попытался взлететь, но угодил под прицельную очередь младшего лейтенанта Пономарева. Пушечные снаряды практически отпилили ему крыло. Самурая крутануло, и он врезался в землю. И тут же рванули баки.

Когда Владимир, сделав боевой разворот, пошел на второй заход, его крестник огромным сигнальным костром, указывал направление атаки.

Сделав три захода и отведя душу, как следует, полк ушел домой...

Пока шла заправка машин горючим и боезапасом, поступил приказ вылететь в район горы Баян-Цаган. Сначала вылетело три эскадрильи. А затем было приказано поднять и остальные. Владимир был во второй группе и в воздушном бою не участвовал, потому что Кравченко, увидев, что над Баян-Цаганом справляются и без них, решил проштурмовать еще один самурайский аэродром, что и проделал с большим блеском.

Во время обеда снова взлетела красная ракета, и летчики прямо из-за стола разбежались по машинам. К аэродрому стремительно приближались вражеские самолеты. Коварные самураи нанесли ответный визит прямо в обед, надеясь, советские пилоты, набив желудки красной икрой, разлягутся в тенишке и заснут. Но этот расчет не оправдался.

Младший лейтенант Пономарев шел в лобовую атаку. Длится такая атака секунды, но отнимает годы жизни. Или саму жизнь...

Самурай открыл огонь первым. Пулеметная трасса выгнулась вниз, чуть-чуть не дотянувшись до Пономаревского «ишачка». Он пригнулся к прицелу, укрывшись за широким лбом своего ястребка, и нажал на гашетку. Один из его снарядов врезался прямо в двигатель самурая, выбив пламя из-под капота. Винт у него сразу остановился.

Владимир отвернул от клюнувшего носом японского истребителя и сделал боевой разворот. Он быстро догнал планирующего врага и ударил по нему из всех стволов. От самурая полетела труха и куски обшивки. Эти пушки были просто чудо как хороши! Снарядов бы побольше! Впрочем, и одной очереди хватило... Серебристая машина качнулась и посыпалась вниз, беспорядочно крутясь и переворачиваясь.

Это был его пятый сбитый лично! И второй за сегодняшний день.

А всего в этот день младший лейтенант Пономарев сделал семь боевых вылетов. Когда он приземлился в очередной раз, в голове гудело, во рту пересохло, руки повисли. Подняться и вылезти из кабины, попросту не было сил. Владимир героическим усилием воли все-таки заставил себя это сделать и тут же свалился на траву, откинув в стороны ноющие руки...

Майор Кравченко тоже устал. Но все-таки обошел стоянки. И не зря! На одной из них он увидел изрешеченный «ишачок». Обошел его со всех сторон, прищурился как бы прицеливаясь, а потом приказал собрать возле поврежденной машины летчиков.

– Прошу всех поближе, – сказал он, когда все собрались. Посмотрел на них строго, а потом улыбнулся. – Ну, во первых строках, я должен вам передать благодарность от командования и наземных войск за отличное прикрытие поля боя! Наступление самураев остановлено. В том числе и благодаря вашим штурмовым ударам по переправам! В воздухе и на земле уничтожено более тридцати самолетов противника! Наши потери – всего один истребитель.

Летчики заулыбались, довольные. Но у Кравченко было что сказать не только во-первых, но и во-вторых:

– А теперь обратите внимание сюда, – улыбка соскользнула с лица комполка. Он показал на дырявый «ишачок». – Этот самолет тоже мог бы сейчас догорать в степи... Шестьдесят две пробоины! А некоторые этим еще и гордятся! – он строго взглянул на летчика Проценко, хозяина злополучного истребителя. – Считают эти дырки доказательством храбрости. А вы взгляните на входные и выходные отверстия... О чем они говорят? Самурай дал две длинные очереди сзади. Стало быть, этот горе-пилот зевнул! Проглядел противника! А по глупости погибнуть – честь невелика.

Летчики потупились... Прав Кравченко. Чем тут хвалиться?

– Анализ потерь говорит, что в большинстве случаев истребителей бьют на зевках. Благодарите Поликарпова, что он сделал такой самолет, который и пули не берут! – Майор обошел самолет. – Смотрите, плоскости и фюзеляж как решето, а стоит заклеить дырки, и машина снова готова в бой! Если бы так досталось самураю, от него бы и мокрого места не осталось, хоть он и металлический, а наш «ишачок» деревянный. При таком мощном вооружении, которое имеют «пушечные» И-шестнадцатые, вам придется частенько летать на штурмовки, действовать возле земли... Все вы знаете, что у японских истребителей при лучшей маневренности скорость у земли немного меньше. Но не настолько, чтобы уйти от огня зашедшего в хвост самурая, если лететь по прямой! Поэтому за несколько секунд он успеет всадить в вас весь свой боекомплект. Вывод. Надо и на малой высоте, хотя это и нелегко, сочетать скорость и маневр!

Потом Кравченко подробно рассказал о способах атаки наземных целей, о тактических приемах, повышающих эффективность огня. Ответил на множество вопросов. Говорил он неторопливо, словно размышляя вслух. Приводил яркие, запоминающиеся примеры, активно жестикулируя и показывая ладонями положение самолетов в различных ситуациях.

Владимир слушал комполка и вдруг поймал себя на мысли, насколько все-таки велика дистанция между тем опытом, которым владеет Кравченко, и тем, что успел усвоить он сам. А ведь тот был старше его всего-то на пять с чем-то лет! Но каких...

Ночью четвертого июля комкор Смушкевич отправил телеграмму наркому обороны Маршалу Советского Союза Ворошилову: «Истребительный полк, командир которого Герой Советского Союза Кравченко, провел третьего июля два налета на передовые аэродромы противника и два воздушных боя: один над фронтом, второй при налете у себя над аэродромом. Уничтожено тридцать два неприятельских истребителя. Потерян один наш летчик, о чем считаю нужным Вам доложить».

Контрудар советско-монгольских частей увенчался успехом. На третьи сутки сражения противник отступил, оставив на поле боя под Баян-Цаганом почти тысячу убитых солдат и офицеров.

Вскоре пятьдесят седьмой особый корпус был переименован в первую армейскую группу войск, которая спешно пополнялась личным составом и боевой техникой. Из Советского Союза в Монголию были переброшены и вошли в состав первой армейской группы пятьдесят седьмая стрелковая дивизия (три стрелковых полка, артполк и танковый батальон), шестая танковая бригада (двести тридцать три танка БТ-7, двенадцать БТ-7А, девять Т-26 и двадцать пять бронеавтомобилей), двести двенадцатая авиадесантная бригада, пятьдесят шестой скоростной бомбардировочный авиаполк и другие части...

Но поток воинских эшелонов, прибывающих в Читу из центра страны, не иссякал. Учитывая напряженную международную обстановку, в целях предотвращения эскалации вооруженного конфликта, на базе Забайкальского военного округа был сформирован Забайкальский фронт. Командующим был назначен комкор Всеволод Федорович Яковлев, сослуживец Жукова еще по Белорусскому военному округу.

Яковлев был ровесником Жукова. Тоже прошел Германскую. Имел Георгия. Как и Жуков, служил унтером. Правда, в отличие от него впоследствии окончил военно-учебное заведение – Петергофскую школу прапорщиков. В Гражданскую он командовал стрелковым полком. За бои под Екатеринодаром был награжден орденом Красного Знамени. В конце двадцатых годов так же, как и Жуков, окончил курсы «Выстрел». А потом, опять же в отличие от него, окончил Военную академию имени Фрунзе. И дослужился до командующего войсками Забайкальского военного округа. Очень неплохая карьера в мирное время.

Комкор Жуков, а ему наконец-то кинули третий ромб на петлицы (доперли все-таки в Москве, что не с руки комдиву комкорами командовать!) отчетливо понимал, что претендовать на фронт ему сейчас рановато, сначала надо с генерал-лейтенантом Комацубарой разобраться... А потом посмотрим! Тогда и до комкора Яковлева очередь дойдет! А пока пускай полезным делом занимается, организует обеспечение первой

армейской группы всем необходимым!

«Специалисты», которых ему подсуропили в Генштабе, посидели с арифмометрами и подсчитали, сколько всего нужно, чтобы гарантированно свернуть шею Комацубаре.

По грунтовым дорогам на полуторках надо было завезти на Халхин-Гол несколько десятков тысяч тонн различных грузов, в том числе двадцать пять тысяч тонн различных боеприпасов, такое же количество топлива и горюче-смазочных материалов, четыре тысячи тонн продовольствия и еще четыре тысячи тонн прочих грузов.

Для подвоза всего этого добра к началу операции требовалось более пяти тысяч автомобилей. В ход пошли даже строевые машины, включая артиллерийские тягачи, что было довольно рискованно... Но после Баян-Цагана самураи сидели смирно и не рыпались, так что можно было и рискнуть.

От ближайшей станции железной дороги имени товарища Молотова район боев отделяло шестьсот пятьдесят километров. На одну ходку туда-сюда у шоферов уходило до пяти дней... Так или иначе к концу второй декады июля основной объем перевозок был выполнен. Однако поток грузов и войск только нарастал. И Жуков начал понимать, что одной операцией тут не обойдется. Очень похоже, что готовится еще кое-что...

Жукова Москва пока в известность о своих стратегических планах не ставила.

Это ничего. В нужный момент его введут в курс дела, никуда не денутся! А пока ему и своих хлопот хватало.

Решающим фактором успеха предстоящей операции комкор считал оперативно-тактическую внезапность, которая поставит противника в такое положение, что он не сможет предпринять контрманевр. При этом особый расчет он делал на то, что японская сторона, не имея танковых соединений и мотомехвойск, не сможет быстро перебросить свои части с второстепенных участков и из глубины против ударных группировок первой армейской группы, охватывающих фланги противника с целью его окружения.

Для сохранения в строжайшей тайне всех необходимых мероприятий Военным советом армейской группы одновременно с планом предстоящей операции был разработан план оперативно-тактического обмана противника.

Ключевыми словами плана были «скрытность» и «дезинформация». Скрытность передвижения и сосредоточения войск, прибывающих для усиления первой армейской группы из СССР. Чтобы не спугнуть самураев количеством этих соединений. Скрытность разведывательных действий. Чтобы, не дай бог, не наметнуть на направление ударов. Развитие долговременных оборонительных сооружений и укреплений в целях дезинформации противника. Пусть думают, что русские собираются зимовать в своих окопах.

Все передвижения, сосредоточения и перегруппировки производились только ночью, когда действия авиаразведки противника и визуальное наблюдение были до предела ограничены. Командный состав, проводивший рекогносцировки на местности, выезжал в красноармейской форме и только на грузовых машинах.

Поскольку радиоразведка и прослушивание телефонных линий у самураев была на высоте, в целях дезинформации была разработана целая программа радио- и телефонных переговоров. Они велись только о строительстве оборонительных сооружений и подготовке к осенне-зимней кампании. Радиообман строился главным образом на коде, легко поддающемся расшифровке.

Было издано много тысяч листовок и памяток бойцу в обороне. Эти листовки и памятки были сброшены противнику, с тем, чтобы было видно, в каком направлении идет политическая подготовка советско-монгольских войск.

Командующий японскими войсками на Халхин-Голе генерал-лейтенант Мичитаро Комацубара считался экспертом по СССР, так как долгое время служил военным атташе в Москве, прекрасно говорил по-русски и долгое время возглавлял отдел военной разведки, занимающийся Советским Союзом. Чтобы провести этого старого хитрого лиса, требовалась безукоризненная достоверность дезинформационных мероприятий. И она была достигнута.

В начале двадцатых чисел большая часть работы близилась к завершению. В один из дней Жукова пригласили к телефону. На проводе была Москва.

– Товарищ Жуков? – услышал комкор глуховатый голос с сильным грузинским акцентом. Он сразу догадался, кто это, хотя лично еще ни разу с этим человеком не встречался. Но его голос был ему хорошо знаком. Как, впрочем, был он родным и хорошо знакомым для каждого советского человека.

– Слушаю, товарищ Сталин! – вытянулся Жуков по стойке «смирно».

– Как у вас продвигается подготовка к разгрому японской группировки?

– Все идет, как запланировано, товарищ Сталин. Судя по докладам разведки, противник ни о чем не подозревает. А мы завершаем сосредоточение ударных группировок у него на флангах.

– Это хорошо, что противник не подозревает. Скажите, товарищ Жуков, имеется ли у вас возможность ускорить проведение операции? Скажем, перенести ее начало на неделю-другую?

– На неделю сможем, товарищ Сталин! А вот на другую, надо обдумать.

– Обдумайте, товарищ Жуков. Посоветуйтесь со своим штабом. Я вас не буду торопить с ответом... До утра вам хватит времени, чтобы подготовить свои соображения по поводу переноса сроков наступательной операции?

– Так точно, товарищ Сталин, хватит!

– До свидания, товарищ Жуков.

Комкор аккуратно положил трубку, расстегнул ворот на гимнастерке и вытер пот со лба. Жаркий июль выдался в Монголии.

Выход фланговых ударных группировок в исходные районы для наступления был предусмотрен в ночь на десятое августа. Ускорить на две недели?...

– Михаил Алексеевич, – повернулся он к начальнику штаба комбригу Богданову. – Поступила вводная. Сроки начала операции передвигаются на две недели. Давай-ка прикинем наши возможности...

Они просидели над картой до рассвета... В принципе они могли сократить сроки подготовки наступательной операции за счет ряда второстепенных мероприятий и ускорения сосредоточения войск. Существовал риск, что в этом случае, столь тщательно осуществляемый план дезинформации полностью реализовать не удастся. С другой стороны, как только начнется артподготовка и бомбардировка самурайских позиций, этот план потеряет всякую актуальность. Кроме того, сокращение сроков поддержания режима скрытности на целых две недели также имеет свои преимущества. Сохранение в тайне таких крупных перегруппировок вообще весьма проблематично. И то, что это им до сих пор удастся, еще не значит, что завтра какой-нибудь неисполнительный или, что вероятнее, сверхисполнительный идиот не провалит все дело. Решено!

Когда снова позвонил Генеральный секретарь ЦК, Жуков доложил:

– Товарищ Сталин, штаб армейской группы проанализировал ситуацию и предлагает перенести сроки начала операции на десять суток. То есть на воскресенье тридцатое июля. К этому времени подготовка к операции будет закончена!

– Это очень хорошо! Международная обстановка подталкивает нас к скорейшему завершению вооруженного конфликта в Монголии. Желаю вам удачи, товарищ Жуков!

Сегодня был один из самых счастливых дней в жизни лейтенанта Пономарева. Даже более счастливый, чем тот, когда ему сообщили о награждении его орденом Красного Знамени за майские бои и присвоении лейтенантского звания. Это было неделю назад, а сегодня с оказией ему передали письмо от нее!

«Здравствуй, Володя!

Решила написать тебе, потому что не знаю, когда мы теперь сможем еще увидеться. Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону... Приказа еще нет. Но он обязательно будет.

Как твоя рана? Пишу на адрес госпиталя, хотя думаю, что тебя уже

выписали. Но вот спохватилась, а твоей полевой почты опять у меня нет. Потом уточню, а пока придется попросить, чтобы из госпиталя это письмо тебе передали.

А я все время перечитываю твое письмо. Оно истрепалось уже совсем. Но я твои стихи переписала в тетрадку. Какие они замечательные! Если еще напишешь, ты их сохрани, пожалуйста! Для меня. Я их потом прочитаю.

Ведь мы обязательно снова с тобой встретимся, правда! Я очень тебя люблю! Хороший мой! И очень за тебя боюсь!

Целую очень-очень крепко!

Наташа».

Владимиру хотелось петь... Или нет!.. Танцевать! Пуститься впрысдку прямо по взлетной полосе!.. С наиглупейшей улыбкой из всех, какие только можно себе представить...

Батальонный комиссар Калачев посмотрел на него и сам не удержался от улыбки: «Вот и все, что нужно человеку для счастья! Весточка из дому... Письмо от любимой».

На днях Калачев, как и многие другие, тоже получил очередное воинское звание и был награжден орденом Красного Знамени. Очень своевременное, полезное дело! Солдат на войне каждый день под пулями ходит. Сколько их товарищей никогда уже никаких повышений не дождутся. А их ордена будут храниться в шкатулке вместе с тонкой стопочкой писем с фронта и похоронкой... Сколько он их подписал за эти два месяца!

«ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш Муж капитан БАЛАШЕВ Александр Иванович

Уроженец Ярославской области

В бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество Умер от ран 13 июля 1939 г.

Похоронен г. Чойбалсан, МНР

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии.

Командир части КРАВЧЕНКО

Военный комиссар части КАЛАЧЕВ

Начальник штаба части ГОЛОВИН »

Полторы недели назад в воздушном бою капитан Балбшев сбил самурайский истребитель, но и сам получил пулю в живот. Истекая кровью, он все-таки сумел посадить самолет в степи. Но нашли его только к вечеру...

А сегодня ему чуть-чуть не пришлось составлять такое же извещение на комэска Скобарихина, который совершил лобовой таран и сбил самурая, каким-то чудом при этом уцелев. Да еще и сумел вернуться на свой аэродром! Мало того, в крыле он привез кусок шасси японского истребителя, застрявший там после удара! Если бы ему об этом рассказали, не поверил бы. Но крыло это видел собственными глазами, и даже сделал фото на память – старший лейтенант Скобарихин улыбается, сидя в своем самолете.

Командир пятьдесят шестого истребительного авиаполка полковник Куцепалов был награжден орденом Красного Знамени вместе с остальными участниками майских и июньских боев. Тогда же и очередное звание получил.

К этому времени у него на счету было уже пять сбитых самолетов, правда, три из них были сбиты в составе эскадрильи. Впрочем, это было не важно...

На одном из совещаний комкор Смушкевич, улыбаясь, сказал:

– Японцы в своих сводках считают двадцать второй истребительный авиаполк опаснейшим и утверждают, что он весь сформирован из асов, получивших боевой опыт в Испании и в Китае.

– Они правы в одном... Действительно, двадцать второй авиаполк – это полк асов, – ответил Кравченко. – Только почти все его летчики получили боевое крещение и стали асами здесь, на Халхин-Голе...

Глава 12. «Малой кровью, могучим ударом!..»

Халхин-Гол, начало августа 1939 г.

К рассвету все, что можно было спрятать в зарослях вдоль реки, было спрятано. Артиллерия, минометы, автомобили и тягачи стояли в заранее подготовленных укрытиях и были надежно замаскированы сетками, приготовленными из подручных материалов. Бронечасты были выведены в исходные районы мелкими группами с разных направлений, непосредственно перед началом артиллерийской и авиационной подготовки.

Все ночные перегруппировки маскировались шумом, создаваемым полетами бомбардировщиков ТБ-3, стрельбой артиллерии и пулеметов, которая велась строго по графику, увязанному с передвижениями подразделений.

Для маскировки использовались и специальные звуковые установки, превосходно имитирующие забивание кольев, полет самолетов и движение танков. К этому шуму самураев начали приучать еще за неделю до начала сосредоточения ударных группировок. Первое время они принимали эту имитацию за действия войск и обстреливали районы, где слышались те или иные шумы. Затем, разобравшись, в чем дело, Комацубара приказал не обращать на них внимания и попусту боеприпасы не жечь.

Для того чтобы к противнику не просочились сведения о наступательной операции, ее разработку в штабе армейской группы вел очень ограниченный круг людей – сам Жуков, дивизионный комиссар Никишев, начальник штаба комбриг Богданов и начальник оперативного отдела майор Петренко. К печатанию приказов, боевых распоряжений и прочей оперативной документации была допущена только одна машинистка, за которой лично присматривал начальник особого отдела.

Командование частей и соединений было ознакомлено с планом операции за сутки до ее начала, а бойцы и командиры подразделений получили боевые задачи лишь за три часа до наступления. Благодаря всему этому противник оказался захвачен врасплох.

Ранним воскресным утром тридцатого июля первая армейская группа Забайкальского фронта и части Монгольской народно-революционной армии начали Халхин-Гольскую наступательную операцию по окружению и уничтожению японских войск, вторгшихся на территорию МНР.

Воскресный день для начала операции был выбран не случайно.

Японское командование, уверенное в том, что русские готовятся к обороне, а о наступлении и не помышляют, разрешило генералам и старшим офицерам воскресные отпуска. Многие из них были в этот день далеко от своих войск. Кто в Хайларе, кто в Ганьчжуре, кто в Джанджин-Сумэ. Советское командование, принимая решение о начале операции именно в воскресенье, это немаловажное обстоятельство учло.

Стояло тихое июльское утро. Легкий утренний ветерок приятно охлаждал лица командиров и политработников, собравшихся на командном пункте Жукова на горе Хамар-Даба. Яркое солнце освещало просыпающуюся степь.

В пять пятнадцать в небе над Хамар-Дабой появилась эскадрилья пушечных «ишачков» двадцать второго полка под командованием лейтенанта Трубаченко. Чуть выше шла группа бомбардировщиков СБ. Самураи начали их обстреливать и раскрыли свое расположение. Что от них и требовалось! Сверху посыпались бомбы, а затем спикировали истребители и ударили из пушек. Но это было только начало...

И-шестнадцатые, сделав несколько заходов, развернулись и ушли.

В этот момент внезапный ураганный огонь по вскрытым позициям зенитных батарей противника открыла советская артиллерия. Вскоре они были практически полностью подавлены. После чего отдельные орудия обозначили дымовыми снарядами цели, которые должна была накрыть бомбардировочная авиация. А она была уже на подходе.

Вскоре сквозь залпы орудий прорвался густой гул авиационных моторов. Стройными колоннами поэскадрильно шли сто пятьдесят три красноразвездных скоростных

бомбардировщика в сопровождении ста пятидесяти истребителей. Когда они пронеслись над окопами, и красноармейцев, и командиров охватил огромный душевный подъем.

Это было действительно потрясающее зрелище! Когда такая армада проходит над тобой с открытыми бомболюками, направляясь в сторону врага, это вдохновляет!.. Бойцы и командиры подбрасывали фуражки и панамы и кричали «Ура!».

Без пятнадцати девять интенсивность артиллерийского огня резко возросла, дойдя до пределов своих технических возможностей. Одновременно авиация нанесла удар по тылам противника. В войска по радио и линиям проводной связи установленным кодом пошла команда – через пятнадцать минут начать общую атаку.

Ровно в девять, когда наша авиация еще штурмовала противника и бомбила его артиллерию, по всему фронту в воздух взвились красные ракеты. Атакующие части, прикрываемые артиллерийским огнем, с криками «Ура!» стремительно ринулись вперед. На центральном участке громкоговорящие установки передавали «Интернационал».

Удар советской авиации и артиллерии был настолько мощным, что противник в течение первых полутора часов не мог открыть ответный артиллерийский огонь. Наблюдательные пункты, связь и огневые позиции самураев были разбиты.

Сразу же наметился успех в Южной группе. На самом правом фланге, легко отбросив части баргутской кавалерийской дивизии, вперед быстро продвинулась восьмая кавдивизия МНРА. Овладев рубежом высот Эрис-Улын-Обо и Хулат-Улын-Обо, она вышла на государственную границу и до конца военных действий оставалась на этих позициях, обеспечивая фланг и тыл Южной группы.

К вечеру тридцатого июля пятьдесят седьмая стрелковая дивизия под командованием полковника Галанина с упорными боями продвинулась своим правым флангом на десять-двенадцать километров. Полки этой дивизии, разгромив ряд опорных пунктов противника в районе Больших Песков, при поддержке артиллерии успешно продвигались к северу. Передовой батальон восьмой мотоброневой бригады полковника Мишулина к исходу первого дня наступления вышел в район северо-восточных скатов больших песчаных бугров в семи-восьми километрах от государственной границы.

Успех Южной группы мог бы быть и большим, если бы не задержка шестой танковой бригады. Она должна была переправиться на восточный берег Халхин-Гола в ночь на тридцатое июля. Однако понтонный мост не смог пропустить танки. Они оказались тяжелее, чем считали саперы.

Плюнув в сердцах и на мост, и на саперов, полковник Павелкин решил переправить свою бригаду вброд, хотя из-за прошедших дождей глубина реки достигала в этом месте полутора метров.

Все люки задраили брезентом, а щели заткнули паклей, пропитанной солидолом. На выхлопные трубы надели самодельные удлинители, на изготовление которых пошли железные печки, имевшиеся на каждом танке. И вообще все жестянки, какие только нашлись, вплоть до консервных банок!

Переправа прошла удачно, но из-за этой задержки шестая танковая бригада вступила в бой на сутки позже, чем планировалось.

В центре, используя развитую систему траншей и многочисленные огневые точки, самураи оказали упорное сопротивление, часто переходя в контратаки. Весь день восемьдесят вторая стрелковая дивизия вела бой за узлы сопротивления противника на высотах Песчаная и Зеленая, однако ее батальоны смогли продвинуться не более, чем на километр. И взять высоты им так и не удалось...

Севернее реки Хайластын-Гол пятая стрелково-пулеметная бригада и сто сорок девятый полк тридцать шестой мотострелковой дивизии активными действиями сковали противника. Одновременно двадцать четвертый мотострелковый полк при поддержке танкового батальона пятьдесят седьмой стрелковой дивизии успешно продвигался в юго-восточном направлении. К исходу дня полк вышел к высоте Песчаная, где и закрепился.

На левом фланге Северной группы шестая кавдивизия МНРА, уничтожив два

баргутских кавалерийских полка, к исходу дня вышла на государственную границу юго-западнее озера Яньху. В этом бою монголы в конной атаке разгромили баргутов, захватили много пленных, шесть пушек, семь пулеметов и около сотни винтовок.

Седьмая мотобронева́я бригада и шестьсот первый стрелковый полк, овладев передовыми позициями врага, вышли к сильно укрепленной высоте «Палец». Однако овладеть ею с ходу не удалось. Самураи отбили все атаки. В бою героически погиб командир шестьсот первого полка майор Судак.

Обеспокоенный этой задержкой Жуков в ночь на тридцать первое бросил на усиление Северной группы свой резерв – девятую мотобронева́ю бригаду (восемьдесят два бронеавтомоби́ля) и четвертый батальон шестой танковой бригады.

Это было смелое решение. Потому что теперь в распоряжении комкора около Хамар-Дабы осталась лишь двести двенадцатая отдельная воздушно-десантная бригада – чуть более восьмисот парашютистов, вооруженных стрелковым оружием и несколькими сорокапятками.

Комацубара почему-то решил, что основной удар наносится по его правому флангу. И спешно перегруппировал свои силы, исходя из этих соображений. Однако он ошибся. Главный удар Жуков наносил с юга, там, где в первый же день обозначился максимальный успех.

Тридцать первого июля советские части продолжали наступление, медленно, но верно, захлопывая японскую группировку в западнe, в которую она сама же и влезла в начале лета. Самураи сражались отчаянно, до последнего человека! Каждый окоп, каждую огневую точку приходилось брать штурмом, расстреливая прямой наводкой из полковых пушек.

Восьмая мотобронева́я бригада, развивая свой успех, обошла левый фланг Комацубары, к исходу дня вышла к реке Хайластын-Гол и отрезала все японские войска, находившиеся южнее.

Шестая танковая бригада с упорными боями продвинулась на четыре – шесть километров и вклинилась в основную оборонительную полосу противника. Действуя самостоятельно, без пехоты, танковые роты подходили к огневым точкам противника и с расстояния семисот метров открывали ураганный огонь. А затем под прикрытием товарищей часть танков стремительно приближалась этим точкам и расстреливала в упор.

В центре шли тяжелые бои без видимых успехов...

А Северная группа продолжала безуспешные фронтальные атаки высоты «Палец», которая была уже полностью окружена. И тогда Жуков отправил туда свой последний резерв – двести двенадцатую отдельную воздушно-десантную бригаду. И десант, как всегда, оказался на высоте. И в прямом, и в переносном смысле слова!

Девятая мотобронева́я бригада и четвертый батальон шестой танковой бригады, точно следуя приказу Жукова и не ввязываясь в бой, обошли «Палец» с северо-востока и двинулись вдоль государственной границы в направлении на Номон-Хан-Бурд-Обо, чтобы соединиться с Южной группой и полностью окружить всю японскую группировку. Что и было ими сделано второго августа, на четвертый день наступления.

Комацубара оказался в капкане. Осталось его добить. Но он огрызнулся с отчаянием, загнанного в угол кота. И по-прежнему был очень опасен...

Неожиданно во фланг восьмой мотобронева́ей бригаде нанесли контрудар два полка четырнадцатой пехотной бригады Квантунской армии, срочно переброшенные из Хайлара. Но у них на пути встали бойцы и командиры восьмидесятого полка и шестой танковой бригады, которые в тяжелых боях сумели отбросить самураев.

В центре советские части продолжали упорно дробить силы врага, все плотнее сжимая кольцо окружения... Драться приходилось за каждый бархан, за каждую позицию.

На южной стороне противник к этому времени был уже уничтожен. Но на северной стороне, в районе сопки Ремизовская, продолжались жестокие бои.

Потеряв всякую надежду на помощь извне, утром четвертого августа противник предпринял последнюю попытку вырваться из окружения.

На рассвете разведчики первого дивизиона восемьдесят второго гаубичного артиллерийского полка заметили колонну противника численностью до батальона, двигавшуюся по долине реки Хайластын-Гол на восток.

Артиллеристы тут же открыли убийственный огонь из своих гаубиц. А затем со штыками наперевес на противника бросились две роты сто двадцать седьмого стрелкового полка с южного берега. Японцы побежали на противоположный берег. Но здесь их встретил огонь пулеметов и бронемашин девятой мотоброневой бригады. От батальона самураев уцелело лишь несколько человек...

К двадцати трем часам четвертого августа передовой отряд двадцать четвертого мотострелкового полка во главе с политруком Бурдяком ворвался на вершину высоты Ремизовская и установил на ней красный флаг. Последний опорный пункт врага пал.

В течение всей ночи шли бои местного значения по добыванию последних разрозненных групп японцев в районе Ремизовской. А потом еще два дня наши части зачищали район между Халхин-Голом и государственной границей от остатков разгромленного противника.

Все это время в небе над Халхин-Голом происходили не менее ожесточенные бои...

Тридцать первого июля день в сто пятидесятом скоростном бомбардировочном авиаполку не задался с самого начала.

Сначала погиб экипаж комполка майора Бурмистрова. Вспоминать об этом не хотелось... Неизвестно откуда свалилась эскадрилья «ишаков» и, не раздумывая, ударила по ведущему реактивными снарядами. Никто и понять ничего не успел... Потом, ястребки хреновы, вроде разглядели звезды на крыльях... Новички, наверное. Необстрелянные... Сюда сейчас постоянно подбрасывают новые части... Ну, отдадут этого аса под трибунал, а что толку! Экипажа уже нет. И какого экипажа! Двадцать два раза майор полк в бой водил! Сколько передрыг прошли! И на тебе. От своих...

Старший лейтенант Александр Маслов шел правым ведомым военкома полка батальонного комиссара Михаила Ююкина. Левым ведомым у Ююкина был Николай Гастелло. А на самом-то деле оказывается не Гастелло, а Гастыло. Отец еще до революции поменял фамилию на более благозвучную... Колька сам, кстати, проболтался, за язык никто не тянул. И чего он переживает, пожал плечами Александр, нормальная белорусская фамилия!

Их полку была поставлена задача, нанести удар по вражеским резервам в районе Халун-Аршана. Они и нанесли... И потеряли комиссара... Шальной зенитный снаряд попал ему в бензобак. СБ сразу запылал, как костер. Прыгать надо, но внизу – самураи, а до границы двадцать километров лету. Александр видел, как Ююкин махнул ему рукой, прощаясь, развернул машину и направил ее на японский склад боеприпасов.

Александр прикусил губу и так и летел до самого Баян-Тумена... А сможет ли он поступить в аналогичной ситуации, как комиссар? Отвечать себе на этот вопрос не хотелось... Потому что Александр знал ответ. Сможет.

Тяжелые потери понес в этот день и тридцать восьмой скоростной бомбардировочный полк капитана Артамонова.

Сначала прямо над целью, неудачно маневрировав под огнем, столкнулись две машины. Экипажи выпрыгнули с парашютами. Может, еще вернуться... Но надежда не велика. А на обратном пути их атаковали до сорока истребителей противника. Тридцать пять «ишаков» охранения из пятидесят шестого полка со своей задачей не справились. В результате три СБ были сбиты и упали за линией фронта. Экипажи погибли... Еще две машины получили тяжелые повреждения и разбились при вынужденных посадках уже на своей территории.

Летевшая отдельно от других вторая эскадрилья полка также подверглась атакам самураев в районе цели и недосчиталась двух экипажей. Истребители потеряли четыре машины.

Самураям тоже досталось. «Ишакам» засчитали шесть сбитых самолетов, а стрелкам

бомбардировщиков – одиннадцать. Но легче от этого не стало.

Комэска-один пятьдесят шестого ИАПа капитан Виктор Кустов был очень зол... Таких потерь у бомберов можно было избежать! И даже нужно было избежать! Он ведь объяснял Куцепалову, что глупо возле них толочься, прикрывая своими крыльями... И мало ли что они говорят! Что они понимают в прикрытии! Им кажется, если истребитель рядом трется, то он и защитит. Откуда им знать-то, что для истребителя важнее всего маневр и скорость! Теперь вот будут знать... А какой ценой!

Виктор Кустов воевал в Испании в эскадрилье Анатолия Серова. Вот истребитель был! Про таких, как Серов, говорят – пилот от Бога!

Впрочем, Виктор летать тоже умел. На «чато» он завалил двух «мессеров» под Теруэлем в одном воздушном бою! Правда, и сам был ранен. Два месяца пролежал в госпитале... Больше уже повоевать ему в Испании не пришлось. Дали Красное Знамя и отправили на Родину, долечиваться.

На Халхин-Гол он прибыл вместе со всеми ребятами, в группе Смушкевича. Сначала летал в составе двадцать второго полка. Сбил одного самурая. А потом его перевели в пятьдесят шестой... Да... Куцепалов это тебе не Кравченко! Небо и земля!

А после обеда кустовскую эскадрилью подняли и бросили на перехват группы японских бомбардировщиков, рвущихся к горе Хамар-Даба, на которой находился КП командующего первой армейской группой комкора Жукова.

Самурайские бомбардировщики «Фиат» Бреда-20, ничем не отличались от тех, на которых летали итальянские интервенты в Испании. Только у одних – красные круги, а у других – косые кресты на плоскостях. Вот и вся разница!

«Фашисты проклятые!» – стиснул зубы Виктор и дал ручку, переходя в атаку.

Но, спикировав на вражеский клин, Виктор немного поспешил и слишком резко зашел в хвост флагману. Его И-16 клюнул носом (и на старуху бывает проруха!) и сорвался в штопор. Кустову удалось выровнять самолет лишь у самой земли.

Он выматерился, снова набрал высоту и опять атаковал флагмана. Но выпустил по нему только одну очередь, потому что в этот момент у него отказали пулеметы. А японский бомбардировщик продолжал лететь... И тогда он решил пойти на таран.

Разогнавшись, Виктор настиг самурая и ударил своим истребителем по его двухкилевому хвосту. Бомбардировщик упал на землю и взорвался. От сильного удара самолет Кустова развалился в воздухе на части... И он погиб.

Виктор Рахов совершил таран еще в первый день наступления. Спасая лейтенанта Трубаченко, пропеллером «ишачка» он отрубил хвостовое оперение японского истребителя. Но тем не менее сумел благополучно посадить самолет на свой аэродром... А неделю спустя был тяжело ранен шальной разрывной пулей в живот, когда пролетал над сопкой Ремизовская. Это была последняя потеря в двадцать втором полку. И одна из самых горьких... В завершающий день боев на Халхин-Голе...

В этот день ожесточенно сражавшиеся и еще вчера стоявшие насмерть, самураи как-то внезапно сломались. И на земле, и в небе... Нет, они еще не бросали оружие, но стали какими-то вялыми, что ли... Сдулись, одним словом.

Утром более ста истребителей из семидесятого и двадцать второго полков встретили в районе Яньху – Узур-Нур до восьмидесяти самураев и сбили пятнадцать японских истребителей без потерь со своей стороны.

Днем в двух боях сошлись сорок семь истребителей пятьдесят шестого полка и сорок пять самураев. И опять. Сбито десять японских истребителей, без потерь с советской стороны.

Во второй половине дня в трех боях, в которых приняли участие сто шестнадцать краснозвездных истребителей и до сотни самураев, в том числе тридцать бомбардировщиков, было сбито шесть японских бомбардировщиков и семнадцать истребителей. Без потерь с советской стороны...

В этот долгий и жаркий день лейтенант Пономарев пополнил свой личный счет еще

двумя самолетами с красными кругами на крыльях – бомбардировщиком и истребителем.

С истребителем пришлось немного повозиться. Но не так чтобы сильно. А бомбовоз он сбил без особого труда.

Это было уже под вечер. Они возвращались на свой аэродром после большого боя. И заметили девятку одномоторных легких бомбардировщиков противника, которая шла к реке без прикрытия. Шансов у самураев практически не было. Ребята мгновенно их разогнали, с первой же атаки завалив шестерых. Однако горячее у них было уже на исходе, и преследовать уцелевшее звено они не стали.

А самураи уходили со снижением на полной скорости и, наверное, все время оглядывались, со страхом ожидая, что их догонят и безжалостно сожгут...

И в этот момент у Владимира перед глазами с поразительной четкостью встала картина того, первого, боя его полка в монгольском небе. Черные столбы дыма, стоящие над степью, и эскадрилья врагов, неторопливо уходящая на восток.

Они наконец отомстили за своих павших товарищей – старшего лейтенанта Черенкова, капитана Савченко, лейтенанта Орлова, майора Мягкова, майора Глазыкина, капитана Балбшева и многих-многих других, сгоревших в монгольском небе...

А шестого августа в двадцать втором истребительном авиаполку был праздник!

В этот день газета «Правда» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР. За образцовое выполнение боевых заданий и героизм, проявленные при выполнении боевых заданий, звание Героя Советского Союза было присвоено тридцати одному командиру Рабоче-крестьянской Красной армии. В том числе десяти летчикам двадцать второго истребительного авиаполка – майору Глазыкину, батальонному комиссару Калачеву, капитанам Балбшеву и Степанову, старшим лейтенантам Орлову, Рахову, Скобарихину и Чистякову, лейтенанту Трубоченко и старшине Якименко.

Виктор Рахов так и не узнал о присвоении ему высокого звания. В день публикации Указа он умер в Читинском окружном военном госпитале от ран.

Старшина Якименко лежал в том же госпитале, понемногу поправляясь после тяжелого ранения в ногу, полученного в воздушном бою в середине июля.

Тем же Указом звание Героя, за тараны, было присвоено двум летчикам пятьдесят шестого авиаполка – комэска капитану Кустову и комзвена лейтенанту Мошину. Александр Мошин был свидетелем подвига своего командира, и на следующий день повторил его, оказавшись в сходной ситуации. Но уцелел...

Однако главной новостью дня стал специальный Указ о награждении майоров Грицевца и Кравченко второй золотой медалью «Герой Советского Союза». Дважды Герои! Это было очень необычно. Впрочем, и люди это были очень необычные...

У них вообще-то и первой медали не было. Так как еще и недели не прошло, как была учреждена эта самая медаль. Ничего, получают сразу обе!

Когда в полку стало известно об Указах, батальонный комиссар Калачев собрал на митинг весь личный состав. Первым выступил дважды Герой Советского Союза майор Кравченко:

– В жестоких боях кто может думать о наградах? – сказал он. – Верность воинскому долгу – прежде всего... И все же я всей душой, всем сердцем рад, я счастлив, что награждены мои бойцы... Десяти летчикам-истребителям полка присвоено звание Героя Советского Союза. Храбрецы заслужили награду! Но славой своей полк обязан не отдельным выдающимся летчикам, а сотням самоотверженных людей. Одиночки никогда не решали и не решат судьбу войны... Славой своей полк обязан всем без исключения беззаветным бойцам – летчикам, техникам, оружейникам. Это они завоевали победу... Только за одну неделю боев по уничтожению окруженной группировки противника полк совершил две с половиной тысячи боевых вылетов, сбил сорок два истребителя и тридцать три бомбардировщика. И всему полку я лично обязан тем, что получаю самую высокую награду партии и правительства...

В это время в полк приехал Смушкевич и все остальные «испанцы» и «китайцы» из

группы «Отца». Не хватало только капитана Виктора Кустова и старшего лейтенанта Виктора Рахова... Светлая им память...

После митинга, как и положено, состоялся товарищеский ужин, незаметно затянувшийся почти до утра. Боевой работы на завтра не ожидалось, и комкор Смушкевич своей властью разрешил пилотам чуть-чуть расслабиться. За исключением дежурной эскадрильи, само собой.

Лейтенант Пономарев в состав дежурной эскадрильи не входил, поэтому кружку за столом поднимал вместе со всеми. Этот полк давно уже стал его родной семьей. А он ее полноправным членом.

На счету Владимира было семь самураев, сбитых лично, и пять, уничтоженных в группе. Да еще четыре сожженных на земле, во время штурмовок. Начальник штаба и не скрывал, что комполка за июльские бои представил его ко второму ордену.

Застолье проходило, как говорится, в теплой, дружеской обстановке. С множеством тостов. За товарища Сталина! За ВКП(б)! За товарища Ворошилова! За сталинских соколов! За товарища комкора! За новых Героев и дважды Героев!

А на следующий день к шести вечера территория МНР была полностью очищена от самураев.

Еще за три дня до этого комкор Жуков, которому шестого августа тоже было присвоено звание Герой Советского Союза, отдал приказ о мероприятиях по охране и обороне государственной границы Монгольской Народной Республики.

Частям и соединениям приказывалось подготовить оборонительный рубеж в две линии траншей полного профиля с ходами сообщения, оборудовать три противотанковых района, установить перед передним краем проволочные заграждения в три ряда кольев. При этом указывалось, что особо прочно укрепить следует участок между высотами Эрис-Улын-Обо и Номон-Хан-Бурд-Обо. Утром восьмого августа войска Забайкальского фронта заняли оборону вдоль государственной границы и приступили к этим работам.

А вечером того же дня красноармейцы и командиры первой армейской группы с большим воодушевлением читали взволнованное письмо монгольских воинов, своих товарищей по оружию: «Дорогие братья, бойцы Красной армии!

Мы, цирики и дарги частей Монгольской народно-революционной армии, действующей в районе реки Халхин-Гол, от себя и от всего трудового народа Монголии горячо приветствуем вас, защитников нашей Родины от японских захватчиков, и поздравляем с успешным окружением и полным разгромом самураев, пробравшихся на нашу землю.

Наш народ золотыми буквами впишет в историю борьбы за свою свободу и независимость вашу героическую борьбу с японской сворой в районе реки Халхин-Гол. Если бы не ваша братская бескорыстная помощь, мы не имели бы независимого Монгольского революционного государства. Если бы не помощь Советского государства, нам грозила бы такая же участь, какую переживает народ Маньчжурии. Японские захватчики разгромили бы и ограбили нашу землю и трудовое аратство. Этого не случилось и никогда не случится, так как нам помогает и нас спасает от японского нашествия Советский Союз.

Спасибо вам и спасибо советскому народу!»

Часть вторая Сталинский удар

...Если завтра война – всколыхнется страна
От Кронштадта до Владивостока
Вскολыхнется страна, велика и сильна,
И врага разобьем мы жестоко!..

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч, и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!..

В. Лебедев-Кумач

Глава 1. «И пошел, командою взметен...»

Благовещенск, начало августа 1939 г.

Младший летчик Дьяконов очень торопился. Была суббота. Парко-хозяйственный день окончился, и командир звена, сжалившись наконец, отпустил его домой.

Дома Николая ждала Анютка, которая была уже на восьмом месяце. А это, как им сказали в полковой медсанчасти, был самый опасный период для беременности. Лучше уж не доносить два месяца и семимесячного рожать, чем восьмимесячного. Почему это так, Николай не понимал, но врачу верил и теперь делал все, чтобы только оградить беременную жену от волнений и забот...

Впрочем, это у него не очень получалось. Да и как, скажите, это могло получиться у военного летчика, который от рассвета до заката торчал на аэродроме?...

Слава богу, уже который раз думал он, хотя, как и положено комсомольцу, был атеистом, что рядом с ней Тамара!.. Маковкины жили в одном командирском бараке с Дьяконовыми, в соседней комнате. И молодые женщины, отправив мужей на службу, весь день проводили вместе, поддерживая друг друга и еще крепче сдружившись за эти полгода...

Они поженились перед самым новым тысяча девятьсот тридцать девятым годом, когда Николай и Алексей приехали в Воронеж, чтобы отгулять отпуск, положенный после окончания авиашколы.

Володьку Пономарева уговорить выйти вместе с ними на Воронежском вокзале так и не удалось. Он вообще какой-то странный был последнее время. Угрюмый. Словно и не рад был вовсе заветным кубарям и удачному распределению! А когда его по-человечески спрашивали, в чем дело, только отворачивался да отнекивался. Ну и ладно. Не хочешь, как хочешь...

Девчонки встретили их визгом и поцелуями. Татьяна, сестра Анюткина, конечно, расстроилась, что Володька уехал, даже не повидавшись, но виду не подала... Гордая!

А Николай с Алексеем долго рассусоливать не стали и вопрос поставили ребром! Да и как иначе! Отпуск ведь не резиновый. Месяц махом пролетит, и не заметишь...

Короче, развели они девчонок по комнатам для разговора да и спросили всерьез и по-настоящему. Письма ихние это как?... И предъявили по пачке. А на карточке на обороте, что написано?... Или там просто так, для красного словца, про любовь упоминается? Одним словом, выходи за меня Анюта (а за стенкой, соответственно, Тамара), потому что без тебя и свет белый не мил красной армии! После такого натиска, проведенного по всем правилам военной науки, девушки согласились, не раздумывая. Да и как иначе!

В начале февраля, отгуляв положенное день в день, ребята явились наконец в свою часть. Правда, жен молодых с собой они тогда не взяли. Потому как везти девчонок в тайгу, неизвестно куда, не решились... Но оказалось, что условия очень даже ничего. Так что, когда у них все определилось, жены сразу же к ним и приехали.

Двадцать девятый Краснознаменный истребительный авиаполк, в который были зачислены младшие лейтенанты Дьяконов и Маковкин для дальнейшего прохождения службы, был не простой, а что ни на есть прославленный! И Краснознаменным стал, будучи еще не полком, а эскадрилей.

В двадцатом году первый авиадивизион истребителей, отличившийся в боях под

Казанью и на Южном фронте, получил Красное Знамя Всероссийского Совета Воздушного флота, а еще через полгода за отличия в боях с врагами социалистического отечества ему было вручено Почетное революционное Красное Знамя ВЦИК. В двадцать втором году на базе дивизиона была сформирована первая отдельная Советская эскадрилья истребителей. В двадцать пятом ей было присвоено имя великого Ленина. А в двадцать восьмом году за боевые заслуги в годы Гражданской войны она была награждена орденом Красного Знамени. Так что на самом деле двадцать девятый истребительный авиаполк был трижды Краснознаменным!

Именно в этой части в двадцатых годах служил и наделал столько шума своим полетом под фермами Троицкого моста в Ленинграде Валерий Павлович Чкалов! А в начале тридцатых в составе эскадрильи летал дважды Герой Советского Союза майор Грицевец! Тот самый, который потом служил летчиком-инструктором в их родной авиашколе, уехал воевать в Испанию и стал Героем Советского Союза! Тот самый, которого неделю назад уже за Халхин-Гол наградили второй золотой медалью «Герой Советского Союза»!

Когда-то в первом Советском авиадивизионе истребителей служило много героев Гражданской войны, награжденных за свои подвиги орденами Красного Знамени и дважды, и даже трижды. А в Гражданскую это было покруче, чем сейчас Герой Советского Союза! Но имена этих «героев» политуки в своих душевных беседах с пилотами больше не упоминали. Потому что в прошлом – позапрошлом годах, все они, имея уже по несколько ромбов в петлицах, как назло, оказались врагами народа!

Ранним февральским утром Николай с Алексеем сошли с поезда «Москва-Хабаровск» в пункте назначения – городке Белогорск, в сотне километров от Благовещенска. Погода была безоблачная и безветренная, мороз около сорока. Когда военный комендант дозвонился в полк, за ними сразу приехали, переодели в полушубки и валенки и отвезли в гарнизон. А на следующий день они уже были на службе.

Младших летчиков Маковкина и Дьяконова включили в состав первой эскадрильи, распределили по звеньям, и опять началась учеба. А куда денешься... Сидели и зубрили ориентиры в районе полетов, сдавали зачеты по матчасти, инструкциям и наставлениям...

В двадцать первую годовщину Красной армии, в один день со всеми остальными красноармейцами и краснофлотцами, командирами и комиссарами по всей стране, они приняли новую военную присягу. Перед строем полка. С боевым оружием в руках.

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников, – голос Николая креп с каждым словом. – Я всегда готов по приказу Рабоче-крестьянского правительства выступить на защиту моей Родины... – неслось над замершим строем полка. – Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся!

Николай расписался на присяге, отдал ее командиру полка и встал в строй. В его груди кипела какая-то непонятная, но огромная сила. Это было не просто обещание чего-то делать, а чего-то нет. Это была настоящая клятва! И все это понимали.

После праздника опять потекла скучная и размеренная армейская жизнь... Рутинная... Привычная и знакомая до боли...

Весной они сдали зачет по технике пилотирования и приступили к полетам. Пилотаж, воздушные бои, стрельбы, полеты по маршрутам на малых и больших высотах. А пару месяцев назад их наконец допустили к боевому дежурству...

Сегодня вот суббота, Николай домой торопится, а Маковкин – на боевом дежурстве, готовность два. То есть сидит в дежурной фанзе начеку и ждет команды на вылет.

Вообще-то их было две, этих фанзы – круглых сборных домика, диаметром метров десять, снаружи очень похожих на юрту. Они были сделаны из дерева, утеплены и

соединялись между собой коридором. В этом тамбуре была столовка и выход на улицу. В одной из фанз размещался летный состав, в другой – техники и мотористы. Самолеты ставили метрах в двадцати – тридцати. Каждые сутки в семнадцать часов дежурное звено вместе с самолетами менялось.

В фанзе летчиков было несколько металлических кроватей с постелями, стол со стульями, патефон (с одной пластинкой), черная тарелка репродуктора. Имелись шахматы, шашки и домино, различные инструкции и наставления, а также полевой телефон для связи со штабом полка и оперативным дежурным. Фанза технического состава была оборудована попроще – печка, нары с матрацами, стол с настольными играми и спецлитературой.

В столовке имелся стол человек на десять, скамейки, шкаф с посудой и плита. Летчики и техсостав ели по очереди. Официантка привозила в термосах обед из летной и технической столовых, разогревала его и подавала на стол.

Казалось бы, ну и, пожалуйста, ну и сиди себе, кури да в шашки играй! Не мешки же ворочаешь. Сначала ребята так и думали. А когда подежурили, поняли, что на самом деле это была нелегкая и нервная работа...

Николай вспомнил, как еще весной завидовал «старикам», которые ходили при пистолетах. Летчиков, допущенных к боевому дежурству, объявляли приказом по полку и выдавали личное оружие.

Ванька Липатов, который прибыл в полк почти одновременно с ними, в полетах отставал, и к дежурству еще допущен не был, поэтому часто привязывался к товарищам с дурацкими просьбами:

– Ну, одолжи пистолет сходить на танцы. Ну, пожалуйста...

А они ему отвечали с солидностью старых асов:

– Полетай с мое, получишь и пистолет!

Во время дежурства с целью тренировки и чтоб совсем не заскучали, оперативный дежурный периодически объявлял боевую тревогу. При этом отрабатывались действия личного состава при переводе в повышенную готовность. Но поднимали в воздух дежурное звено очень редко. Такое право имел только комполка.

А в общем, спасибо и на том, что у них готовность два. Сидим в фанзе. В готовности один пришлось бы сидеть в самолетах!

Потому что на Халхин-Голе еще неделю назад шли ожесточенные бои...

Информация об этом в газетах и на политинформациях была, как обычно, очень скудной. Больше лозунгов. Но земля слухом полнится. Сидят-то они на перепутье. Нет-нет, а кто-нибудь информированный возьмет, да мимо них и пролетит по своим делам. Так и просачивалось кое-что. О том, что иногда там над полем боя одновременно бьется до двухсот машин! Верилось в это с трудом. Но ребята, которые об этом рассказывали, заслуживали доверия...

«Где-то там, может, и Володька Пономарев с самураями сражается. Его же в ЗабВО распределили... Они же там, как раз, и воюют! Письма от него вряд ли дождешься. Надо самому написать», – подумал Николай.

Рассказы о Халхин-Голе командование, конечно, возбуждали. И оно потихоньку подтягивало гайки, понимая, что раз там война идет на всю катушку, то и здесь самураи могут сунуться в любой момент. Но командир двадцать девятого истребительного трижды Краснознаменного майор Шалимов особо на этом не циклился.

Виктор Шалимов был человеком известным! Целым депутатом Верховного Совета СССР первого созыва! А у депутата, ясное дело, очень много своих депутатских забот. Поэтому всю тяжесть командирских обязанностей он переложил на богатырские плечи помкомполка капитана Савицкого. Впрочем, Савицкий с ними справлялся неплохо.

В апреле месяце Инспекция ВВС второй отдельной Краснознаменной армии проверила состояние учебно-боевой и политической подготовки полка, и он был признан лучшим в армии.

Когда Николай первый раз увидел помкомполка, он попросту разинул рот.

Действительно, это было незабываемое зрелище – здоровенный, под два метра, летчик с саблей на боку в полной кавалерийской амуниции и со шпорами на сапогах!

Зачем летчику сабля?

Нет, холодное оружие никто не отменял! Без штыка пехотинцу в рукопашном бою никак не обойтись! И моряку кортик очень даже может пригодиться. Во время абордажа, например. Кавалеристу сабля, само собой, тоже нужна для боя. В атаке лавой это штука просто незаменимая. А летчику сабля на кой? Чтобы подлететь к вражескому хвосту и рубануть его, на хрен, когда патроны кончатся? Проще уж пропеллером таранить!

Старшие товарищи на глупые вопросы не отвечали. А только ухмылялись и предлагали спросить у самого капитана. Но поинтересоваться у помкомполка, зачем ему этот раритет, Николай не решился... Еще рубанет, не дай бог!

Савицкий и сам долго к сабле привыкал.

Просто, все, что ему поручали, он делал лучше всех. Ну, не мог он иначе! Поэтому на строевом смотре командиров и заместителей командиров частей и соединений утер сопلي даже пехотинцам. Пехота понадеялась на имеющиеся навыки, а он потратил кучу времени на муштровку вверенного ему отделения. А еще уходил в сопки подальше и орал, что есть силы «Равняйся!» и «Смир-р-р-на!», пока не выработал настоящий командный рык...

И порадовал-таки душу старого служаки! Растроганный командарм объявил ему благодарность и наградил отрезом генеральского сукна на шинель, саблей и шпорами.

И вот с тех пор, появляясь по служебным делам в штабе бригады, а также по праздникам и на различных торжествах, приходилось ему таскать дареную саблю и амуницию. А то, не дай бог, доложат командарму, что пренебрегает капитан его подарком, и не видать ему тогда ни новых шпал, ни ромбов, как своих ушей.

Первое время сабля путалась в его журавлиных ногах, как без этого. Пошел тогда Савицкий к соседям, а рядом, по счастью, стоял разведывательный кавалерийский дивизион, и взмолился – научите. Они посмеялись, конечно, но показали все сабельные приемы. Он потом часто один запирался в своем кабинете и махал этой дурой, пока не стала она у него ловкой и послушной.

А вот шпорами своими Савицкий гордился совершенно искренне. Те же знакомые кавалеристы сняли с них родные диски и выбросили, как бездарный ширпотреб. А вместо штамповки пристроили серебряные десятикопеечные царские монеты, которые звенели просто божественно! Так что он их и в кабине самолета не снимал...

Впрочем, летать они не мешали, а пилотажником капитан Савицкий был отменным. А может, даже лучшим в полку.

Николай уже довольно далеко отошел от аэродрома, когда услышал, как один за другим начали взрывать авиационные двигатели. Он остановился, но, прислушавшись, узнал низкий рокот моторов тяжелых бомбардировщиков ТБ-3.

«Соседи готовятся к ночным полетам», – подумал Николай и прибавил шагу.

Вместе с двадцать девятым истребительным полком на том же аэродроме сидела семнадцатая отдельная тяжелобомбардировочная авиабригада – пять тяжелых эскадрилий, две крейсерских и две истребительных – сто тридцать с лишним самолетов.

Семнадцатую бригаду посадили в Благовещенске совсем недавно, всего пару месяцев назад, в то же самое время, когда недалеко от казарм двадцать девятого ИАП в палаточном городке разместилась двухсотая отдельная воздушно-десантная бригада особого назначения.

Не надо было семи пядей во лбу иметь, чтобы догадаться, что обе бригады появились под Благовещенском не случайно. И Дьяконов, и Маковкин, оба старые парашютисты, сразу поняли: одна будет десантироваться, а вторая – десантировать.

И они не ошиблись.

Основной задачей отдельной тяжелобомбардировочной авиабригады являлась доставка и выброска воздушного десанта. Для чего она и была усилена пятой тяжелой эскадрильей. А после того, как десант приступит к выполнению своей боевой задачи, она должна была обеспечивать его всем необходимым, с помощью грузовых парашютов или без оных садясь в

тылу врага, на подготовленные и обороняемые десантниками аэродромы. А также бомбить этого врага по их заявкам. Истребительные эскадрильи обеспечивали противовоздушную оборону места базирования и сопровождение тяжелых бомбардировщиков в дневное время, а крейсерские – разведку и, при необходимости, эвакуацию десанта.

Ребята уже знали, что авиадесантной бригадой особого назначения командовал майор Мошковский.

Тот самый, который на Северный полюс летал. И, кстати, за это орден Ленина имел. А Красную Звезду – за развитие парашютизма, как их инструктор по парашютному делу в авиашколе, старший лейтенант Серебровская.

Алексей как-то уговорил Николая навеститься к десантникам. Может, договорятся попрыгать! Они-то почаще прыгают, чем летчики-истребители. Комзвена не возражал, ребята и прогулялись...

Там-то они и встретили ее.

Ее, то есть замначальника парашютной службы двухсотой отдельной воздушно-десантной бригады особого назначения старшего лейтенанта Серебровскую.

Она очень обрадовалась старым знакомым и пообещала любое содействие. Они повспоминали Одессу, авиашколу, парашютный кружок. Вспомнили и общих знакомых. У нее, само собой, информации было побольше...

Тут-то и выплыло, что Володька Пономарев, оказывается, действительно на Халхин-Голе дерется, и даже ранен был в бою, но уцелел и в Чите в госпитале лежит.

Алексей аж зажмурился от зависти, а Николай только кулаком по ладони шлепнул. Ну а когда же они-то?! У них-то тут, когда начнется?!..

Наталья только улыбнулась грустно-грустно:

– Какие же вы еще мальчишки, товарищи летчики! Это же настоящая война! Там же убивают насовсем!

И махнула рукой. Где им понять!.. Что они видели!.. Увидят еще...

– Не переживайте! Точно я ничего не знаю, но дело к тому идет, что скоро и у нас здесь жарко станет... – вздохнула она. – Очень скоро... И очень жарко!

Состоялся этот разговор не больше месяца назад. Но пока все было тихо. Впрочем, на что уж зелеными были младшие лейтенанты Дьяконов и Маковкин, а даже они чувствовали, что вот-вот.

Но этим субботним вечером ни Алексей, азартно рубившийся в домино с товарищами по дежурному звену, ни добравшийся наконец до родных дверей и обнявший любимую жену Николай, не знали, что наступающая ночь будет последней мирной ночью в их жизни на много лет вперед. И что очень многие из их друзей до следующей мирной ночи не доживут. И не известно, доживут ли до нее они сами...

Но те, кто доживет, это раннее воскресное утро тринадцатого августа тысяча девятьсот тридцать девятого года запомнят навсегда.

В четыре утра капитан Савицкий построил собравшийся по тревоге полк на митинг. На востоке чуть-чуть светлело...

Соседи уже воевали. Тяжелобомбардировочная бригада, с вечера еще приступившая к тренировочной погрузке десанта, погрузиться-то погрузилась, да так и не дождалась отбоя. А наоборот – получила боевой приказ. В двадцать три часа. Собственно, одновременно с ним. Но Слюсареву было приказано объявить тревогу немедленно, а ему только в два ночи. В полночь ТБ с десантом первой волны пошли на выполнение боевой задачи, чтобы уже на рассвете ударить по врагу. Вторая волна поднялась через час.

Савицкий посмотрел на часы. Если он все правильно понял, первая волна уже подходит к пункту назначения. Он усмехнулся. Как по-мирному это прозвучало...

Инструктор политуправления второй отдельной Краснознаменной армии батальонный комиссар Сарновский бодро поднялся на импровизированную трибуну – автостартер и произнес пламенную речь, в которой беспощадно заклеил японских агрессоров, а также их заокеанских покровителей и прочих поджигателей войны:

– В то время, – батальонный комиссар взмахнул рукой, – как наши товарищи добивают врага на Халхин-Голе, японские самураи и их маньчжурские клевреты приготовились к подлому и предательскому удару, чтобы захватить наш советский Дальний Восток и утопить его в крови, как они это сделали с Китаем! Окажем братскую помощь многострадальному китайскому народу, как оказывают эту помощь монгольскому народу наши товарищи на Халхин-Голе! Ударим по подлому врагу всей мощью! Пришло время самураям рассчитаться за все! – рубил фразы, словно пашкой комиссар.

Савицкий стоял рядом и прикидывал, что надо сделать в первую очередь... Что делать и как командовать полком он знал.

Майор Шалимов по каким-то своим депутатским делам был в Москве. В его отсутствие, как, впрочем, и при нем тоже, на самом деле полком командовал он, капитан Савицкий. И командовал не хуже. А может, даже и лучше.

Поэтому, хотя полк формально и остался без командира, это Савицкого беспокоило меньше всего. Если не сказать, большего. Это его вполне устраивало. Положа руку на сердце...

– За советский Дальний Восток! За ВКП(б)! За Сталина! Ура!.. – энергично закончил Сарновский.

Савицкий глянул на военкома полка. Впрочем, у батальонного комиссара Шуляка все всегда было в порядке!

Тут же на трибуну поднялся комэска-два Круглов и от имени летного состава заверил партию и правительство, что летчики двадцать девятого истребительного Краснознаменного авиаполка все как один готовы бить подлого врага везде и всюду, где прикажет товарищ Сталин, и выполнят свою присягу до конца! Потом выступил инженер второй эскадрильи Шилкин... Потом сам военком...

Савицкий посмотрел на запад. Первую – с рассветом на патрулирование. Вторая – готовность один. Третья – готовность два. И по кругу!.. Четвертая – резерв... Могут поставить задачу на прикрытие Слюсарева. У того, конечно, три десятка своих «ишаков» имеется, но он, само собой, от такой поддержки не откажется.

«Как пить дать, пошлют прикрывать его возвращение», – подумал Савицкий.

Командир семнадцатой отдельной тяжелобомбардировочной авиабригады Герой Советского Союза полковник Сидор Слюсарев еще полгода назад был капитаном и командовал эскадрилей скоростных бомбардировщиков. Звание полковника он получил досрочно после возвращения из Китая, где воевал с мая по октябрь прошлого года.

За это время он неплохо узнал своего противника и понимал, что днем шансов выполнить боевую задачу у его ребят немного. И был рад, что выброска первой волны десанта в Харбине была запланирована на рассвете, а второй – всего через час.

За это время первый батальон бригады Мошковского должен был взять под контроль Харбинский аэродром и не допустить подъема истребителей, если таковые на нем окажутся. А также захватить наиболее важные объекты в городе. Высадку еще двух батальонов и управления бригады планировалось произвести посадочным способом. Если это не удастся, то личный состав будет выброшен с парашютами, но останется практически без тяжелого вооружения.

«Ишаки» встретят ТБ только при возвращении.

Слишком далеко лететь, а у него нет дальних истребителей! Потому что их вообще не существует! Даже в проекте! Его бригада в начале лета была оснащена И-16, специально модернизированными для применения подвесных баков. Но это проблему не решало, потому что даже с ними они могли встретить ТБ лишь на полпути от дома...

Слюсарев выматерился. У СБ в отличие от ТБ шанс оторваться от истребителей противника еще имелся. И то жгли почему зря. Он прекрасно помнил, как ровно год назад из пятерки СБ, отправленной им на задание, не вернулся ни один экипаж...

Более того, истребители придется сажать с ходу, с сухими баками. Хорошо еще, что у него здесь сидит под боком двадцать девятый полк. Они и прикроют. Потому что иначе их

всех пожгут на кругу, прямо над аэродромом.

Завтра, если все пойдет по плану, он перебросит в Харбин одну истребительную эскадрилью. Базируясь на Харбинский аэродром, она сможет прикрыть бомбардировщики над территорией противника. Но это будет завтра... И если у Мошковского все пойдет по плану... Если, если, если...

Слюсарев снова вспомнил о десанте. Ладно, его ребята хоть какой-то шанс имеют. А у Мошковского с шансами дело намного хуже.

«Пятьсот километров – это слишком далеко!» – подумал полковник. Но, как говорится приказ – есть приказ. И пошел, командой взметен!

А там под Харбином у самураев две бригады, пехотная и смешанная. И еще две в радиусе двухсот километров, и полнокровная пехотная дивизия в придачу...

Оно понятно, что для того и бросают десант, чтобы эти бригады и дивизии оттянуть. Потому что при прорыве укрепрайона и без них хлопот полон рот.

И все равно жалко парней! Какие ребята! Все как на подбор. И с ними дядька Черномор – Яков Мошковский... И где он их набрал-то таких!

Фронт, а, судя по приказу, их вторую Отдельную Краснознаменную армию уже переименовали в Дальневосточный фронт, а первую – в Приморский, само собой, ударит, мало не покажется. Но, когда еще они доберутся до Харбина! Надо на всякий случай продумать план эвакуации десанта.

Хотя, зная Мошковского и его парней, ожидать, что она понадобится, не стоит...

Глава 2. «И линкоры пойдут, и пехота пойдет...»

Сунгари, середина августа 1939 г.

Дозорно-разведывательный отряд первой бригады речных кораблей Краснознаменной Амурской военной флотилии шел вверх по Сунгари.

Монитор «Сун-Ят-Сен» медленно резал своим низким форштевнем мутные волны вражеской реки. Все четыре спаренных двадцатимиллиметровых башни монитора (снаряды в казенниках!) смотрели влево по курсу. Расчеты зенитных автоматов были на местах.

Командир монитора старший лейтенант Ревякин, поеживаясь от утренней свежести, стоял в боевой рубке рядом с рулевым. Сигнальщики, напряженно вглядывались в предрассветную мглу, зорко, каждый в своем секторе, обшаривая низменные, болотистые берега биноклями. Экипаж был готов к бою...

«Сун-Ят-Сен» был необычным кораблем во всех отношениях!

Для начала надо отметить, что был он построен еще до революции и являлся головным кораблем серии мониторов типа «Шквал», первых в мире бронированных речных кораблей с двигателями Дизеля. У него их было целых четыре, общей мощностью почти три тысячи лошадей, что позволяло развивать скорость четырнадцать с половиной узлов по течению и восемь с половиной – против.

При длине семьдесят один и ширине двенадцать метров и полном водоизмещении в тысячу тонн его широкий, низкий корпус возвышался над водой чуть более, чем на полметра. А максимальная осадка (менее полутора метров!) позволяла проходить очень мелкими фарватерами, и даже форсировать песчаные перекаты, которых на этом участке Сунгари было предостаточно.

Монитор был хорошо бронирован. Главный бортовой пояс – броня толщиной семьдесят шесть миллиметров, палуба – девятнадцать, боевая рубка – пятьдесят!

Расположение орудийных башен главного калибра позволяло вести огонь шестью орудиями прямо по носу и в корму, а всеми восемью – на оба борта и от тридцати градусов по курсу. Вообще силуэт этого речного линкора сильно напоминал силуэты его морских собратьев, линкоров типа «Севастополь».

Судьба у него была не простая. В годы Гражданской войны японские интервенты,

долго хозяйничавшие на Дальнем Востоке, угнали «Шквал» на Сахалин. Вернуть корабль удалось только в двадцать пятом. Но был он в таком состоянии, что хоть на слом продавай. Однако молодая Советская республика такими кораблями разбрасываться не могла! Комсомол, взявший шефство над Рабоче-крестьянским Красным флотом, навалился и за полтора года восстановил «Шквал». А уже в двадцать девятом монитор, получивший новое имя в честь вождя китайской революции, участвовал в боях за КВЖД!

В прошлом году «Сун-Ят-Сен» прошел капитальный ремонт и модернизацию, получив высокую треногу с дальномером, новые приборы управления стрельбой и мощное зенитное вооружение.

Немного впереди, разведывая незнакомый фарватер, шли бронекатера, а за ними – отряд катеров-тральщиков с поставленными облегченными тралами Шульца. Потому что самой серьезной угрозой, ясное дело, была минная опасность. Но мин пока не было, и на берегу тоже было тихо.

Имея на борту стрелковый батальон в качестве десанта (еле-еле распахали по кубрикам триста пятьдесят человек!), Ревякин вел свой отряд к городу Фуцзинь...

Александр смотрел в бинокль и удивлялся. Почему самураи оставили на штатных местах навигационные створные и прижимные знаки?! Его штурман лейтенант Стрекалов совершенно не знал фарватер Сунгари, впрочем, как и он сам. Никто его не знал, этот фарватер, и на остальных кораблях, идущих сейчас вверх по реке. Они провозились бы очень долго, идя на ощупь, с промерами. А сейчас довольно быстро двигаются к цели.

Река Сунгари являлась самым крупным притоком Амура и важнейшей водной коммуникацией Северной Маньчжурии. Потому что вела прямо в Харбин, который и являлся конечной целью похода и боя Краснознаменной Амурской военной флотилии.

Но до него было еще далеко. И для начала надо было захватить несколько сильно укрепленных пунктов вдоль реки.

Город Тунцзян, расположенный в устье, они взяли практически без выстрела, на внезапности. Гарнизон Фуцзиня, без сомнения, к их прибытию успеет подготовиться. А это значит, что будет бой!

Старший лейтенант Ревякин был очень доволен, что именно его корабль был назначен в передовой отряд. Потому что это означало, что он первым примет бой! И от души постреляет по береговым укреплениям. Долговременным и не очень. Эх, еще бы с маньчжурской канлодкой в открытом бою перевестись! Но это был уже предел его мечтаний!

Которые, кстати, могли очень даже сбыться. Потому что на Фуцзине базировались корабли Сунгарийской флотилии Маньчжоу-Го. А в ее составе, который он знал назубок, имелось сразу четыре современных (и пяти лет еще нет, как в строй вошли!) башенных канонерских лодки! И, между прочим, главный калибр у них был побольше, чем у него. Ненамного, правда. У него – сто двадцать, а у них сто двадцать семь. Зато у него больше стволов. У них-то всего по три на рыло, а у него целых восемь! Были у маньчжуров и другие канонерки, но они Александра не интересовали. Старье!

Позади дозорно-разведывательного отряда шел отряд прикрытия – однотипные с «Сун-Ят-Сеном» мониторы «Ленин» и «Красный Восток» (у каждого на борту тоже по батальону), а за ними корабли снабжения...

По берегу, не успевая за речниками, потому что все дороги тянулись вдоль Сунгари и были размыты поднявшейся после сильных дождей рекой, шли стрелковые полки и ползли, разбрызгивая грязь, танки. Те самые, которые они вчера весь день перевозили на своих палубах на правый берег Амура.

Удар из Пояркова в обход Сахалинского и Суньунского укрепрайонов на Луньчжень командующий Дальневосточным фронтом комкор Штерн считал вспомогательным. Но там он хотя бы свои собственные задачи решал. Тогда как штурм Жаохэйского укрепрайона и удар на Баоцин, и далее, в тыл Хутоуского укрепрайона вообще проводился в интересах соседа.

Главной же задачей фронта Штерн считал Харбин. И это было политически грамотно! Пришло время раздавить это белогвардейское гнездо! Тем более что до Порт-Артура ему точно не дотянуться и брать его, скорее всего, будет Конев. Или Жуков. Он что-то последнее время лезет поперед всех!

Поэтому свои основные усилия Штерн направил на взятие Харбина. Пока Конев все самурайские УРы прогрызет, он будет уже на месте. Но, на всякий случай, комфронта решил выбросить в Харбине воздушный десант, двухсотую отдельную воздушно-десантную бригаду особого назначения. Чтобы застолбиться, а заодно отвлечь внимание противника и чем-то его занять, пока будет разворачиваться наступление. И вообще это современная война, и надо воевать по-современному!

Кроме того, вверх по Сунгари он отправлял Краснознаменную Амурскую военную флотилию. Может, на что и сгодится. Раз уж наличествует, так сказать.

А главный удар на Харбин, как и положено, наносился силами пятьдесят девятого стрелкового корпуса и двух стрелковых дивизий, третьей и двенадцатой, при поддержке семнадцатой легкотанковой бригады и сто четырнадцатого гаубичного артполка.

Сверху наступление должен был прикрывать двадцать девятый истребительный Краснознаменный авиаполк, переброшенный для этой цели на спешно оборудованный передовой аэродром под Ленинское. А на аэродромах в Хабаровске и Биробиджане сидели части второй отдельной авиационной армии Резерва Главного командования, которые в том числе должны были работать и по заявкам Штерна.

Больших надежд на то, что парашютисты продержатся двадцать с лишним суток до подхода стрелкового корпуса, комкор не питал. Он всегда был реалистом. А как военачальник, давно уже привык жертвовать людьми...

Когда случился октябрьский переворот, Григорий принял его всей душой, как и было положено юноше из небогатой еврейской семьи. В годы последовавшей за этим Гражданской войны он был комиссаром, опять же как и было положено...

Затем Григорий Штерн бил басмачей и их пособников в Хорезме, будучи военкомом второй Туркестанской карательной кавалерийской бригады, а затем командующим частями особого назначения Хорезмской группы войск. В двадцать седьмом году он поступил на Восточный факультет Военной академии имени товарища Фрунзе, чтобы закрепить туркестанский опыт.

А после академии семь лет верой и правдой служил порученцем при наркомвоенморе. Климент Ефремович был его службой доволен, и даже назначил управделами наркомата. Не зря Григорий в свое время коммерческое училище окончил. Вот и пригодилось! И вскоре ему присвоили персональное воинское звание комдив. Это, конечно, было хорошо, но Григорию очень хотелось быть настоящим командиром дивизии!

Три года назад он упросил, наконец, своего покровителя и получил под командование кавалерийскую дивизию. Да не простую (спасибо, Климент Ефремович!), а ту самую, в которой в середине двадцатых служил одно время начальником политотдела, прославленную седьмую Самарскую имени Английского пролетариата.

Когда начался мятеж на Пиренеях, а потом пошли геройские указы, Григорий сообразил, что там можно быстро продвинуться. И Ворошилов согласился, что свой человек ему в Испании не помешает. Так Григорий стал главным советским военным советником в Испании. Однако дела складывались не очень хорошо, и Испанскую республику эти поганые фашисты все-таки задавили. Но он успел вернуться оттуда еще до того, как это стало ясно всем, а не только ему.

Григорию дали комкора и назначили начальником штаба ОКДВА. И тут как раз полезли самураи. Пока этот ныне разоблаченный враг народа Блюхер искал пути примирения и разбирался, кто же это все-таки нарушил границу, мы или они, Григорий, выполняя приказ любимого наркома, решительно возглавил тридцать девятый стрелковый корпус и дал отпор наглому врагу!.. Да, танков он потерял действительно слишком много. Но враг ведь был разбит!.. Так что этот свой орден он заслужил честно! Как, впрочем, и

предыдущие три...

Жуков за Халхин-Гол получил Героя и командарма. Так что, если он возьмет Харбин (а это покруче будет!), то и ему дадут не меньше!..

Из-за поворота показался Фуцзинь.

Старший лейтенант Ревякин сквозь окуляры бинокля внимательно осматривал набережную и городские кварталы. Пристань пустая (джонки не в счет). Характерных силуэтов вражеских канлодок не видно. Тихо...

Бронекатера заметно прибавили скорости и, развив полный ход, ворвались на рейд. И в тот момент, когда они были уже на траверзе городской пристани, самураи ударили по ним из всех орудий и пулеметов.

Били несколько батарей из города, доты со стороны набережной и дзоты с левого берега и островов. Бронекатера, маневрируя под огнем, засекли огневые точки и, продолжая движение вверх по реке, открыли ответный огонь из своих трехдюймовок. Десять минут спустя к ним присоединился главный калибр «Сун-Ят-Сена».

Командир бригады, капитан-лейтенант Николаенко, услышав канонаду, приказал увеличить ход до полного и поспешил на помощь своему дозорно-разведывательному отряду. Час спустя, когда он уже подходил к Фуцзиню, огневые точки на левом берегу и на островах были уничтожены, а Ревякин азартно добивал доты на набережной и вел контрбатарейную борьбу.

Вскоре все огневые точки были подавлены и бронекатера высадили на пристань штурмовую роту, которая тут же на ней и закрепилась. Через четверть часа пришвартовался «Сун-Ят-Сен». Стрелковый батальон, вспомнив все, чему его учили на тренировках, выгрузился за пять минут и приступил к делу. А монитор отошел на огневую позицию.

Осмотревшись на берегу, десантники двинулись в глубь города. Вместе с ними с «Сун-Ят-Сена» был высажен корректировочный пост с охраной, а также спешно сформированный из добровольцев взвод морской пехоты под командованием штурмана корабля лейтенанта Стрекалова.

Ревякин и сам с удовольствием повоевал бы на берегу с самураями, но, ясное дело, оставить корабль не имел права.

«Красный Восток», высадив десантников и собственных корректировщиков, занял огневую позицию недалеко от «Сун-Ят-Сена», чтобы поддержать артиллерийским огнем наступление. А «Ленин» после высадки десанта поднялся выше по реке вместе с бронекатерами и встал в дозор, прикрывая десант с запада.

Как потом выяснилось, бульшая часть гарнизона еще ночью успела отойти к горе Вахулишань, возвышающейся километрах в пятнадцати от города, где и заняла заранее подготовленные позиции, приготовившись стоять насмерть. А в городе осталось несколько батарей, до батальона пехоты и снайперы.

Выбитые из города самураи закрепились на его окраине, в военном городке, где имелись железобетонные долговременные огневые точки. Остервенело отстреливаясь, они периодически бросались в отчаянные контратаки.

Оба монитора по указанию корректировщиков перенесли огонь на доты и казармы военного городка.

Часа через два, далеко обогнав пехоту, до Фуцзиня, наконец добрался передовой батальон семнадцатой легкотанковой бригады. И с ходу вступил в бой.

Несколько раз в течение дня над городом пролетали красnozвездные истребители, но вражеская авиация в небе не появлялась, и они, покружив какое-то время, улетали обратно. К вечеру подтянулись измотанные тяжелым переходом полки тридцать девятой стрелковой дивизии. Но город к этому времени уже был взят...

Как потом посчитали, было убито около сотни самураев и уничтожено девять дотов, шесть дзотов, четырнадцать казарм, пять орудий и двенадцать открытых огневых точек.

Речники потеряли десять человек убитыми, а пехота, само собой, гораздо больше. Раненых тоже было прилично. Десант своей санчасти не имел, поэтому их доставляли на

мониторы, где оказывали первую медицинскую помощь, а потом эвакуировали в тыл на специально выделенном для этой цели катере. Вместе с телами погибших, чтобы похоронить их на родной земле.

В бою от пули снайпера геройски погиб лейтенант Стрекалов. Они, сволочи, как выяснилось, в первую очередь отстреливали командиров, определяя их по форме и фуражкам...

Старший лейтенант Ревякин смотрел на холодеющее тело своего штурмана и впервые всерьез задумался о жизни и смерти. Еще утром это был бодрый и веселый парень, как и он, возбужденно ожидающий своего первого боя. А теперь лежит с пробитой головой и не дышит...

Лейтенанта отнесли на катер, Ревякин отдал честь и махнул рукой старшине, чтобы тот отправлялся.

Командующий Краснознаменной Амурской военной флотилией капитан первого ранга Головкин во главе второй бригады речных кораблей шел вверх по Сунгари на мониторе «Свердлов». В кильватере за ним резал волну «Дальневосточный комсомолец». Оба монитора были того же типа, что и в первой бригаде, отряд прикрытия которой опережал их на сотню кабельтовых. Собственно, роль прикрытия теперь перешла к ним.

Быстро покончив с ликвидацией узлов сопротивления противника ниже по Амуру, в районе города Фуюань и селения Гайцзя, вторая бригада в тот же день вернулась в Ленинское. И, выполняя приказ комфронта, занялась перевозкой в Тунцзянь пятьдесят девятой стрелковой дивизии и гаубичного артполка. К утру они перевезли всех и, заправившись, отправились догонять ушедшую вперед первую бригаду.

В полдень того же дня, получив радиogramму об успешном завершении Фуцинской операции, командующий флотилией приказал свернуть командный пункт на берегу, сел на штабной корабль «Амур» и бросился догонять, ушедшую вперед бригаду.

До капитана первого ранга Головкин вдруг дошло, что самые важные события происходят будут именно здесь, на Сунгари. За текучкой он как-то упустил из виду этот нюанс.

Протяженность операционной зоны его флотилии составляла более четырех тысяч километров. Сретенский отдельный дивизион бил самураев в Забайкалье, на Шилке, третья бригада – в Приморье, на озере Ханка, а Зейско-Бурейская бригада оперировала посередине между ними, в районе Благовещенска.

Однако, по всем признакам, главный удар фронт наносит именно здесь, вдоль Сунгари на Харбин! А это значит?... А это значит вперед! На лихом коне!

На хозяйстве он оставил своего заместителя капитана первого ранга Рогачева. Ничего! Судя по донесениям, выше по течению Амура с самураями уже управились, а с третьей бригадой на Уссури Рогачев как-нибудь сам разберется.

И вообще чего он беспокоится! Каперанг Рогачев – старый морской волк. Еще до революции на броненосце «Слава» рулевым ходил. Давал германцу прикурить на Моонзунде. Кронштадтский мятеж подавлял. Белокитайцев бил на КВЖД. Был старпомом, командовал канлодкой, монитором, дивизионом, бригадой...

Головкин было немного неловко первое время после своего назначения. Рогачев полгода ходил врио на флотилии, но его так и не утвердили. А прислали командиром равного по званию, но на восемь лет моложе. А, с другой стороны, мы люди военные, а командованию виднее, кого в начальники, а кого в замы. Может, Дим Димыч и обижался втихую, но виду не показывал. И на деле это никак не сказывалось...

Головкин относился к нему с подчеркнутым уважением, как к старшему по возрасту боевому товарищу и герою Гражданской войны. Хотя и сам тоже был героем Гражданской войны. Только другой и совсем недавней...

В Испании Арсения Головкин знали под именем Дон Симон Гарсия Галвис. Дон Галвис был советником командира главной базы республиканского флота в Картахене. И пороку нанюхался не меньше, чем Рогачев когда-то. Довелось ему поучаствовать и в потоплении

тяжелого крейсера мятежников «Балеарес». В качестве советника, ясное дело! По всем вопросам.

Когда он вернулся, ему досрочно присвоили капитана первого ранга. Был бы сухопутным, носил бы ромб в петлицах. Но одна широкая золотая нашивка на темно-синем рукаве тоже неплохо смотрится! И орден, само собой...

По данным агентурной разведки в районе города Цзямусы, следующего укрепленного пункта противника, который им предстояло взять, дислоцировалась пехотная дивизия самураев. Это уже было серьезно!

На борту пяти мониторов и десяти бронекатеров обеих бригад находилось два полка десанта. С артиллерией тоже был порядок – сорок стволов сто двадцать миллиметров, двадцать трехдюймовок. И это не считая зенитных автоматов, которых тоже будь здоров! Танков у них пока не было. Хотя три батальона (в том числе один сводный из наличных машин третьего и четвертого батальонов) еще в ночь ушли вперед.

Третий полк тридцать девятой стрелковой остался блокировать Вахулишаньский гарнизон до подхода частей пятьдесят девятой дивизии. А оставшиеся танкисты пытались вытащить свои застрявшие в непролазной грязи танки...

К утру обе бригады пополнили свои запасы с кораблей снабжения и были готовы к походу. Командующий флотилией поставил бригадам задачу – к концу дня скрытно выйти на дальние подступы к уездному центру Цзямусы и встать на ночь на якорь, а на рассвете атаковать и к полудню шестнадцатого полностью им овладеть!

Каперанг Головка шифровкой запросил у комфронта поддержки и предложил часть войск перевезти на канлодках и грузопассажирских пароходах, буксирах и баржах Амурского речного пароходства. Штерну эта мысль показалась вполне здоровой, и он приказал перегнать к устью Сунгари весь имеющийся в наличии тоннаж и погрузить на него третью и двенадцатую стрелковые дивизии. Взять Цзямусы штаб фронта планировал только на десятый день наступления. А прошло только три, и они уже на его пороге!

Александр лежал на койке в своей командирской каюте. Быстро темнело... За распахнутой крышкой люка слышалось, как о борт его корабля лениво бьется речная волна. Перед глазами мелькали картины прошедшего дня... Цзямусы они овладели...

Все было почти так же, как и при взятии Фуцзиня. Только как-то ожесточеннее, что ли. Стреляли гораздо дольше. И город отбили только к вечеру и то только после того, как два подошедших танковых батальона (опять много танков по пути в грязи застряло) обошли его с юга. Тогда часть самураев решила отойти. И отошла. Пробившись с боем...

После обеда прилетали СБ (хорошо еще, что не ТБ, а то вообще прощай мама было бы!) и побросали бомбы, как попало. Самураям ни одной не досталось. Да, ладно, хоть своих не накрыли!.. Говорят, командующий с утра авиацию вызывал. А потом матерился на чем свет стоит, и зарекся впредь это делать. А «ишаки» подмогли маленько. Полетали, посмотрели, увидели, куда мониторы бьют, и давай штурмовать. А как закончили, так пехота быстро оставшихся самураев доковыряла.

Да... Придумали бы такой самолет, чтобы с пушками и в броне, чтобы над полем боя летал и пуль не боялся и чтобы радио стояло, чтобы огонь подкорректировать, вот это была бы машина!

Весь следующий день флотилия и десант зализывали раны, приводились в порядок и пополняли боезапас.

На пристань приехали танкисты за горючкой и снарядами. Их здорово самураи пощипали. Пока механики-водители бочки и ящики грузили, лейтенант рассказал, что половину танков у них пожгли за день смертники. Подбираются, сволочи, с миной на палке и бьют в борт. Сами подрываются и машине каюк! Такие дела. Всю ночь будут чинить, что можно. И дожидаться отставших. Без них дальше не пойдут. Некому...

Досталось и «Сун-Ят-Сену». Два снаряда ударили в рубку, так что в ней, как в колоколе, загудело. Но не проббили. Он потом смотрел. Здоровенные выбоины. Боцман долго ругался. Ему ведь шпаклевать и красить.

А где-то рядом еще целая пехотная бригада маньчжурская гуляет. Неровен час, с визитом пожалует. Стрелки окапываются, систему огня организуют. Начштаба одного из полков приходил с ним согласовывать. Он и рассказал.

Александру вдруг пришла в голову шальная мысль... А что если просто проходить м и м о всех этих городов и не брать их, на хрен! Пусть себе стоят. А они привезут пехоту в Харбин и весь кислород им, раз, и перекроют. А сами будут по реке снабжаться и войска возить, куда надо. И передуют все эти укрепленные пункты потом по одному!

«Ладно, стратег! Не твоего это ума дело! Спи, давай! У тебя всего несколько часов», – подумал старший лейтенант Ревякин и как провалился куда-то...

Долго спать ему, само собой, не дали. Уже через два часа его вызвал командующий и приказал провести с утра разведку в направлении на Саньсин. Пока пехота в себя приходит, а свежие части еще не прибыли. С ним пойдет одна штурмовая рота, так что подвигов совершать не надо, но если обстановка позволит, врезать самураям!

Старший лейтенант Ревякин взял под козырек и отправился организовывать разведывательный поиск.

На рассвете они вышли из Цзямусы и обычным ордером, впереди бронекатера, а за ними монитор, двинулись на юг...

Местность вокруг сильно изменилась. Зажатая скалистыми берегами Сунгари текла в основном одним рукавом, «трубой». Поселений практически не наблюдалось. В одном месте, правда, их обстреляли с берега. Зря они это сделали. Дальномерщики мгновенно их засекли. Бац! Бац! И в дамки!.. Огневые точки подавлены, товарищ командир!

Останавливаться дозорно-разведывательный отряд не стал. А смысл?

Ближе к вечеру впередсмотрящим работы значительно прибавилось. По реке шел сплав. И в какой-то момент их зажало бревнами со всех сторон, так что пришлось остановиться. Старший лейтенант Ревякин махнул рукой и приказал бросить якорь. Аварийной и боцманской команде разобраться с плотами, а остальным – отдых!

С бревнами управились только под утро...

А на рассвете продолжили путь. К обеду дошли до населенного пункта Хуньхэдао. Александр надолго запомнит это китайское название!

Когда они приблизились, самураи открыли сильный огонь из орудий по бронекатерам. «Сун-Ят-Сен» тоже жалеть снарядов не стал, и завязалась артиллерийская дуэль. Но дела сразу пошли как-то не очень хорошо...

Судя по всему, фарватер был хорошо пристрелян. Но Александр догадался об этом позже, чем следовало, и последствия не заставили себя ждать...

На первых же минутах они получили три попадания! Больших повреждений не было. Но это было уже само по себе неприятно.

На пятнадцатой минуте неожиданно открыла огонь самурайская стоятиммиллиметровая гаубичная батарея. И первым же залпом накрыла монитор. Два снаряда легли недолетом, а один попал.

Прогредел взрыв, и над носовой частью корабля взметнулось большое белое облако!..

В первое мгновение Александру показалось, что взорвалась первая башня. И он тут же приказал запросить и ее, и ее погреб, что там произошло. Слава богу, оттуда ответили! Все в порядке! Повреждений нет!

Оказалось, что снаряд попал в кранец волнореза для хранения продовольственных запасов перед первой башней. Там лежало три мешка муки, которые, понятное дело, взлетели в воздух, окутав белой пеленой носовую часть корабля. Узнав в чем дело, Александр вздохнул с облегчением и усмехнулся. Теперь кроме боцмана самураев будут костерить на чем свет стоит, еще и кок с баталером.

Решив, что это уже слишком, он приказал дать полный ход и выйти из зоны огня. «Сун-Ят-Сен» рванулся вперед, стремясь укрыться за крутым скалистым изгибом Сунгари, но не успел.

В район ходового мостика попало еще два снаряда, один из которых вывел из строя

левый зенитный автомат. При этом осколками было ранено три краснофлотца из его прислуги. А второй угодил в ящик с тридцатисемимиллиметровыми патронами для зенитных автоматов... Яркое пламя горящего пороха вырвалось наружу! Взрыв мог произойти в любую секунду!

Как потом доложил Ревякину старпом, от серьезных разрушений родной корабль спасли командир расчета правого зенитного автомата старшина Гундобин и краснофлотец Жалейко. Голыми руками они подхватили пылающий снарядный ящик, подтащили его к борту и столкнули в воду! А потом, не взирая на полученные ожоги, вновь встали к автомату и продолжили огонь по врагу.

Монитор и бронекатера миновали наконец самурайскую засаду и укрылись от огня противника в нескольких километрах за изгибом реки. Ревякин приказал осмотреться и доложить о повреждениях.

«Видно, расслабился ты, Шурка, за эти дни, вот и получил!» – думал Александр. Ему надо было бы сразу догадаться, что это засада. А он такой весь бронированный! Ничего не боится! Правый плутонг, заряжай! Левый плутонг, пли! Вот и схлопотал по морде!

Ладно! За одного битого двух не битых дают!

Старший лейтенант Ревякин доложил командующему флотилией о сложившейся ситуации радиогаммой и получил приказ не дергаться и ждать подхода основных сил.

«Сун-Ят-Сен» встал на якорь и взял под прицел дорогу из Хуньхэдао на Саньсин. Чтобы ни одна самурайская сволочь от заслуженной кары не ушла!

К вечеру к Хуньхэдао подтянулись остальные мониторы. И под прикрытием дымзавесы (случай с мукой натолкнул на хорошую мысль!) на берег было высажено два батальона. К полуночи сопротивление противника было сломлено.

Самураи потеряли до роты убитыми. Были подавлены две открытые артиллерийские батареи. Уничтожено три пулеметных дзота, две открытых пулеметные точки, одно орудие, десять автомашин с горючим и склад боеприпасов.

Корабли встали на ночь на якорь. Головки привез с собой целую дивизию на мониторах и канлодках. Танкисты собрали в кучу все, что можно. Получилось почти два батальона. За ночь, глядишь, и подойдут.

Александр смотрел на карту. До Саньсина оставалось всего ничего. Завтра они его пощупают за вымя. Повреждения у него были небольшие. Перебитый магистральный кабель ПУС – самое крупное. Но старпом уже доложил – устранено! Трое раненых. Гундобин и Жалейко здорово обожглись, но остались в строю. Молодцы!

И вдруг он решил пойти и доложить командующему о мелькнувшей у него вчера идее насчет прорыва на Харбин. А что?... И пошел... И доложил...

Капитан первого ранга задумался. А потом вызвал начальника штаба. Стали думать втроем. И, в общем, что-то стало вырисовываться.

Головки знал, что на Харбин бросали воздушный десант. Знал он и то, что этот десант стоит насмерть там уже шестые сутки. И дело даже не в том, что там погибают отличные смелые ребята. Хотя, конечно, это тоже важно. А дело было в том, что если они не успеют, ему, его ребятам придется брать этот самый Харбин заново!

Ревякин сегодня прорвался через засаду и стоял полдня, их дожидаясь, как ему, собственно, и было велено. А что если действительно, пока основные силы будут брать Саньсин, отправить передовой отряд, скажем, два монитора и шесть бронекатеров с десантом прямо на Харбин?... Пехоты ему привезли... Должно хватить. А танки... Ну что ж придется им в Харбине обойтись без танков. Парашютисты вон обходятся же!

Тогда... Тогда они там будут уже послезавтра поутру, если не станут задерживаться в пути!.. А задерживаться они не станут!

– Так, Иван Федорович! – сказал он начальнику штаба. – Составляй боевой приказ. Передовой отряд прорыва. Мониторы «Ленин» и «Сун-Ят-Сен», бронекатера... номера укажешь. Командир отряда капитан-лейтенант Николаенко. Боевая задача. Утром девятнадцатого выход из Хуньхэдао. К утру двадцать первого быть у Харбина! С ходу им

овладеть и удерживать до подхода основных сил! Вызови Николаенко. Еще раз все прикиньте, посчитайте, и ко мне! А ты, Ревякин, на корабль! Все! Давайте, действуйте, времени совсем не осталось на подготовку!

Что в армии, что во флоте, инициатива наказуема исполнением. Но Александр был доволен. Завтра они рванутся к Харбину! Помогут своим парашютистам! А он заодно с канлодками местными переводается. Большой счет у него уже к самураям вырос! И за Лешку Стрекалова, и еще за пятерых краснофлотцев, отличных ребят, на которых после Фуцзиня извещения подписывал. За родной корабль снарядами побитый, посеченный. И, само собой, за ВКП (б) и за товарища Сталина!

Глава 3. «На земле, в небесах и на море...»

Владивосток, 16 августа 1939 г.

В глубоком бетонном бункере командного пункта Тихоокеанского флота собрался командный и начальствующий состав ТОФ во главе с флагманом первого ранга Юмашевым. Группу представителей Главного штаба ВМФ возглавлял флагман второго ранга Галлер. Собрание проводил народный комиссар Военно-морского флота Николай Герасимович Кузнецов.

Нарком ВМФ, на вид еще слишком молодой для своей высокой должности, внимательно оглядел присутствующих. В отличие от них у него уже имелся солидный боевой опыт современной войны на море... В прошлом году он вернулся из сражающейся Испании. И морские бои там были не шуточные! Топили и линейные корабли, и тяжелые крейсера!.. Одним словом, пороху пришлось понюхать изрядно... Ордена Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды, отсвечивая золотом и эмалью на его темно-синем кителе с нашивками флагмана первого ранга на рукавах, молчаливо свидетельствовали об этом.

– Иван Степанович, доложите свои предложения по проведению воздушно-морской операции, – обратился он к командующему Тихоокеанским флотом флагману первого ранга Юмашеву.

На груди Юмашева также сверкали ордена – Красного Знамени и Красной Звезды. Однако, в отличие от Кузнецова, после Гражданской войны в боевых действиях он не участвовал и оба ордена получил за успехи в боевой, политической и технической подготовке.

Заметно волнуясь, комфлота решительно подошел к плакатам со схемами и расчетами, развешанным на стене, и взял указку.

– Товарищ нарком! Товарищи командиры! – начал он взволнованно. – По данным агентурной разведки в состав оперативного соединения японского императорского флота под командованием вице-адмирала Иноуэ, так называемой «эскадры возмездия», входит до сорока крупных надводных кораблей! В том числе: третья дивизия линейных кораблей – линкоры «Фусо», «Конго», «Кириисима» и «Харуна» (все совсем недавно прошли модернизацию); седьмая дивизия крейсеров – тяжелые крейсера «Кумано», «Могамы», «Микума» и «Судзуя»; двадцать первая дивизия крейсеров – легкие крейсера «Тамма» и «Кисо»; четвертая флотилия эсминцев – легкий крейсер «Сендай» и двенадцать эсминцев типа «Асасио»; пятая флотилия эсминцев – легкий крейсер «Натори» и восемь эсминцев типа «Муцуки» и «Камикадзе»; вторая дивизия авианосцев – новейшие авиаматки «Сорю» и «Хирю» и седьмой дивизион эсминцев в составе четырех эсминцев.

Время выхода соединений эскадры на внешний рейд военно-морской базы Хакодате и построение в походный ордер – вечер шестнадцатого августа. То есть сегодня! По расчетам штаба флота завтра на рассвете эскадра окажется в пределах досягаемости нашей авиации и подводных лодок, – командующий налил себе из графина стакан воды и несколькими большими глотками осушил его.

– Замысел воздушно-морской операции по разгрому японской эскадры заключается в нанесении ряда последовательных, согласованных по времени ударов силами военно-

воздушных и подводных сил флота.

Для обеспечения своевременного обнаружения и уточнения ордера вражеской эскадры в районы предполагаемого маршрута японцев будут заблаговременно направлены экипажи летающих лодок шестнадцатого и сто пятнадцатого морских разведывательных авиаполков. В дальнейшем их основной задачей помимо разведки и информирования штаба флота о ходе боя будет являться подбор с воды подбитых или выработавших горючее экипажей.

После обнаружения эскадры противника в готовность раз переводятся все наличные силы и средства ТОФ, включая надводные корабли и подводные лодки, ВВС, ПВО, а также части и соединения Береговой обороны.

Первый удар по кильватерным колоннам линкоров и тяжелых крейсеров наносит тридцать четвертый бомбардировочный полк двадцать девятой тяжелобомбардировочной авиабригады с высоты четыре с половиной тысячи метров, в колонне звеньев с полуминутным интервалом между звеньями. Мы осознаем, что бомбардировка с горизонтального полета движущихся кораблей недостаточно эффективна, поэтому основной целью данного удара будет являться отвлечение ПВО противника.

Второй удар наносит восемьдесят пятый отдельный смешанный авиаполк особого назначения. Двадцать ТБ-3 «Звено СПб» с истребителями И-16 на внешней подвеске в колонне эскадрилий на высоте четыре тысячи метров должны прибыть к месту боя за пять минут до окончания первого удара. Отцепка истребителей производится после визуального обнаружения походного ордера эскадры. И-16, оснащенные бронебойными авиабомбами БРАБ-220, наносят бомбовый удар методом пикирования по тяжелым артиллерийским кораблям и авиаматкам противника. Основная задача – выведение из строя флагмана. После удара, не ввязываясь в воздушный бой, истребители уходят на бреющем и выполняют боевую задачу по прикрытию ТБ на обратном пути. После того как будет выработано все горючее кроме необходимого для того, чтобы добраться до берега, истребители уходят на свой аэродром. Прикрытие ТБ на последнем этапе полета будет осуществлять одна эскадрилья седьмой истребительной авиабригады.

Третий удар наносят торпедоносцы четвертого и пятидесятого минно-торпедных авиаполков двадцать девятой тяжелобомбардировочной авиабригады. Они должны прибыть к месту боя за одну минуту до окончания второго удара. В составе звеньев с разных направлений на бреющем полете торпедоносцы наносят удар по кильватерным колоннам линкоров и тяжелых крейсеров. Авиаматки, легкие крейсера и эсминцы противника являются запасными целями. А основной задачей торпедоносцев, я повторяю, основной задачей является потопление тяжелых кораблей противника.

Подбитые экипажи выходят из боя в западном направлении, устанавливают контакт с летающими лодками шестнадцатого и сто пятнадцатого мрп. В случае невозможности продолжить полет, покидают свои самолеты с парашютом.

Прикрытие бомбардировщиков и торпедоносцев над местом боя осуществляют истребители И-16 седьмой авиабригады, специально модернизированные для использования подвесных баков. Истребители поэскадрильно прибывают к месту боя одновременно с бомбардировщиками, наносящими первый удар. Каждая группа в течение десяти минут ведет воздушный бой с поднятыми в воздух истребителями ПВО противника, после чего под прикрытием следующей группы выходит из боя и в сопровождении летающей лодки следует на свой аэродром. Каждая группа истребителей будет обеспечена летающей лодкой, ожидающей их на небольшом удалении от места боя. В случае остановки мотора из-за выработки горючего, приказываю покидать самолет с парашютом. Летающим лодкам запрещаю возвращаться на базу, пока не будет подобран крайний пилот.

На этом воздушная часть операции заканчивается. Уцелевшими кораблями противника займется завеса подводных лодок. С этой целью в район боя будут стянуты двенадцать подводных лодок «Щука» и четыре подводных минных заградителя типа «Ленинец». «Щуки» нанесут торпедный удар по кораблям противника, а «Ленинцы» выставят на их пути минное заграждение, после чего также нанесут торпедные удары. Приказываю торпедные

удары наносить в первую очередь по неповрежденным тяжелым артиллерийским кораблям и только потом добивать поврежденные.

Все вернувшиеся на аэродромы самолеты должны быть немедленно подготовлены ко второму вылету. Если, паче чаяния, уцелевшие самураи продолжают движение к нашим берегам, после заправки и пополнения боекомплекта мы нанесем по ним новый удар!

Каждый командир сейчас получит пакет с оперативной информацией о противнике и конкретной боевой задачей его подразделения.

– Спасибо, Иван Степанович. – Кузнецов посмотрел на часы. – Если нет вопросов, прошу всех получить документы.

Командиры шумно задвигали стульями и, возбужденно переговариваясь, потянулись к начальнику штаба флота. Отсчет пошел...

Лейтенант Василенко развернул свой МБР и снова принялся утюжить порученный квадрат... На горизонте чисто... Они уже битых два часа мотались над серебрящимися под утренним солнцем волнами Японского моря, но ничего пока не обнаружили.

Подняв полк по тревоге, командир сто пятнадцатого морского разведывательного авиаполка майор Почиковский задачу поставил жестко и однозначно:

– Обнаружить вражескую эскадру и сообщить ее координаты в штаб ВВС флота любой ценой! По возможности вести наблюдение и сообщать о перемене курса и скорости эскадры противника. Но поскольку в составе ордера по данным агентурной разведки имеются авиаматки, близко не соваться, а то сожгут!.. Главное – найти супостата!.. А потом не потерять!

В кабину сунулся штурман экипажа лейтенант Николаев:

– Командир, тридцать третий сообщает, в квадрате пятьдесят семь – сорок пять чисто!

Василенко чертыхнулся:

– Ну и какого хрена! Докладывай, если что-нибудь обнаружат!

«Ромашка-тридцать три» – это позывной Кольки Сухорученкова. У Василенко позывной – «Ромашка-семнадцать». А «Клумба», понятное дело, штаб ВВС флота!

– Командир, – заорал борт-стрелок старшина Михеенко. – Дым на осте!

– Молодец, – похвалил его Александр. И стал разворачиваться с набором высоты.

Надо посмотреть, что там такое. Еще не факт, что это эскадра. Может каботажник какой-нибудь или траулер рыболовецкий!.. Ну и что, что война! Куда рыбаку податься! Семьи-то все равно кормить надо! Вот и рыбачат...

Врио начальника оперотдела штаба ВВС ТОФ майор Смирнов от радистов не отходил. А эфир жил своей жизнью...

– «Клумба», я – «Ромашка – тридцать один». Шесть пятьдесят пять. Нахожусь в квадрате пятьдесят семь – сорок четыре. Противник не обнаружен...

Это продолжалось с самого рассвета. И вдруг!.. Наконец-то!

– «Клумба», я – «Ромашка – семнадцать»! Семь ноль два. Нахожусь в квадрате пятьдесят семь – сорок шесть. Обнаружил эскадру противника!

Смирнов тут же выхватил микрофон у радиста:

– Семнадцатый, уточните состав, курс, скорость!

– Понял... Выполняю...

– Я – «Клумба»! Противник обнаружен в квадрате пятьдесят семь – сорок шесть. Всем сосредоточиться в квадрате пятьдесят семь – сорок шесть. Прием...

Посыпались доклады:

– «Клумба», я – «Ромашка-девятнадцать». Семь ноль четыре. Понял. Выполняю...

– «Клумба», я – «Ромашка-двадцать два». Семь ноль четыре. Понял. Выполняю...

В это время поступило сообщение от семнадцатого:

– Обнаружил эскадру противника. Курс двести девяносто. Скорость двадцать два. До сорока вымпелов. Впереди завеса эсминцев. Тяжелые корабли в двухкильватерных колоннах. Две авиаматки. Наблюдаю подъем самолетов.

– «Ромашка – семнадцать», я – «Клумба»! – Смирнов сжал микрофон. – В бой не

вступать! Приказываю уходить!..

– Повторяю... Нахожусь квадрате пятьдесят семь – сорок шесть. Обнаружил эскадру противника. Курс двести девяносто. Скорость двадцать два... Атакован. Веду бой...

– Семнадцатый, приказываю уходить! Как понял?... «Ромашка – семнадцать», я – «Клумба»! Приказываю уходить! Как понял?... Как понял?...

– «Клумба», я – «Ромаш...» – прошуршало в эфире, раздался треск, и все стихло.

Смирнов так стиснул микрофон, что у него побелели пальцы.

– Я – «Клумба»! Противник обнаружен квадрате пятьдесят семь – сорок шесть. Всем сосредоточиться квадрате пятьдесят семь – сорок шесть. Противник поднял истребители. Вступать бой запрещаю! Докладывать курс и скорость каждые пять минут!

– «Клумба», я – «Ромашка – тридцать три». Семь двадцать пять. Нахожусь квадрате пятьдесят семь – сорок шесть. Обнаружил эскадру противника. Курс двести девяносто. Скорость двадцать пять. Сорок вымпелов...

Лейтенант Сухорученков первым добрался до указанного квадрата. Он слышал все и все прекрасно понял: «Сожгли Сашку. Это точно, сожгли... У них там своя ПВО. И нас сожгут, если заметят».

Но шанс у них есть! На рожон они не полезут. Теперь незачем – Сашке спасибо!.. А будут они крутиться рядом. И время от времени проверять вражеский курс и скорость... Авось и не заметят!.. А потом еще ребята подтянутся, и будет повеселее. А потом самураям станет так весело!.. За Сашку они еще получат!.. И очень скоро!

Нет, не зря Почиковский каждый день начинал с летучки по опознаванию силуэтов линейных кораблей и крейсеров императорского флота Японии. Ошибиться было невозможно. Три пятибашенных, двухтрубных линкора типа «Конго» резали волну своими острыми форштевнями в кильватере за однотрубным шестибашенным «Фусо». Его гигантскую переднюю надстройку-пагоду пятидесятиметровой высоты нельзя было перепутать ни с чем!

В голове у Николая мгновенно всплыли вызубренные наизусть ТТД этого чудовища. Водоизмещение – сорок тысяч тонн, скорость – двадцать пять узлов, экипаж – тысяча четыреста человек, артиллерийское вооружение – двенадцать четырнадцатидюймовых орудий, четырнадцать шестидюймовых, восемь пятидюймовых зенитных пушек и шестнадцать зенитных автоматов!

Три других монстра немногим уступали своему флагману.

Во второй кильватерной колонне шли четыре тяжелых пятибашенных крейсера типа «Могамы». Их легко можно было узнать по лишней башне на полубаке и характерному наклону передней трубы, как бы приросшей к задней.

Вокруг обеих колонн шныряли эсминцы и легкие крейсера. А в середине строя ползли две плоские, очень похожие издали на две огромные баржи авиаматки. И на каждой шестьдесят самолетов, в том числе двадцать пять истребителей!

Нет, подпускать этих уродов к Владивостоку было никак нельзя!

Командир восьмидесят пятого отдельного смешанного авиаполка особого назначения комбриг Залевский положил телефонную трубку, выпрямился во весь свой немаленький рост, расправил плечи и посмотрел на часы. Было без пятнадцати восемь.

– Ну что там, Адам Иосифович? – поинтересовался его заместитель комбриг Сузи.

– Нашли!

– Где они? – Сузи склонился над картой.

– В семь двадцать пять были в квадрате пятьдесят семь – сорок шесть. Вся кодла! Курс двести девяносто. Скорость двадцать пять.

– Та-а-ак, поглядим... – Сузи отметил на карте положение противника и махнул карандашом вдоль линейки, отмечая курс.

– Собрать экипажи на инструктаж! – отрывисто приказал Залевский дежурному. – Ну что там? Когда будем поднимать полк?

– Сейчас прикинем... – На карте у Сузи разноцветными карандашами уже были

отмечены радиусы дальности полета с интервалом в пятнадцать минут. Он что-то быстро перемножил, а затем поделил на листке бумаги. – Если эскадра не поменяет курс и скорость, то у нас есть еще минимум час...

Восемьдесят пятый отдельный смешанный авиаполк особого назначения был сформирован на базе НИИ ВВС всего два месяца назад. Залевский прекрасно помнил, как в начале июня его вызвал к себе командарм второго ранга Локтионов и лично поставил задачу сколотить за две недели специальную авиа часть из летчиков-испытателей:

– Приказ самого товарища Сталина! Отбери самых лучших! Можешь сейчас набросать список?

– Хотелось бы уточнить задачи и состав полка, товарищ командарм.

– Будешь формировать отдельный полк особого назначения. Через неделю получишь двадцать тяжелых бомбардировщиков ТБ-3. Им сейчас моторы меняют. Еще получишь сорок «ишаков». «Воздушный цирк Вахмистрова» еще не забыл? А СПБ? Догадываешься о чем речь?

– Такое разве забудешь, товарищ командарм! – Залевский потер подбородок. Свой второй орден, Красную Звезду, он получил несколько лет назад, именно за испытания СПБ, составного пикирующего бомбардировщика. А первый, Красное Знамя, еще за бои с басмачами... – Двадцать ТБ-3 и у каждого по два И-16 с бомбами... Значит, так. Я, Сузи, Байдуков, оба Коккинаки, Степанченко, Стефановский, Супрун, Нюхтиков, Алексеев... Остальных возьмем в полку боевого применения. Оголяем НИИ... Лучшие кадры забираю, товарищ командарм!

– Это ничего. Главное, для нас – выполнить приказ товарища Сталина точно и в срок! Как только составишь списки экипажей, немедленно приступайте к тренировкам. Закажи все необходимое оборудование на опытном заводе. Доклад о ходе комплектования полка представлять мне ежедневно в двадцать три часа. О любых фактах задержки или, не дай бог, вредительства докладывать немедленно! Мне лично!

Задумавшись, Залевский не услышал, как к нему обратился дежурный.

– Что? – повернул он к нему свое до красноты обветренное, изборожденное морщинами волевое лицо.

– Разрешите доложить, товарищ комбриг! Экипажи собраны на КП.

– Пойдем, Томас Павлович... – махнул он рукой заму и вышел из кабинета.

Отсчет пошел... И остановить его уже было нельзя. Огромный маховик воздушно-морской операции разогнался все быстрее...

Митинг в четвертом минно-торпедном авиаполку начался в восемь утра. Торпеды были уже подвешены. Моторы прогреты. Оставалось вдохновить и поднять на бой людей.

Член Военного совета флота корпусной комиссар Лаухин поднялся на трибуну, одернул китель, звякнув орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА», и прокашлялся. Седой, матерый большевик Петр Лаухин откомиссарил уже более двадцати лет. И хотя, как и комфлота, не воевал с самой Гражданской, в отличие от него был в себе совершенно уверен. Дело свое он знал надежно и любил его всей душой.

Полк замер в строю.

– Товарищи! К нам обращается товарищ Сталин!.. Снова подлый враг поднимает руку на священные рубежи нашей советской Родины! Долго японские самураи точили свои мечи! Давно уже они зарятся на наш Дальний Восток! Одурманенные милитаристской пропагандой, они забыли кровавый урок, который получили у озера Хасан! Пиратская эскадра самураев рвется к нашим берегам! Настал решительный час пойти в бой за нашу советскую Родину!..

Один залп вражеского линкора – это пятнадцать тонн смертоносной стали, которая может обрушиться на наши города! Не допустим этого!.. Грудью защитим советский Дальний Восток!.. По личному указанию товарища Сталина все, я повторяю, все члены экипажей, нанесших удар по озверевшему врагу, будут награждены орденами! Командиры и штурманы экипажей, потопивших самурайский линкор или тяжелый крейсер, будут

награждены орденами Ленина, а остальные члены экипажа – орденами Красного Знамени. Наиболее отличившиеся будут представлены к званию Герой Советского Союза!.. За ВКП(б)! За Сталина! Смело в бой, товарищи! Ура!..

Пока над полком неслось раскатистое «Ур-р-ра!», корпусной комиссар уступил место комэска-три капитану Михайлову, который от лица всех летчиков полка поклялся умереть, но не пропустить врага к родным советским берегам. Потом от имени техсостава выступил военинженер третьего ранга Гуревич... Затем еще кто-то...

Пока комполка майор Портанский, все время поглядывающий на часы, не просигналил своему военкому, старшему политруку Гапоненко, что пора закругляться...

А потом наконец скомандовал:

– По самолетам!

Комэска-один капитан Павел Якушенко и его зам Петр Галушка переглянулись... Ну вот, все чему они учились сами и чему учили своих подчиненных последние полгода, наконец-то пригодится! Они пожали друг другу руки и побежали вслед за экипажами, каждый к своему торпедоносцу... Больше они никогда не увидятся.

Пока эскадрилья за эскадрилей четвертый минно-торпедный полк поднимался в небо, чтобы построиться и уйти на восток, шестьдесят бомбардировщиков СБ тридцать четвертого скоростного бомбардировочного авиаполка двадцать девятой тяжелобомбардировочной авиабригады ВВС ТОФ двумя колоннами на высоте четыре с половиной тысячи метров уже приближались к цели.

Разведчики вывели их на эскадру точно. Увидев врага, ведущий распахнул створки бомболюков. А это все равно, что команда «Товсь!» у моряков...

Во главе полка шел сам командир бригады трижды орденносец полковник Остряков, который решил принять личное участие в бомбардировке вражеской эскадры. И каждый пилот, каждый штурман, идущего за ним, как по ниточке, полка, знал, что у него на счету фашистский пират, потопивший советский транспорт «Комсомолец», доставлявший продовольствие для испанских детей. Остряков сумел рассчитаться за его гибель с германским броненосцем «Дойчланд», угостив его двумя фугасными бомбами (до сих пор стоит в ремонте)!

Пилоты понимали, что прямое попадание в корабль с горизонтального полета маловероятно, но каждый втайне надеялся, что из трехсот шестидесяти бомб во врага что-нибудь обязательно попадет. И это будет именно, его бомба!

С авиаматов стали подниматься истребители. Пока они набирали высоту, полк успел отбомбиться и неторопливо развернулся. Ведущий сбросил скорость, уплотняя строй. Стрелки докладывали, что бомбы накрыли цель. Прямых попаданий, к сожалению, отмечено не было, но водяные столбы поднимались очень близко от корабельных бортов, так что все может быть!

Истребители потихоньку догоняли. Но Остряков особо не беспокоился. Задание они выполнили! А эти пусть попробуют сунуться! Не считая штурманских, у него – шестьдесят стволов в задней полусфере!

В то время пока тридцать четвертый бап уходил на северо-запад, уводя за собой вражеские эскадрильи, с юга к месту боя уже подошел восемьдесят пятый отдельный смешанный авиаполк особого назначения.

Комбриг Залевский оглянулся. Огромные четырехмоторные ТБ с истребителями на внешней подвеске шли за ним, как на первомайском параде. Лучшие летчики-испытатели страны! У каждого за спиной огромный опыт! Не считая этих двух месяцев, во время которых они сожгли десятки тонн бензина и не одну тысячу часов моторесурса, тренируясь для выполнения именно этой задачи! Он дал команду разомкнуться, и гигантские машины послушно увеличили дистанцию и интервал.

Старший лейтенант Константин Коккинаки не сомневался в успехе. Он посмотрел сквозь стойки шасси ТБ на своего напарника Митьку Калараша. «Цыган» помахал ему рукой, мол, все в порядке! Конечно, в порядке! А как иначе! Володька за штурвалом наверху.

Довезет, поди... А уж потом и они свое дело сделают! Столько тренировались! Баржу эту, несчастную, раздолбали в дребезги. А потом еще одну, и еще... Командование барж не жалело. А им какой резон? Оторвались по полной! Глядя на них, даже братан загорелся, упросил командира дать и ему разок побомбить. Хотя по всем раскладам ему, без вариантов, падало за штурвалом ТБ скучать, пока они дело делать будут.

«Впрочем, Героя он уже имеет!» – подумал Константин.

За апрельский беспосадочный перелет на самолете «Москва» через Атлантику в Североамериканские Соединенные Штаты Владимира Коккинаки наградили орденом Ленина и медалью «За отвагу», хотя понятно, что за такой перелет положено никак не меньше Героя! Ему и присвоили бы, да только он Героем уже был, поэтому и выдали ему тогда такой странный комплект. Потому что тогда, весной, дважды еще не давали.

«Зато теперь дают!» – подумал Костя. Так что у Володьки появился шанс!

В этот момент флагман подал команду «Сброс!» и сорок «ишаков» с бронебойными двухсотдвадцатикилограммовыми авиабомбами (фугасными одиннадцатидюймовыми артиллерийскими снарядами с приваренным стабилизатором) под каждым крылом одновременно отошли от подкрыльевых ферм и, набирая скорость, заскользили вниз...

Майор Супрун плавно толкнул ручку вперед. Наконец-то!

– Ат-т-така! – скомандовал он сам себе и рванулся вперед.

Многие пилоты мечтают стать летчиками-испытателями. И действительно, это профессия, требующая особого мужества! Но, знали бы они, как порой хочется испытателю стать простым боевым летчиком и сразиться с врагом лицом к лицу! Ведь все они, в сущности, были летчиками-истребителями, бойцами. А до этой минуты он пока сражался лишь с самим собой да с новыми машинами!

Валерий как-то рассказывал, что когда в тридцать седьмом был в Париже на авиационной выставке, то просился в Испанию, дескать, тут недалеко. Но ему наотрез отказали! Действительно, а вдруг там его собьют! Понятно, почему Валерий так обижался. Чкалова собьют?! Хотя в бою всякое бывает. Могут и сбить.

Степану повезло, что он когда-то участвовал в испытаниях «самолета-звена», а то и на этот раз не попал бы на войну. И не только потому, что летчик-испытатель.

Год назад всего чинуши из ниишней парторганизации чуть-чуть не отняли у него партбилет. У орденоснца, у депутата Верховного Совета! А, впрочем, сколько их уже неизвестно где сгнуло этих депутатов... Но товарищи его отстояли.

«Так что прошли вы по краешку, Степан Палыч!» – сказал себе майор и перешел в пике, заходя на флагманский линкор.

Все цели были поделены заранее. Флагман должны были атаковать восемь пикировщиков. Шестнадцать бомб. На остальные крупные артиллерийские корабли выделялось по четыре истребителя. На авиамайки выделили по два. Главное – линкоры!

Они падали на корабли, и никакая сила не смогла бы их удержать!.. И не удержала!

А промахнуться они не могли!.. И не промахнулись!

Лейтенант Сухорученков продержался до начала процедуры. Николай поступил похитрому. Скользнув вдоль края горизонта и определив скорость и курс противника, он уходил в сторону, садился на воду и докладывал. А через какое-то время поднимался, догонял врага и опять уходил в сторону. Так и дотянул до начала боя...

Здесь уж самураям стало не до него, и можно было подобраться поближе и посмотреть. А посмотреть было на что! Штурман щелкал своей «лейкой», только успевал! Сначала отбомбился полк СБ. Как и следовало ожидать, без особого успеха. Так, поцарапали пару крейсеров, да один эсминец встал, окутавшись паром.

Зато потом непонятно откуда на эскадру свалилось четыре десятка «ишаков». Да еще и с бомбами. И понеслось... Эти накрыли точно! Бомбы рвались на палубах, на мостиках, вдоль бортов. Да как рвались! Любо-дорого посмотреть!

Круче всего досталось флагману! Получив и в нос, и в корму, он вильнул и, накренившись, выкатился из строя. Перепало и остальным. Строй нарушился. Начались

пожары... А потом один из кораблей взорвался!

Это надо было видеть! Рвануло так, что их МБР чуть-чуть не перевернуло! Огненный столб поднялся метров на триста! А километровый черный гриб дыма, наверное, был виден из Владика!

Авиаматки загорелись не сразу. А уж когда загорелись, то пришлось Николаю подняться повыше из-за дыма, чтобы ничего не упустить из виду... И вовремя. Потому что в этот момент на эскадру сразу с двух сторон ринулись торпедоносцы...

Японцы палили по ним из всех стволов. Николай поежился. Это походило... Это ни на что не походило! Огненные трассы и разрывы прошивали все видимое пространство! И сквозь этот кошмар на бреющем неслись отважные ребята на ДБ.

Комэска Якушенко выбрал цель и направил на нее самолет. Вокруг творилось что-то невообразимое. Внезапно его левый ведомый лейтенант Ищенко напоролся на водяной столб и, разламываясь на части, рухнул в воду. Павел прикусил губу.

Мгновение спустя снаряд попал в один из моторов его правого ведомого старшего лейтенанта Павлова. Винт остановился, он задымил и начал терять высоту, отставая, и поймал при этом еще несколько снарядов.

– На боевом! – скомандовал флаг-штурман эскадрильи старший лейтенант Чернов.

Якушенко упрямо шел через разрывы. Вражеский корабль быстро увеличивался в размерах. Скорость. Высота. Дальность.

И в этот момент несколько снарядов один за другим словили они сами. ДБ на секунду словно остановился в воздухе. Запахло дымом. Во рту было полно крови. Похоже, он прокусил губу насквозь... Удерживая самолет на курсе, Павел бросил взгляд по сторонам. Горели баки...

«Вот и все» – спокойно подумал он.

– Штурман! – крикнул Якушенко, но ему никто не ответил. – Штурман!

Бросать торпеду было уже поздно. Он и не стал ее бросать... Прямо перед ним вырос высокий борт ощерившегося стволами самурайского линкора. И капитан, не колеблясь, толкнул ручку вперед, целясь прямо в этот ненавистный вражеский борт.

Петр Галушка бросил торпеду вовремя и проскочил прямо над дымящей трубой японского линкора. Вихляя самолетом туда – сюда, он то нырял под трассу, то кренился, то скользил в бок... Мыслей не было. Он видел, как, дымя и разгораясь на глазах, самолет его лучшего друга и боевого командира, так и не отвернув, врезался в головной корабль и исчез в огне огромного взрыва... Глотая слезы, Галушка швырял свой ДБ из стороны в сторону до тех пор, пока не вырвался из этого ада. Крылья были в дырах, но движки гудели, и самолет летел... Боже мой... Что он скажет Галине?

Лейтенант Сухорученков смотрел на все происходящее издали, как ему и предписывалось «Наставлением по боевому применению разведывательной авиации», и тоже глотал слезы... Он не знал, кто были эти парни, погибающие у него на глазах, но не сворачивающие с курса. Но он знал очень многих из тех, кто шел в эту атаку...

А над ним вовсю шел бой между «ишаками» и палубными истребителями. И дымные хвосты расчертили небо во всех направлениях. Тут и там висели парашюты.

Нет, этот день ему не позабыть. Не знал еще лейтенант Сухорученков, что будет этот день сниться ему каждую ночь всю его оставшуюся жизнь...

В глубоком бетонном бункере командного пункта Тихоокеанского флота наркому ВМФ принесли сводку потерь. Кузнецов приказал соединить его с Москвой. Когда связь была установлена, он взял трубку и непроизвольно вытянулся по стойке «смирно»:

– Докладываю, товарищ Сталин! Силами Тихоокеанского флота набег вражеской «эскадры возмездия» на наши берега сорван! Противник понес очень тяжелые потери! Комбинированной атакой пикировщиков и торпедоносцев потоплен линкор и два тяжелых крейсера, один из которых взорвался, сильно повреждено три линкора и два тяжелых крейсера, один из которых потом затонул на переходе. Загорелись и затонули обе авиаматки. По докладам командиров подводных лодок потоплено три легких крейсера и четыре

эсминца, подорвались на минах и затонули еще один легкий крейсер и один эсминец. В ходе воздушных боев сбито более двадцати самолетов противника.

– Очень хорошо, товарищ Кузнецов! Значит, не так сильны оказались на море эти милитаристы!

– Так точно, товарищ Сталин!

– А каковы наши потери?

– Наши потери составили двадцать семь торпедоносцев ДБ-3, четыре бомбардировщика СБ, двадцать истребителей И-16 и одиннадцать разведчиков МБР-2. С воды подобрано девятнадцать экипажей. Летчики и штурманы проявили массовый героизм и самоотверженность, товарищ Сталин! Во время боя было совершено пять огненных таранов!

– В кратчайший срок подготовьте представление о награждении всех отличившихся в этом сражении.

– Слушаюсь, товарищ Сталин!

Глава 4. «Когда нам даст приказ товарищ Сталин...»

Владивосток, середина августа 1939 г.

Когда лейтенант Полищук, по прибытии во Владивосток, явился в штаб ВВС флота и получил назначение младшим летчиком в четырнадцатый истребительный авиаполк, то очень обрадовался. Потому что заочно с этой частью породнился, крепко подружившись в поезде с Вовкой Малаховым, который служил комзвена первой эскадрильи именно в четырнадцатом ИАПе.

Так что, прибыв в полк и доложившись в штабе, он набрался смелости и попросился в первую эскадрилью.

Начштаба капитан Марченко удивленно приподнял бровь:

– А почему именно в первую?

– Ехал в соседнем вагоне со старшим лейтенантом Малаховым от самой Москвы, товарищ капитан. Подружились...

– Понятно... Ну, тогда не возражаю! Боевая дружба – это святое!.. Пойдешь, значитца, у нас в первую. Между прочим, у Малахова как раз одного ведомого не хватает. Лейтенант Блинов уехал на курсы командиров звеньев... Значитца, так... Куценко мы переведем налево, он уже достаточно в правых ведомых походил, набрался опыта, а тебя запишем направо, – капитан что-то чиркал у себя на схеме.

Старший лейтенант Малахов обрадовался назначению Николая в свое звено не меньше, чем он сам. Потому что еще в поезде ему очень приглянулся этот скромный худощавый паренек. Так что, попав в январе тридцать девятого в дружную семью морских летчиков, Николай был принят как родной и очень быстро и совершенно незаметно стал своим.

Первой эскадрилей четырнадцатого авиаполка командовал капитан Душин. Это был опытный боевой командир.

Но в морскую авиацию он попал не сразу. Призвавшись в двадцать девятом, красноармеец Душин для начала около года прослужил в артиллерийском полку. Служил бы и дальше, но однажды вызвал его военком и неожиданно сказал:

– Товарищ Душин, есть мнение направить вас в военную школу пилотов.

Алексей опешил:

– Но как же так... Но почему я?

– Вы же коммунист, товарищ Душин! Какой у вас партийный стаж?

– Четыре года, товарищ военком. Вы же знаете...

– Знаю. Значит, и вы должны знать, что такое партийная дисциплина! – комиссар встал из-за стола и прошелся по комнате. – Партия укрепляет военно-воздушные силы проверенными партийцами! Образование вам позволяет – десятилетка за спиной. И полковую школу младших командиров вы закончили с отличными оценками. Я верю, что и в авиашколе вы не посрамите чести нашего полка!

Вот так Алексей Душин и оказался в седьмой Сталинградской военной школе пилотов, после окончания которой был оставлен в ней летчиком-инструктором.

А в морскую авиацию он попал пять лет назад, когда его назначили командиром звена и, по совместительству, начальником парашютно-десантной службы отдельной тридцать второй эскадрильи ВВС Тихоокеанского флота.

В октябре тридцать седьмого шестерых морских летчиков-тихоокеанцев, подавших рапорта с просьбой направить их в Испанию, вызвали в Москву. Но в Москве пункт их назначения вдруг диаметрально поменялся. И все они оказались не в Испании, куда так стремились, а в Китае, где в это время тоже шла кровопролитная война.

В Китае старший лейтенант Душин летал на «чиже», биплане И-15 бис, сбил трех самураев и был награжден орденом Красного Знамени.

Летом тридцать восьмого он вернулся на родину. Ему досрочно присвоили капитана, назначили комэска в четырнадцатый ИАП, и предоставили отпуск.

Но толком отдохнуть во флотском санатории на берегу Амурского залива ему не удалось... Самураи не позволили, будь они не ладны!

И пришлось капитану Душину вместо заслуженного отдыха опять бить им морду. В коротких, но кровавых боях у озера Хасан.

Так что, когда ранним августовским утром на полковом митинге наконец-то прозвучал приказ товарища Сталина о наступлении, комэска был искренне рад.

«Давно пора!» – думал он. И точно также думали его товарищи, как, впрочем, и все остальные, кто хоть немного послужил на Дальнем Востоке.

Когда началось, четырнадцатый полк сразу перевели в готовность раз. Все эскадрильи по очереди летали на прикрытие военно-морской базы Владивосток. Лейтенант Полищук сделал десять вылетов, но встреч с японцами пока не было.

Слишком много забот появилось у самураев в районе озера Ханка, где войска Приморского фронта ожесточенно штурмовали укрепрайоны. Сухопутная авиация со своими задачами справлялась, и командующий ВВС фронта Герой Советского Союза комдив Рычагов помощи у флотских пока не просил.

Поэтому над Владивостоком в высоком безоблачном августовском небе до сих пор летали только красnozвездные истребители. Впрочем, все понимали, что это ненадолго, что этот город будет самой главной целью самурайских бомбардировщиков, как только японское командование придет в себя от первого ошеломляющего удара.

Но опасность, как водится, пришла совсем с другой стороны... Вместе с другими летчиками полка довелось Николаю поучаствовать в разгроме «эскадры возмездия».

К Владивостоку, как сообщил им комполка майор Петров во время постановки боевой задачи, рвались тяжелые артиллерийские корабли врага в сопровождении авиаматок. Чтобы обрушить на беззащитный город снаряды и бомбы.

– С интервалом в десять минут полк поэскадрильно должен прибыть к месту боя и обеспечить прикрытие бомбардировщиков и торпедоносцев от атак палубной авиации противника. Лидировать каждую группу будет специальный СБ. Чтобы не блудили. Время боя каждой эскадрильи – десять минут! И не секундой больше! Выход из боя прикрывают сменщики. А на обратном пути каждую группу будет сопровождать летающая лодка, чтобы подобрать тех, у кого кончится горючее вдали от берега.

Подвесные баки на «ишаках» были уже подвешены и заправлены. Их полк еще в июне перевооружили этими модернизированными истребителями с увеличенной дальностью полета. А еще на них стояли пушки!

– Боезапаса не жалеть! – приказал комполка. – По машинам!

Они летели долго. Полет по маршруту над морем сильно отличается от полета над землей по маршруту такой же дальности. Однообразная зеленовато-синяя, блестящая поверхность моря с высоты кажется застывшей. Кажется, что самолет просто завис в одной точке и все! Мерное гудение мотора нагоняет сон... И в какой-то момент летчик просто засыпает с открытыми глазами... Чем это чревато, объяснять не надо. Но Николай полеты

над морем любил, потому что просто любил море. И постоянно оттачивал ориентировку по компасу, часам и солнцу. Не зря, значит...

В этот момент СБ, лидирующий их эскадрилью, покачал крыльями и отвалил в сторону. И действительно, теперь они могли обойтись и без него.

Над Японским морем поднималось несколько толстых черных столбов и целые облака такого же густого черного дыма. Эскадра горела качественно. Многие корабли накренились. Часть из них очень сильно. И было ясно, что эти точно затонут. Обе авиаматки, кстати, относились к их числу...

Капитан Душин подал команду «Делай как я!» и сбросил опустевшие к этому времени баки. Эскадрилья, выполняя приказ командира, сделала то же самое. Набирая скорость, они со снижением понеслись к месту боя, где на маленьком пространстве крутились десятки самолетов. Небо было расчерчено сверкающими трассами и веревками черных дымных хвостов. Кое-где в воздухе уже висели парашюты...

Успевшие взлететь самураи остервенело кидались на красноразвешенные машины, желая отомстить за свою гибель подороже, потому что их авиаматки тонули, а долететь до своего берега самим, после долгого боя, шансов у них почти не было.

Душин должен был сменить четвертую эскадрилью тридцать девятого полка их же седьмой истребительной бригады, отвоевавшую свои десять минут, и прикрыть ее выход из боя.

А бой был самый что ни на есть серьезный!

Драться самураи умели, потому что все прошли стажировку в Китае и имели солидный боевой опыт. Однако и на этот раз пострелять Николаю не удалось. Он держался за ведущим как привязанный, но никто к командиру в хвост не заходил, так что отбивать его от озверевшего врага Николаю не пришлось.

А старший лейтенант Малахов сумел-таки зацепить одного из самураев длинной очередью, но не видел, упал тот или нет. Некогда было. Их время кончалось, и на смену им уже подходила вторая эскадрилья. Он оглянулся. Левый ведомый потерялся, чего и следовало ожидать в такой круговерти. Владимир посмотрел направо и удивленно присвистнул. Николай был на своем месте!

«Молодец, Колька!» – подумал он и качнул крылом. Делай, как я!

Они оба пикированием вышли из боя, а потом пошли на запад к месту сбора, по ходу дела набирая высоту, как и было уговорено перед вылетом.

Когда все собрались и встали на курс, капитан Душин осмотрел строй. Троих не хватало. И все как один левые ведомые!

Он чертыхнулся... Из левых уцелел только замкомэска капитан Тельнов. Опытный пилот то ли удержался за ним в бою, то ли, оторвавшись и оставшись один, не растерялся и не дал самураям себя сбить. Скорее всего, именно так оно и было.

«Пора, пора менять тактику...» – думал Душин.

Уже в Китае было ясно, что в бою три самолета рядом в звене не удерживаются. Во время резких эволюций один из ведомых обязательно отрывался. Или правый, если командир делал крутой правый вираж, или левый ведомый, если вираж был левым.

В ходе тренировок они отрабатывали и тот, и другой элемент. Поэтому потери и правых, и левых ведомых вроде должны были быть одинаковыми. Но жизнь вносила свои поправки в эти невеселые расчеты. В горячке боя пилоту удобнее сделать левый вираж. И он инстинктивно толкал ручку влево. И тогда, чтобы не столкнуться с ведущим, именно левому ведомому приходилось давать ручку еще круче, так что потом догнать строй звена он уже не мог. Вот почему комэска сегодня не досчитался столько левых...

Он опять чертыхнулся... Четверть эскадрильи в одном бою потерять! Вдобавок это были наиболее опытные летчики в звеньях после комзвена!

«Необходимо сокращать звено до пары, а лучше сделать звено из двух пар!» – подумал Душин. Но зависело это, увы, не от него.

И тогда он решил построить боевую учебу иначе. Нет, они, конечно, будут

отрабатывать слетанность, одиночный и групповой бой. Но основные усилия он бросит на отработку боя именно в паре! И составит новое расписание ведомых так, чтобы при подходе к месту боя ребята сами по парам разбирались. И тогда он не будет больше из-за устаревшей тактики терять хороших пилотов и замечательных парней.

Комэска пристроился к лидирующему СБ, и они пошли домой. Где-то ниже должен был идти их МБР. Капитан накренил самолет и пошарил взглядом. Да, все как в аптеке! Летит ниже... Караулит... Это хорошо!

Начальник Управления ВВС аккуратно положил трубку телефона. В ушах у него все еще стоял негромкий голос наркома обороны СССР товарища Сталина:

- Здравствуйте, товарищ Локтионов! Помните, вы обещали нам господство в воздухе?
- Так точно, товарищ Сталин! И мы делаем все возможное!
- Политбюро довольно тем, как вы держите свое слово.
- Спасибо, товарищ Сталин! – выдохнул Локтионов с огромным облегчением.
- Моряки очень хвалят ваш полк особого назначения. Он сыграл важную роль в разгроме самурайской эскадры! Помог остановить ее на пути к Владивостоку. Нарком ВМФ готовит представление отличившихся в этом сражении к высоким правительственным наградам. Я думаю, вам надо связаться с ним по этому вопросу... Проконтролировать.
- Слушаюсь, товарищ Сталин!
- Вы запланировали бомбежку японских островов?
- Так точно! Все расчеты подготовлены и доведены до исполнителей. Ждем приказа.
- Считайте, что вы получили такой приказ! Эти милитаристы хотели нанести удар по нашим мирным городам... Это не должно остаться безнаказанным! Проучите их как следует! До свидания, товарищ Локтионов!

Командарм нажал на кнопку звонка, и в кабинет вошел порученец с блокнотом и карандашом в руках.

– Немедленно направить шифровку в первую и вторую отдельные авиационные армии Резерва Главного командования и ВВС Приморского фронта... Командующему, «Хризантема», подпись... И свяжите меня с наркомом ВМФ...

Порученец вышел, аккуратно закрыв за собой дверь. Локтионов потер виски руками.

Отдельная авиационная армия РГК предназначалась для решения оперативных и стратегических задач в ходе самостоятельных воздушных операций. Командующий армией пользовался правами командующего войсками округа и подчинялся непосредственно наркому обороны. В ходе Маньчжурской стратегической операции все три имеющихся армии были временно переподчинены главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке и действовали в интересах фронтов. Первая – Приморского, вторая – Дальневосточного, а третья – Забайкальского.

Отдельная авиационная армия Резерва Главного командования – это была сила! Более трехсот самолетов, в том числе свыше ста восьмидесяти бомбардировщиков ТБ-3! И вот теперь вся эта сила обрушится на врага!

«Мы их проучим, как следует, товарищ Сталин!» – подумал Локтионов.

Кодовое слово «Хризантема» означало нанесение максимально мощного удара по островной Японии всеми наличными силами обеих армий и ВВС Приморского фронта. А у Рычагова тоже имелось, чем ударить по врагу. Свыше сотни ТБ! Кроме того, к массированному удару привлекались ВВС ТОФ, по согласованию с Кузнецовым, конечно. Все планы были утрясены до мелочей еще месяц назад и сразу доведены до тех, кому это было положено.

И Локтионов, и Кузнецов, и Рычагов, да и все остальные, без исключения, знали, что те, кто по какой-то причине не выполнил указания товарища Сталина, другой такой возможности уже не получал. Поэтому относились к таким указаниям максимально ответственно!

Так или иначе, сегодня вечером более пятисот ТБ, под завязку загруженные зажигательными и осколочно-фугасными авиабомбами, а брали они их до пяти тонн,

поднимутся с приморских аэродромов и перед рассветом нанесут по Японии такой удар, что знаменитое землетрясение двадцать третьего года, разрушившее Токио и унесшее сотни тысяч жизней, покажется им просто мелкой неприятностью!

Тонные авиабомбы они оставят для укрепрайонов в Маньчжурии. И никакие военные объекты сегодня бомбить не будут. Сегодня они нанесут удар по населенным пунктам небольшими зажигательными бомбами. Дома в японских городах в большинстве своем деревянные, а плотность населения превышает все мыслимые нормы. Так что получают самураи по полной программе! А завтра днем ДБ-3 им еще добавят, а заодно оценят масштабы разрушений.

Пятьсот раз по пять тонн – это две с половиной тысячи тонн...

«Тысяча – это значит кило, – подумал Локтионов. – То есть две с половиной килотонны. Должно как следует подействовать, товарищ Сталин!»

Командующий первой отдельной авиационной армией РГК комбриг Тхор получил шифrogramму с условленным сигналом «Хризантема» восемнадцатого рано утром. И это было хорошо. Потому что у него оставалась еще уйма времени, чтобы подготовить машины и экипажи к ночному вылету. Это было хорошо еще и потому, что сегодня была суббота, а завтра, стало быть, будет воскресенье... Они им устроят День Воздушного флота СССР!.. Точнее, ночь!

«Тепленькими возьмем! – подумал комбриг. – В коечках!»

График вылетов для каждого полка у него лежал в сейфе. Пойдут они ночью, поэтому пойдут поодиночке с интервалом в одну минуту. Каждый на свою цель. Все пилоты у него отлично летали ночью и в простых, и в сложных метеоусловиях. И штурманы были что надо! Впрочем, согласно метеорологической сводке, погода обещала быть хорошей на всей территории Японских островов. И ночь как по заказу лунная. И это тоже здорово облегчит прицеливание. Хотя на самом деле особо целиться не придется. Цели – площадные...

Григорий Тхор самураев ненавидел.

Он отлично помнил, как в декабре тридцать седьмого года, после того как правительство Чан Кайши и гоминдановские части в спешке покинули столицу, самураи устроили в Нанкине жуткую резню.

Армия ушла, а гражданское население осталось. Его самураи и наказали.

За шесть недель было убито четыреста тысяч китайцев... Зарезаны, расстреляны, закопаны живыми... Только в Янцзы было утоплено более ста пятидесяти тысяч человек... Им рубили головы, их привязывали к столбам и отрабатывали удары штыком, их травили овчарками... Десятки тысяч девочек и женщин всех возрастов, перед тем как их убили, были жестоко изнасилованы солдатней...

В мае прошлого года майор Тхор пролетел над Кюсю среди бела дня на ТБ-3 с белыми двенадцати лучевыми китайскими звездами в синем кругу на крыльях. Они облетели остров и вернулись обратно.

Четыре тысячи кэмэ, в том числе две – над морем.

К Нагасаки они подошли на рассвете. Точно над центром города открыли люки и отбомбились... Листовками... А надо бы было бомбами!

Григорию читали, что было написано в этих листовках: *«Если ты и дальше будешь творить безобразия, то миллионы листовок превратятся в тысячи бомб...»*

И все. А что делать! Приказ был такой! Предупредить. И все!

Потом они прошли над военно-морской базой Сасебо. ПВО настолько охренело, что не сделало ни одного выстрела. Следующая цель – авиабаза в Фукуока. И ни один истребитель не поднялся на перехват! А ведь давно уже должны были проснуться! Ну, они их тоже листовочками попотчевали. И сделали ручкой!

Слетали на разведку, так сказать... А сегодня он поведет своих соколов на тех же бомбардировщиках, но уже с красными звездами! Не маскируясь под китайцев! И не с листовками, а с пятью тоннами бомб на каждом! И не шесть машин, как в прошлом году, а сто восемьдесят три! Мало им не покажется!

Комбригу Тхору не за что было любить самураев еще по одной причине...

Это из китайской командировки Наталья его не дождалась! И, слава богу, что он ее так и не нашел тогда, а то стрельнул бы сгоряча. А потом – себя. Но не нашел... Хотя и к ее родителям съездил, и к своим. И подруг ее навестил, и просто общих знакомых. И даже к родителям Васильева, этой комиссарской сволочи, наведалься! Как в воду канули оба! Эх, мало времени у него было тогда! Ничего, вот покончит с самураями и займется. Ему уже подсказали, где их поискать можно. Начальник особого отдела армии по его личной просьбе справки навел потихоньку.

И за что ему судьба такая несчастная выпала! А ведь он так ее любил! Любит! Дуру эту! А за что и сам не знает. Вышло так.

Носила его судьба по разным странам, очень далеко от любимой женщины и очень долго. По возвращении он, конечно, наверстывал, упущенное. Но ей надо было другое!

«Чтобы все время при ней был! – подумал Григорий. – Каждую ночь!»

Он скрипнул зубами. Забыть он ее не мог! Такую страстную, такую горячую! А она!.. Сбежала! И с кем!.. С этой сволочью гладкорожей!

Первый раз жена с ним развелась, когда он был в Испании.

С октября тридцать шестого по июнь тридцать седьмого он сделал там более ста вылетов на СБ и «Потезе». Сто пятьдесят тонн бомб выгрузил на мятежников! За что получил два ордена Красного Знамени и майора досрочно.

А возвратился на Родину и узнал, что уже несколько месяцев в разводе! Вот так!.. Но тогда он ее все-таки уговорил вернуться... Сошлись они опять. Даже расписались по новой... Наталья, наверное, решила, что командира бригады и трижды орденоносца, а у него еще и «Веселые ребята» имелись за успехи в боевой и политической, не пошлют больше никуда.

Ан нет! Потребовался он в Китае!.. И поехал... А надо было отказаться! Но разве откажешься! Он ведь красный командир, коммунист!

В Китае Григорий летал поменьше. Был военно-воздушным атташе и главным советником по авиации. Но иногда все-таки участвовал в боевых вылетах. И приехал назад еще с двумя орденами – Ленина (за остров Кюсю) и Красного Знамени! И с тремя шпалами полковника в петлицах... Было чем перед Натальей оправдаться за очередную десятимесячную отлучку!

И на тебе!.. Не просто развод. Развод, это само собой!.. Если бы просто развод! Дверь в квартиру заперта, повсюду пыль. Ни записки, ни доброго слова, ни матерка напоследок! Ребята знакомые подсказали, что спуталась она с этой сволочью... А когда он из кадров уволился, уехала с ним. И ребенка забрала.

– Вызывал, Григорий Илларионович? – в дверь заглянул флаг-штурман армии Герой Советского Союза комбриг Данилин.

– Заходи, Сергей Алексеевич! – Тхор отпер сейф и достал оперативные документы по операции «Хризантема». – Будем думать, как приказ исполнять!

И приказ был ими исполнен! Да как!.. Было дотла сожжено более сотни крупных и средних населенных пунктов, начиная от Токио и Киото и заканчивая никому не известной Хиросимой!

Рев пламени, взрывы бомб и свист осколков заглушали крики погибающих. Бежать самураям было некуда, потому что вслед за одним отбомбившимся ТБ, шел другой. И это длилось до самого утра. Впрочем, огонь пожаров превратил эту ночь в день! А дым, поднявшийся над пепелищами, следующий день превратил в ночь...

Ничего толком разглядеть в этом дыму ДБ-3, летавшие утром на фотоконтроль, естественно, не смогли. Было видно лишь, что Япония продолжает гореть, хотя, что там могло еще гореть, было непонятно. Впрочем, свою долю бомб на вражью землю ДБ тоже вывалили.

Проучили самураев сталинские соколы! Как следует! И отомстили за Нанкин.

Однако Императорский флот и армия Японии не понесли особых потерь, потому как

целью налета являлись не военные объекты, а городские кварталы! Поэтому следовало готовиться к ответному визиту!

Он себя долго ждать и не заставил. Уже через три дня разведка обнаружила новую японскую армаду на пути к Владивостоку. Шел почти весь Императорский флот!

Но беда этого флота была в том, что воевать-то ему, по сути, было не с кем.

С десяток кораблей советской постройки, самый большой из которых эсминец (одна штука), он же флагманский корабль, вот и весь надводный Тихоокеанский флот! Катера не в счет... После Цусимского побоища крупных военных кораблей, кроме как с восходящим солнцем на флагах, в этих водах больше не видели!

Но отомстить за гибель невинных стариков, женщин и детей жутко хотелось не только адмиралу Ямамото и его штабу, но и самому распоследнему палубному матросику. У каждого кто-то из родных погиб. А у многих погибли все. Поэтому ринулся Императорский военно-морской флот на Владивосток, чтобы хоть что-нибудь сжечь, взорвать, уничтожить!

Но флагманы первого ранга Кузнецов и Юмашев свой кусок масла на хлеб мазали не задаром. Знали они, как врага остановить, и к Владивостоку не допустить, чтобы не пойти потом по этапу (что было бы слишком неправдоподобно), или в подвале затылком чекистскую пулю не словить (что вернее)!

Скрытные минные постановки на разведанных и предполагаемых маршрутах движения самураев советские моряки начали ставить еще за несколько недель до начала боевых действий. А за эту неделю мин вывалили столько, что Японское море превратилось в «суп с клецками»!

У Рабоче-крестьянского Красного флота плавать тут все равно нечему, так что получите и распишитесь! Мины бросали везде, где только можно! Со всего, с чего только можно! И с кораблей, и с катеров, и с подводных лодок, и с самолетов. И даже с мобилизованных и дооборудованных на скорую руку рыболовецких траулеров и шхун... Тысяч десять с гаком, если вместе с минными защитниками посчитать, выставить успели.

Поэтому ничего у Императорского флота не вышло! Как начали рваться шары рогатые у бронированных чудовищ под днищем, так и стали они отправляться в гости к Нептуну один за другим. И опять эти торпедоносцы!.. И пикировщики!.. И подлодки...

Пришлось адмиралу Ямамото возвращаться обратно несолоно хлебавши. Половина его кораблей легла на дно, а остальные были побиты и требовали серьезного ремонта.

Вот тогда-то и начались варварские бомбардировки Владивостока...

Двадцать третьего августа лейтенант Полищук в составе полка вылетел по тревоге. Поднявшись с корейских аэродромов, к городу шло более ста самурайских бомбардировщиков в сопровождении большого количества истребителей.

Был поднят не только их полк, а вся седьмая истребительная бригада. Но и этого было недостаточно для отражения налета. Поэтому пока подспеют сухопутные, им было приказано, не ввязываясь в бои с истребителями, жечь бомбардировщики! Ведомые ведут бой самостоятельно! Любой ценой не допустить самураев к городу и якорным стоянкам флота!

Они успели набрать высоту и перехватить их на подходе.

То, что увидел Николай, заставило забиться его сердце очень сильно... Огромная серебристая колонна, девятка за девяткой, как на параде, шла в плотном строю с открытыми бомболюками. А вокруг, играя бликами солнца на плоскостях и остеклении кабин, роились тучи истребителей. Более двухсот машин с красными кругами на крыльях!

Но сердце у него забилося вовсе не от страха. Не то чтобы он совсем не боялся. Боялся, конечно! Но не того! Не вражеской пули... Боялся лейтенант Полищук, что слишком мало его товарищей в небе, что не хватит их на всех самураев! Что прорвется какая-нибудь тварь к этому прекрасному городу и сбросит бомбы на его чистые, зеленые улицы!

Командир полка качнул крылом, и они посыпались на врагов со стороны солнца.

Николай был абсолютно спокоен и, когда большой двухкилевой бомбардировщик залез в прицел на встречном курсе, вогнал пушечную очередь в пилотскую кабину. И увидел, как

полетело во все стороны разбитое стекло, а самолет резко перешел в пике. Есть один!

Проскочив вниз и снова, набирая высоту, Николай вышел снизу к следующей девятке. Чтобы ударить в незащищенное брюхо. И ударил!.. И опять удача! Длинная очередь Николая пришлась прямо в бензобак, и бомбардировщик, загоревшись, накренился и пошел вниз... Есть второй!

Николай свечой поднялся вверх... Тут-то его и подловили! По левой плоскости и мотору пробарабанили вражеские пули! Николай бросил взгляд налево. Самураи быстро приближались, и он резко развернул своего «ишака» лбом им навстречу.

Это его и спасло. Каким-то чудом трассы прошли мимо, а вслед за ними проскочили и серебристые машины с красными кругами.

Мотор еще работал. А вот пушки отказали... Он понял это, когда, скользя вниз, зашел на скорости очередному бомбовозу в хвост и нажал на гашетки.

Раздумывать было некогда. И упускать врага никак нельзя! Николай резко дал ручку в сторону, поставив свой истребитель на ребро, и мощным ударом консоли отсек крыло у самурая.

И, потеряв консоль, сам полетел вниз. От сильного удара Николай здорово расшиб лицо, но, к счастью, не потерял сознания. Он отстегнул привязные ремни, и его просто вышвырнуло из штопорящего самолета.

Его крутило и вертело, но он сумел в конце концов остановить вращение. Земля быстро приближалась, и Николай рванул вытяжное кольцо. Наверное, в последний момент. Потому что купол не успел полностью наполниться, и его сильно ударило об землю. И он потерял сознание...

И опять лейтенанту Полищуку повезло, потому что если бы он раскрыл парашют раньше, если бы не этот вынужденный затяжной, его расстреляли бы в воздухе самураи, как это произошло в этом же бою с его боевым другом старшим лейтенантом Малаховым. Они расстреляли его, беспомощно висящего под куполом...

Но узнает об этом Николай гораздо позже. Уже в госпитале...

А война шла своим чередом.

Член Военного совета Тихоокеанского флота корпусной комиссар Лаухин подписал последний наградной лист и устало откинулся на стуле. Многовато, конечно, посмертных... Но, что поделаешь... Война! Здорово они, однако, врезали самураям! И морским и сухопутным! Надолго запомнят!

Он посмотрел на бумаги. Тридцать один Герой Советского Союза! Это что-то значит!.. Петр Иванович отхлебнул из стакана с остывшим чаем. И вдруг поймал себя на неприятной мысли... Или приятной?

«А ведь это – Красное Знамя!.. Не меньше!».

Орден у него уже был. Еще один?... Конечно, он не отказался бы. Но сначала надо, чтобы проскочило это представление... А, может быть, орден Ленина? Вон сколько Героев вырастил! Мехлис – человек суровый, но щедрый!.. Корпусной комиссар Лаухин посмотрел в потолок. Лев Захарович его сюда сам назначил. После прошлогодней чистки. И не зря!

«Да! Орден Ленина! Однозначно!»

Такая вот война...

Глава 5. «Мы ходили в жаркие походы...»

Забайкальский фронт, середина августа 1939 г.

Одиннадцатая ордена Ленина танковая бригада, отведенная в тыл сразу же, как только стихли выстрелы у Халхин-Гола, немедленно получила свежее пополнение людьми и техникой. Вставшие в строй бригады необстрелянные экипажи в тот же день были равномерно распределены по ротам и взводам, прошедшим горнило августовских боев. При этом большинство командиров, участников этих боев, были досрочно повышены в должностях...

Отлично проявивший себя и под Баян-Цаганом, и в генеральном наступлении, капитан Ильченко был назначен командиром батальона. Однако роту он сдал одному из своих комвзводов, лейтенанту Татарникову, а не капитану, прибывшему с пополнением. Потому что командир бригады полковник Алексеенко прекрасно понимал, что в предстоящих боях ему потребуются проверенные командиры.

Как и Татарников, Николай Ильченко был проверенным! За июльские бои его наградили орденом Красного Знамени. За августовские – представили к высокой правительственной награде. Начальник штаба намекал на что-то такое, но о чем именно шла речь, помалкивал. А Николай особо и не допытывался. Скорее всего, дадут орден Ленина. А выше – только Герой Советского Союза. Но на Героя он, по собственным понятиям, пока не тянул. Так что махнул рукой и выкинул все из головы. Наградят, так наградят. Тогда и узнает. Чего раньше времени суетиться-то!

То, что им предстоят бои, он тоже прекрасно понимал. Здесь, во фронтовом тылу, они увидели столько техники и личного состава, что всем стало ясно – скоро начнется! Такие массы войск невозможно укрыть от противника никакими дезинформационными мероприятиями! Да и держать их здесь без дела слишком дорогое удовольствие...

Так оно и вышло. Седьмого утром они получили приказ выдвинуться на юг, в район Эрдэнэ. А двое суток спустя, завершив марш-бросок без потерь, уже были на месте.

Четыре батальона бригады насчитывали двести сорок пять танков БТ-7, в том числе двенадцать артиллерийских БТ-7А с пушкой калибром семьдесят шесть миллиметров, и двадцать пять броневых автомобилей.

На первый взгляд тактико-технические характеристики легкого колесно-гусеничного танка БТ-7, основного танка РККА, были не хуже и не лучше, чем у его зарубежных соплеменников. Вооружение – сорокапятимиллиметровая пушка и два пулемета. Броня – противопульная. Лоб – двадцать два, остальные части корпуса – пятнадцать миллиметров. Экипаж – три человека.

Увы, но как показали бои в Испании и на Халхин-Голе, калибр орудия был маловат, броня – слабовата, а бензиновый двигатель – слишком огнеопасен.

Однако, при всех своих недостатках (а у кого их нет!), БТ-7 обладал одним неопределимым качеством – быстроходностью! Была у него одна замечательная конструктивная особенность, которая радикально отличала его от собратьев. При необходимости гусеницы можно было снять и продолжить движение на колесах, обтянутых резиновыми бандажами. А это давало резкий прирост скорости. Именно этот, огнеопасный, четырехсотсильный двигатель М-17Т и позволял БТ-7 разгоняться на колесах до семидесяти двух километров в час! Запас хода при этом составлял пятьсот километров...

Обслужив и заправив машины, танкисты получили долгожданный отдых... Однако командного состава это не касалось. Все, вплоть до помкомвзводов, были посажены на полуторки и вывезены на рекогносцировку к китайской границе.

Ехали с небольшой скоростью, часто останавливаясь и определяясь по азимуту и солнцу, отмечая на кроках характерные участки местности, способные послужить ориентирами. Хотя на самом деле назвать ориентирами их можно было лишь с очень большой натяжкой.

Судя по имеющимся картам, полоса местности, которую им вскоре предстояло с боями преодолеть, вплоть до Калгана, представляла собой пустынно-степной район, обильно насыщенный солончаковыми участками и сыпучими песками, где ориентиры отсутствовали вообще.

Пустыня Гоби являлась таковой, и в топографическом, и в демографическом смысле слова. В полном смысле этого слова!

На следующий день во всех подразделениях, в том числе и в батальоне Ильченко, были проведены политбеседы, в ходе которых военкомы рассказали красноармейцам и командирам о зверином оскале японского милитаризма. Напомнили об интервенции и ограблении самураями советского Дальнего Востока в годы Гражданской войны, о

постоянных провокациях на границе, о боях на КВЖД, Хасане и Халхин-Голе.

А потом вдруг вспомнили о позорном пятне Русско-японской войны девятьсот четвертого – пятого годов, тридцать пять лет лежащем на России, о жертвах, понесенных русским народом в сражениях под Мукденом и Цусимой, о предательстве царских генералов и адмиралов, сдавших самураям Порт-Артур.

В этот момент кто-то негромко запел... Мгновение спустя все присутствующие стали проникновенно вторить песне:

Тихо вокруг, ветер туман унес.
На сопках Маньчжурии воины спят,
И русских не слышат слез...

Бойцы пели, то один, то другой, вытирая глаза... А над вечерней монгольской степью плыла горькая песня-память:

Пусть гаолян вам навевает сны,
Спите герои русской земли,
Отчизны родной сыны...

Но мало-помалу голоса окрепли, и завершилась эта песня твердым обещанием:

Спите сыны, вы погибли за Русь, за Отчизну,
Но верьте, еще мы за вас отомстим
И справим кровавую тризну...

Красноармейцы и командиры расходились с политбеседы притихшие и серьезные.

Следующие два дня ушли на подготовку бригады к походу и бою. Был получен дополнительный паек, и вода из расчета пять литров на человека в сутки и по сто на каждую боевую машину.

А тринадцатого на рассвете в ротах зачитали заявление советского правительства об объявлении войны Японии и боевой приказ товарища Сталина. Митинги были очень короткими. Все было уже сказано. И понятно.

Гусеницы с «бэтэшек» сняли еще вечером... Боеприпасы в укладках... Батальоны построились и ротными колоннами, сквозь пыль и солнце двинулись к границе.

Герой Советского Союза командарм второго ранга Жуков о предстоящей стратегической наступательной операции в Маньчжурии был поставлен в известность седьмого августа. Той же ночью на аэродроме Тамцаг-Булак стали один за другим приземляться ТБ-3, доставившие в район только что завершившихся боев штаб Забайкальского фронта.

В палатку к Жукову зашел комкор Яковлев и, четко отдав честь, доложил:

– Товарищ командарм второго ранга! Комкор Яковлев! Представляюсь по случаю назначения заместителем командующего фронтом!

О своем назначении комфронта и досрочном присвоении очередного воинского звания Жуков уже знал... Все вышло как по-писаному. А, впрочем, по-другому и быть не могло, после такой-то победы. Он пожал протянутую руку и широким жестом пригласил Яковлева к столу. Разговор предстоял долгий...

Не смыкая покрасневших глаз и не отрываясь на текущие мелочи, Жуков знакомился с основными документами по проведению Маньчжурской стратегической наступательной операции до самого следующего вечера.

Замысел был ему понятен. Северным флангом фронта он должен был охватить и разгромить Хайларский укрепрайон, а затем взять Цицикар. Южным флангом, совершив с боями семисоткилометровый марш по безводным просторам внутренней Монголии, выйти к

Калганскому УРу и Бэйпину. Это вспомогательные удары. А главный удар, отсекая Маньчжурию от остального Китая, он должен был нанести на Чанчунь и Мукден, преодолев кручи Большого Хинганского хребта.

«А там уже и до Порт-Артура рукой подать!» – подумал Жуков.

Судя по задачам, поставленным Ставкой перед фронтами, Забайкальский фронт в разгроме Квантунской армии играл самую важную роль. И решал важнейшую политическую задачу – взятие Мукдена и Порт-Артура.

«Вот и поквитаемся за Русско-японскую!» – удовлетворенно подумал он.

Жукову в той войне участвовать не довелось. Мал еще был. Но горечь того поражения до сих пор скрипела у него на зубах, как и у всякого русского воина, как и у всякого русского человека.

Коневу, конечно, до Порт-Артура поближе будет. Но ему сначала надо все самурайские укрепрайоны на границе вскрыть, а это дело оч-чень непростое! Так что Порт-Артур будет брать его фронт! Это Жуков решил для себя совершенно точно! И так он и сделает!

Одиннадцатая ордена Ленина танковая бригада вошла в состав первой конно-механизированной группы советско-монгольских войск. Обе группы, и первая, и вторая, наступали далеко на юге, в отрыве от остальных частей фронта. Вторая группа шла севернее первой. И между ними также было более двухсот километров. А правый фланг первой группы вообще висел в пустоте...

Впрочем, во внутренней Монголии до самого Калгана серьезного сопротивления самураев не ожидалось. Их там, собственно, и не было.

Поэтому «противником номер раз» были кавдивизии и пехотные бригады князя Дэвана, главнокомандующего войсками Маньчжоу-Го. Но, хотя и было их довольно много, никакой боевой ценности они практически не представляли. Так что наибольшая трудность, стоящая перед обеими конно-механизированными группами, пока заключалась в преодолении «противника номер два» – пустыни Гоби.

Этот противник показал свою сущность с первых же часов марша. Стояла дикая жара. Сорок пять – пятьдесят градусов Цельсия в тени. Столб густой темно-рыжей пыли, поднявшийся над колоннами, заставил увеличить дистанцию между машинами до пятидесяти метров. Но это мало помогло...

Жутко хотелось пить. А броня накалилась так, что обжигала до волдырей даже сквозь одежду. К полудню начались тепловые и солнечные удары. Сначала у стрелков, сидящих на броне, а затем и у экипажей. Медики носились вдоль колонны, оказывая бойцам первую помощь, то в хвосте, то в голове, но не успевали.

Уж на что Николай был привычным к жаре, и то уже изнемог.

Ильченко родился и все детство провел в Узбекистане, на самом краю пустыни Кызылкум. Так что жара ему была не в новинку. Только в двадцать четвертом, уже подростком, вместе с родителями он переехал в Харьков... Дальше все просто... Юность как у всех. Школа фабрично-заводского ученичества, завод, рабфак... Потом призвали в армию. В тридцать четвертом окончил Орловскую бронетанковую школу. А потом служил в Забайкалье. А теперь вот мчится по пустыне Гоби...

Как он и предполагал, никаких ориентиров не было... Но направление движения бригада выдерживала точно. Потому что его указывали направлением своего полета и выпелами У-2, летавшие туда-сюда над колоннами.

На колесном ходу танки шли очень быстро и к вечеру преодолели изрядный кусок пути. А когда встали на ночевку, оказалось, что фильтры воздухоочистителей напрочь забило пылью, и пришлось полночи заниматься обслуживанием машин. Пока закончили техобслуживание, поели и легли, кажется, только заснули, уже подъем. Кое-как экономя каждую каплю воды, умылись. И снова марш-марш!

Комфронта поручил комкору Яковлеву командовать конно-механизированными соединениями правого фланга. Это была довольно сложная задача, потому что радиосвязи между группами не было, а комкор, само собой, не мог находиться в обеих сразу. Он выбрал

первую. Так как ее положение было опаснее и, в случае флангового контрудара самураев, все могло закончиться весьма печально. А донесения о ходе марша второй конно-механизированной группы ему регулярно доставляли связные У-2.

В какой-то момент Яковлев не удержался и, высадив штурмана, залез в самолет. Ему вдруг очень захотелось взглянуть на свою группу с высоты птичьего полета.

Это было внушительное зрелище! В центре, поднимая пыль до неба, неслись грузовики с мотострелками, полковой и дивизионной артиллерией. По бокам, пыля еще сильнее автомашин, мчались батальонные колонны одиннадцатой танковой бригады и колонны отдельных танковых батальонов шестьдесят пятой (усиленной) мотострелковой дивизии, пятнадцатой Кубанской кавдивизии и двадцать второй кавалерийской дивизии имени А.М. Горького. За танками и бронев автомобилями шли машины службы технического замыкания, а за ними тянулись длинные колонны полуторок частей тыла. А далеко впереди, правее и левее этой армады брони, орудий и колес, в боевом охранении скакали кавалеристы (две советских и четыре монгольских кавдивизии).

«Все это, конечно, хорошо, но скоро все эти колеса останутся без бензина!» – вдруг подумал Яковлев.

Если воду они еще как-то добывали, заранее выслав вперед кавалеристов для захвата колодцев, обозначенных на картах, и команды саперов для выкапывания новых, то с бензином дело было совсем плохо. Тот, которым запаслись, скоро должен был иссякнуть, а доставить автотранспортом еще не имелось никакой возможности.

Чтобы не снижать темпов наступления, а они просто поражали, Яковлев решил слить бензин у половины машин, и отдать его передовому батальону. Остальным придется ждать на месте, пока авиация не доставит необходимое количество. Догонят позднее... Он хлопнул летчика по плечу, приказывая садиться...

Полчаса спустя пилот уже повез в штаб фронта донесение комкора с просьбой прислать бензин по воздуху, а также с докладом о пройденном пути и потерях.

А потери были. Во-первых, боевые – при захвате погранзастав и опорных пунктов при колодцах, а во-вторых, санитарные – пустыня и солнце собирали свою дань...

А вот боестолкновение с кавалерийской бригадой баргутов обошлось без потерь с нашей стороны. Хотя для самой этой бригады окончилось катастрофой. Ревя моторами и стреляя из пушек и пулеметов, один из батальонов развернулся во фронт и на скорости ударил в лоб по летящим в безумную атаку конникам.

Лошади, ни разу в жизни не видевшие танков, поворачивали, сбрасывая и затаптывая всадников... Они пытались убежать. Но это удалось лишь единицам... Их потом переловили монгольские цирики. А на поле боя осталось лежать множество конских и человеческих трупов...

Когда под вечер поступила команда «Стой! Привал!», Ильченко еле-еле вылез из танка. От усталости его шатало, как пьяного матроса, плетущегося на свое судно из портового кабака. Остальных членов экипажа шатало не меньше. И дело было вовсе не в скоротечном бою с баргутами, в котором отличился его батальон.

Сначала их донимала жара. А потом прошел небольшой дождь, и все обрадовались, ожидая облегчения. Но стало только хуже, потому что наступила жуткая духота. А преодоление солончаковых участков и малых рек отняло последние силы.

И тем не менее настроение у всех было бодрое. Еще бы! Даже на маневрах таких темпов наступления они не видывали. За два дня бригада с боем прошла более трехсот километров!

Самураи, похоже, пока еще были не в курсе. Вражеская авиация до сих пор ни разу их не атаковала. А, может, не доставала со своих аэродромов и ждала, пока они подойдут поближе?... Ничего! У него стрелки на броне! Он не пожалел ни своего, ни их времени, и подробно проинструктировал, как себя вести при появлении самолетов противника, и объяснил, что такое заградительный огонь...

К концу следующего дня его батальону передали последнее топливо, слитое

товарищами, пополнили боезапас и приказали возглавить передовой отряд. Ильченко должен был вместе с монгольской кавдивизией, двигаться вперед как можно быстрее, пока остальным привезут бензин самолетами. И он рванулся из всех сил!

И рвался, пока не наткнулся на восьмое чудо света – Великую китайскую стену!

Ее размеры поражали. Высота – пятнадцать метров. Ширина – четыре метра. Николай подумал, что при желании можно было бы ездить по верху этой стены на танке и стрелять из-за огромных зубцов... Она тянулась по гребням холмов от горизонта до горизонта. И через каждые сто метров торчали квадратные башни. Наверное, в этих башнях где-то даже были ворота... Только искать их не было времени! Потому как башен этих было почти двадцать тысяч! А длина стены превышала всякое разумение! Шесть тысяч километров!.. Ильченко где-то когда-то читал, что при таких размерах эту стену должно быть видно даже с Луны.

Нет, ездить вдоль этого сооружения и искать ворота он не собирался. Впрочем, вряд ли хозяева оказались бы настолько гостеприимны, что распахнули бы их перед ним. Так что выход был один – идти сквозь эту стену!.. Чем ее рвануть у них было. И те, кто это мог сделать, тоже имелись. Саперов он привез на броне. Знал, что пригодятся...

Они ее и рванули. А потом еще разок. И еще... Пока не продолбили брешь достаточную, чтобы мог пройти танк. Расчистили взрывами путь и пошли дальше!

Китайцы строили эту стену на протяжении более полутора тысяч лет! На ее строительстве погибли, умерли от голода и болезней сотни тысяч человек! А может, и миллионы! Но никого и никогда эта стена остановить не смогла...

И вновь, как и пятьсот, и семьсот лет назад, Великая китайская стена не смогла остановить монгольских всадников. И их боевых друзей – советских танкистов! Потому что нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики!

Перед ними лежал Калган. И миновать Калганский УР было невозможно.

Тем хуже для него!.. Потому что скоростные и тяжелые бомбардировщики третьей отдельной авиационной армии Резерва Главного командования под командованием Героя Советского Союза комбрига Польшина, вызванные комкором Яковлевым, тонными и полутонными бомбами смешали несчастный Калганский укрепрайон с землей.

Комбриг Польшин лично возглавил боевой вылет своих полков. Потому что знал китайские авиатрассы, наверное, лучше всех остальных советских летчиков! Последние шесть лет он прокладывал боевые маршруты над Китаем постоянно.

А впервые он оказался здесь еще в тридцать третьем году, когда возглавил группу советских авиаспециалистов, прибывших для оказания помощи дубаню ⁴ провинции Синьцзян Шэн Шицаю. Тогда он и совершил свой первый боевой вылет на разведчике Р-5 на бомбардировку мятежников, осадивших столицу провинции Урумчи. А затем был старшим советником по авиации при начальнике местной авиашколы.

После возвращения на Родину он окончил курсы усовершенствования начальствующего состава при Военной Воздушной академии имени Жуковского, а потом командовал отрядом тяжелобомбардировочной эскадрильи.

А в тридцать седьмом капитан Польшин был снова направлен в Китай, где уже вовсю полыхала война.

Получив под командование эскадрилью скоростных бомбардировщиков, «генерал Фынь По» совершил множество боевых вылетов, прославившись дерзким налетом в январе тридцать восьмого года на аэродром в Нанкине, где сжег сорок восемь японских самолетов, потеряв лишь один СБ из двадцати шести. И не менее дерзким налетом на авиабазу самураев на острове Формоза в День Красной армии, когда его эскадрилья без потерь, уничтожила сорок самолетов, не считая тех, что находились в контейнерах, а также ангары и трехгодичный запас горючего. В этом вылете они находились в воздухе более семи часов. И

⁴ Дубань – в Китае высшее должностное лицо с военно-административными функциями.

наконец именно он в марте тридцать восьмого сорвал японское наступление на Северном фронте, уничтожив две переправы на Хуанхэ в глубоком тылу противника, на расстоянии в тысячу километров от линии фронта.

Когда Полынин вернулся в СССР, ему присвоили звание Героя и внеочередное воинское звание полковник.

Вскоре он был назначен начальником авиатрассы Алма-Ата – Ланьчжоу протяженностью более трех тысяч км, по которой в сражающийся Китай поступала советская авиатехника. При этом в его обязанности помимо прочего входил облет каждого собранного в Алма-Ате самолета, проверка его вооружения и оборудования. А затем лидирование направленных в Китай групп советских летчиков-добровольцев. Чем он и занимался вплоть до июня тридцать девятого, когда был назначен командующим отдельной авиационной армией РГК.

Два дня назад по заявке замкомфронта он сам летал на разведку Калганского укрепрайона. Они прошли звеном и сделали перспективную аэрофотосъемку. Их не обстреливали, и истребителей противника тоже видно не было. Они прошли вдоль маршрута движения конно-механизированной группы и отсняли все с разных сторон.

А вчера они всю ночь возили топливо в обе конно-механизированные группы и третью отдельную Краснознаменную армию, вставшие посередине пути. Отвезли бочки, сколько влезло в фюзеляж и на внешнюю подвеску. Техники-умельцы смаковали держатели на скорую руку из подручных средств. Кроме того, ТБ слили танкистам бензин из баков, оставив себе только на обратный путь.

За двое суток снимки штабом армии были дешифрованы. А затем намечены и распределены основные цели для удара – опорные пункты и узлы сопротивления, доты и дзоты, траншеи и проволочные заграждения...

И теперь он везет фугасные гостинцы для своих старых знакомых. И за ним идут уже не тридцать СБ, как полтора года назад, а сто двадцать два. И у каждого по полутонной бомбе... А за ними еще сто восемьдесят три ТБ. И у каждого четыре тонных и четырнадцать стокилограммовых!.. Армия!.. А это значит, что получают самураи в Калгане сегодня вечером по полной программе!.. А завтра они им еще добавят с утра.

Отбомбиться им никто помешать не сможет. И на отходе не достанут. Расчет времени точный! У самураев ночников нет. Поэтому на закате их преследовать они не решатся... А утром... Ну что ж!.. Сомкнем поплотнее строй, если что. СБ прикроют...

На следующий день в полдень, когда капитан Ильченко, стоя на башне своего танка во весь рост, в бинокль рассматривал место, где еще вчера располагался Калганский укрепрайон, слов, чтобы описать увиденное, у него не нашлось... Пейзаж был абсолютно лунный... Впрочем, этого и следовало ожидать, если учесть, что тут сегодня творилось с утра. И вчера вечером... В общем-то, догадываясь, что он увидит, комбат вчера еще до налета приказал надеть на «бэтэшки» гусеницы.

«Ну, ладно, пора выдвигаться», – подумал Ильченко. Он повернулся к батальону и крутанул флажками... Заводись!

Надо проверить, не уцелел ли каким-нибудь чудом на этой перепаханной и изувеченной бомбами, еще вчера холмистой равнине хоть кто-нибудь... И добить из человеколюбия. Чтобы этот кто-то больше не мучился...

Он отправил вперед один монгольский кавполк и двинулся за ним следом. Кавалеристы осторожно пробирались между воронками, указывая танкистам дорогу.

Хотя, собственно, никакой дороги не было, и быть не могло. Рыхлая развороченная земля дымилась... Некстати начавшийся дождь добавил грязи... По очереди, вытаскивая друг друга из этого месива, танки медленно пробивались на юг. Кавалеристы тем временем ушли вперед...

Добивать особо было некого. Но если что-то шевелилось, это добивали. Из человеколюбия.

К вечеру передовой отряд первой конно-механизированной группы наконец преодолел

этот, ставший за полсутки непроходимым участок. В сам Калган они заходить не стали. Хотя один эскадрон и прошел по его улицам. Судя по докладу комэска, городу изрядно досталось. Хотя, само собой, и не так как УРу. Жаль, конечно... Но, как говорится, лес рубят – щепки летят... И тут уже ничего не поделаешь!

Дойдя до реки, Ильченко приказал остановиться на ночевку. И коням, и людям, и машинам требовался отдых. Они отчистили танки от грязи, насколько смогли. Впрочем, комбат в виде исключения сегодня ни к кому из-за этого не придирался.

На следующий день к вечеру перед ними опять поднялась Великая китайская стена...

Где-то за ней был Бэйпин. До залива Бохайвань оставалось уже совсем немного. Меньше двухсот километров. Скоро, совсем скоро, они отмоют свои танки от дорожной грязи в Желтом море.

Что же касается стены, то это дело уже привычное! Саперы приступили не мешкая. И управились до темноты. Хотя здесь, на юге, темнело очень быстро.

Николай отправил пару монгольских эскадронов в ночной поиск, расставил посты и уснул, как в омут нырнул...

Пока Ильченко ломился сквозь Великую китайскую стену, основные силы заправились и двинулись следом за ним. И давно бы уже догнали свой передовой отряд, но пришлось им задержаться, перегруппироваться и заняться Суйюаньской армейской группой, неожиданно обнаруженной циками на правом фланге, в районе Пиндицюаня.

Самураи, в общем-то, контрудар не планировали. Командование армейской группы пребывало в шоке, обнаружив прямо перед собой многотысячную советско-монгольскую группировку, несколько сот танков и броневых автомобилей.

А Яковлев им опомниться и организовать оборону не дал. Несколькими молниеносными ударами он разбил армейскую группу противника на части и окружил разобщенные соединения в военных городках, а то и просто в чистом поле. А затем разнес вдребезги огнем и броней, саблями и штыками.

Самураи защищались отчаянно, поэтому их не жалели. Так что пленных было мало... А трупов – много.

Позднее выяснилось, что ему противостояло до шести японских пехотных и кавалерийских дивизий. Но, как говорится, врагов не считать надо, а бить по морде! Что они и сделали!

Вторая конно-механизированная группа, раздавив на своем пути одну из баргутских бригад князя Дэвана, в дальнейшем с особым сопротивлением не сталкивалась. Обойдя полосу укреплений в районе Долоннора и уничтожив еще одну, нехоти оказавшуюся на ее пути маньчжурскую бригаду, она двинулась дальше на юг и на исходе двадцатого августа вышла в район Жэхэ, где обнаружила значительные силы противника – три пехотных бригады и одну дивизию. Командующий группой комдив Рябышев принял решение окружить и уничтожить обнаруженную самурайскую группировку по частям, воспользовавшись подавляющим превосходством в силах, оперативной и тактической внезапностью.

Когда двадцать первого батальоны и эскадроны капитана Ильченко, во второй раз взломав Великую китайскую стену, двинулись дальше, комкор с Суйюаньской армейской группой уже закончил и заторопился следом за ними...

И в самое время, потому что, выйдя на следующий день к Бэйпину, передовой отряд обнаружил еще одну группировку противника. Несколько пехотных дивизий с частями усиления.

Ильченко, строго следуя инструкциям командующего, ввязываться в бой со значительно превосходящими силами противника не стал. А оседлал единственную дорогу вдоль реки, спешил кавалеристов и приступил к окапыванию, намереваясь отстоять дорогу любой ценой, чтобы дать возможность основным силам форсировать проломленную им вчера стену без помех.

К утру двадцать третьего в районе Жэхэ самураи были разгромлены. Комдив Рябышев

тоже пленных не брал. Во-первых, потому что они ни хрена не сдавались, во-вторых, потому что содержать их было негде, а в-третьих, потому что и охранять их было некому.

К этому времени передовые кавдивизии первой конно-механизированной группы наконец вышли ко второму пролому. Комкор Яковлев, получив донесение Ильченко, бросил вперед танки с мотострелками на борту и приказал второй группе также срочно выдвинуться в район Бэйпина.

Утром двадцать четвертого основные силы первой группы соединились с передовым отрядом. Комкор начал переброску частей на правый берег реки, намереваясь охватить вражескую группировку с юга. Вторая группа подошла на следующий день и охватила ее с севера. И капкан захлопнулся окончательно.

На уничтожение Бэйпинской армейской группы самураев пришлось потратить почти неделю. Но после этого в зоне действия конно-механизированных групп советско-монгольских войск организованного сопротивления больше не наблюдалось.

Яковлев занял круговую оборону, развернув фронт одновременно на север и на юг, как ему и предписывалось планом операции. Огромный Маньчжурский мешок был завязан на второй узел. А первый и самый тугой завязали основные силы фронта, выйдя к этому времени к Чанчуню и Мукдену...

Китайское население освобожденных городов встречало своих освободителей красными флагами и транспарантами. Как потом рассказали Николаю, красный цвет для китайцев – это цвет праздника, удачи и счастья. В небе горели огни фейерверков, а улицы были расцвечены фонарями и фонариками. Огромные толпы людей традиционными плясками гигантских драконов отмечали свое освобождение...

А передовой отряд Ильченко был выдвинут на Тяньцзинь и Тангу и отмыл наконец свои танки в Желтом море.

Как это и планировалось...

Глава 6. «По долинам и по взгорьям...»

Забайкальский фронт, середина августа 1939 г.

Первую армейскую группу переименовали в третью отдельную Краснознаменную армию еще седьмого августа. За оставшиеся до наступления дни ее соединения пополнили, добавили еще несколько артполков, танковых бригад и стрелковых дивизий.

Комфронта Жуков сидел в своей палатке над картой Маньчжурии и в сотый раз прокручивал в голове план операции.

Командующим третьей Краснознаменной армией по его просьбе назначили полковника Терехина, присвоив ему при этом внеочередное воинское звание комдива.

Потому что Жукову в предстоящей операции варяги были не нужны! Ему были нужны люди свои, проверенные!

Терехин был именно таким! Это он командовал подвижными частями южной группы – восьмой мотоброневой и шестой танковой бригадами. Ударил и развил успех! И именно благодаря его решительному руководству самурайская группировка была окружена в кратчайшие сроки, а потом отбиты все попытки деблокировать ее извне.

Макар Фомич Терехин был одногодком Георгия Жукова. И биографии у них во многом совпадали. Участвовал он и в Германской, и в Гражданской войнах. В Красной армии с восемнадцатого. Тоже красный курсант. И учился там же, где и Жуков, в Рязани. Только на пехотных курсах, а не на кавалерийских.

Но Георгий Жуков был краснознаменцем и после войны почти сразу получил полк, а Макар Терехин краснознаменцем не был и очень долго командовал ротой. И только в тридцать первом попал на курсы «Выстрел». Те самые, которые орденосец Жуков окончил на шесть лет раньше. А в тридцать втором его направили на бронетанковые курсы усовершенствования командного состава.

Поэтому в тридцать шестом, когда комдив Жуков уже командовал кавкорпусом, майор

Терехин все еще командовал батальоном.

А потом началась гражданская война в Испании. Оттуда он вернулся полковником. С орденом Ленина на груди, который заслужил потом и кровью в танке на поле боя.

Много времени на сдачу дел им не потребовалось, потому что Терехин был свой. Крепкий рязанский мужик с суровым, но справедливым характером. Именно то, что Жукову и было нужно.

Командование ВВС Жуков тоже поменял. Вместо Гусева, который возглавил фронтową авиацию, потому что не уехал со Смушкевичем на следующий день после окончания боев, как другие, командовать ВВС третьей отдельной Краснознаменной армии Жуков назначил своего старого боевого товарища полковника Куцепалова. Который отлично проявил себя в июньских боях, оставшись без должности и летая в бой простым летчиком. Лично сбил несколько самураев! И потом тоже не сплеховал, когда командовал пятьдесят шестым истребительным авиаполком. За что и был представлен Жуковым к высокой правительственной награде и очередному воинскому званию комбриг. А то, что их еще пока не получил, это ничего! Куда они там, в Москве, денутся, дадут, как миленькие!

Жуков потер виски... С третьей отдельной Краснознаменной все ясно. А вот семнадцатая армия его беспокоила. Обстрелянных частей в ней не было. Может, перетасовать бригады и дивизии и поделить их между обеими армиями поровну? Или держать семнадцатую во втором эшелоне на подхвате, а самураев громить Терехинской Краснознаменной? Наверное, так он и поступит. Так будет надежнее!.. Решено!

Восьмого августа по личному указанию товарища Сталина вместе со Смушкевичем вылетели в Москву почти все «испанцы» и «китайцы». Золотым фондом советской авиации следовало распорядиться с умом. Теперь их задачей становилась передача боевого опыта другим авиачастям необъятной Родины. А в Маньчжурии и без них обойдутся. Хребет самурайской авиации они надломили крепко, доломают уже без них...

Такие указания не обсуждаются! Поэтому, как бы ни было горько Григорию Кравченко оставлять свой полк накануне больших событий, он подчинился беспрекословно. Как и положено военному человеку. С другой стороны, ребята у него боевые! Только в одном его полку Героев сейчас не меньше, чем тогда в начале июня привез с собой Смушкевич! Из одного зерна вырос целый колос! Да какой!

Проводив командира, полк, конечно, загрустил...

Новый комполка, Герой Советского Союза капитан Виктор Чистяков, само собой, тоже был в доску свой. Эскадрильей командовал. Еще до Халхин-Гола имел медаль «За боевые заслуги». Сто шестнадцать боевых вылетов. Ранен был в ногу, но сумел пригнать самурая очередями и посадить на своем аэродроме... Каждый посидел потом в японском истребителе, изучал обзор, слабые места. Пока его не забрали в НИИ. И вообще три сбитых лично и четыре в группе! А одного в лобовой завалил! Одним словом, мужик, что надо!

И все же было всем до слез тяжело расставаться с Григорием Пантелеичем. Но потом успокоились... Потому что командир из Чистякова получился настоящий! Не зря он помкомполка у Кравченко ходил. Школа хорошая! Строгий, но заботливый.

– Если ты сыт и тебе нечего делать, – говорил он, – не теряй времени даром. Ложись, спи. Неясна обстановка – ложись! Не волнуйся, без работы тебя не оставят! Командир поднимет тебя, поставит тебе боевую задачу, и ты полетишь здоровый, бодрый, уверенный в себе!

А отоспаться после таких боев личному составу было нужно... Понимал это комполка, понимал и военком. С Чистяковым у Калачева взаимопонимание было налажено еще с докомиссарских времен, когда он у него замкомэска был. Понимали они друг друга с полуслова, как и положено ведущему и ведомому, летающим на истребителях без радио. Так что оба делали все, чтобы помочь парням как можно быстрее восстановиться после тяжелейших, до семи вылетов в день, полуторамесячных боев...

Владимир Пономарев за неделю тишины отоспался и отъелся. До этого, какие бы

деликатесы на стол перед ним не ставили, после боя аппетита не было вовсе. Зато сейчас он уметал за милую душу все, что приносила Катерина, ихняя боевая официантка! А она нарадоваться не могла, глядя, как ее ребята лопают, аж за ушами трещит! А то вообще ничего не ели! Она даже плакала потихоньку, убирая со стола нетронутые тарелки... Но теперь, слава богу, снова стали кушать.

В составе ВВС третьей отдельной Краснознаменной армии Забайкальского фронта были три скоростных бомбардировочных авиаполка (тридцать восьмой, пятьдесят шестой и сто пятидесятый) и три истребительных (двадцать второй Краснознаменный, пятьдесят шестой и семидесятый), а также группа ТБ-3. Триста двадцать истребителей и почти двести бомбардировщиков!

Когда полковник Куцепалов был назначен начальником ВВС армии, он, ясное дело, перетащил за собой и своих ведомых – Иванищева с Ледневичем. К этому времени с его подачи оба получили очередные звания и ордена Красного Знамени. За августовские бои.

На новом поприще Куцепалову требовались верные люди. Но если на Григория он мог положиться не глядя, то Ледневичу на все сто пока еще не доверял. Как, впрочем, не доверял и никому другому (кроме Гришки, разве что).

Однако полковник не мог не отметить, что Ледневич в воздушном бою держаться за хвост ведущего умел. И самураев отгонял вовремя. Поэтому с чистой совестью расписал на него три собственные июньские групповые победы (само собой, и на Гришку тоже). А в июле, уже будучи комполком, засчитал Ледневичу два сбитых лично и еще пять в группе. Иванищев из-за своих штабных заморочек летал мало, и поэтому получил только три групповых.

Но Куцепалов взял с собой Ледневича, помимо прочего, еще и потому, что тот был услужлив, предупредителен и не чурался бумажной работы. Одним словом, если Гришка был настоящим друг, то этот вполне годился в адъютанты.

В итоге майор Иванищев был назначен заместителем начальника штаба ВВС армии, а капитан Ледневич – заместителем начальника оперативного отделения штаба, хотя по большей части находился при Куцепалове для поручений.

Тринадцатого августа Забайкальский фронт начал наступление. И отдохнувший двадцать второй истребительный с первых же часов включился в боевую работу. Они прикрывали рвущиеся в обход Халун-Аршанского УРа мотострелковые дивизии, танковые и мотоброневые бригады своей армии. Но до самого Хингана работы у них было немного. Японская авиация бездействовала. Здорово они, видать, потрепали ее на Халхин-Голе! Ведь тогда в отличие от пехоты в боях участвовала в с я авиация Квантунской армии!

В армейской многотиражке «Героическая Краснознаменная», переименованной недавно в таковую из «Героической Красноармейской», какой-то резвый корреспондент, Ставский, кажется, высказал интересную идею. Он писал, что из достоверных источников ему стало известно, что генерал Гига взял, да и застрелился от злости, потому что побоялся распороть себе живот и сделать харакири! А без него командовать самурайской авиацией некому стало... Весь полк смеялся... Но, может быть, корреспондент и не врал! Так или иначе, но до самого Хингана встретиться в воздухе с самураями им не пришлось... Ничего. Зато потом наверстали...

Герой Советского Союза капитан Лапутин, командир батальона шестой Краснознаменной танковой бригады, вздохнул с облегчением, когда впереди во весь свой рост поднялся Большой Хинган. Невыносимая жара измотала его экипажи не хуже самураев, которых они, кстати, пока еще ни разу не встретили. Хотя за эти два дня одолели почти триста кмэ.

Даже в Испании он такой жары не видел. А, впрочем, прибыл он туда в начале осени, в сентябре тридцать седьмого. И воевал до весны, до апреля тридцать восьмого. Так что настоящей жары и не застал.

На Сергея накатили воспоминания. Однообразный пустынный пейзаж не давал никакой пищи ни для глаз, ни для ума. И он окунулся в прошлое...

Три года назад, в тридцать шестом, отличник боевой, политической и технической подготовки и лучший командир танка в полку, Сергей Лапутин окончил экстерном Орловскую бронетанковую школу, получил звание лейтенанта и поступил в Военную академию механизации и моторизации РККА. Но проучился в ней всего год.

В конце лета тридцать седьмого он уже плыл в Испанию на транспорте «Кабо Сан-Аугустин» в составе группы советских танкистов-добровольцев. Они выгрузили в Картахене свои «бэтэшки» (не семерки, на которой он сейчас мчится по солончаку, а пятерки) и перегнали их в Арченковский учебный центр, республиканскую танковую школу. Там и был сформирован их интернациональный танковый полк.

Интернациональный, потому что экипажи были смешанные. Командиры танков – добровольцы из разных стран. Поляки, немцы, французы, умудренные жизнью, подчас уже седые, коммунисты. Заряжающие – молодые испанские парни. А механики-водители – советские лейтенанты. Сергей был назначен командиром взвода.

А потом их перебросили на Арагонский фронт под Фуэнтес-де-Эбро, что в двадцати шести километрах от Сарагосы.

В этом бою из-за предательства командира корпуса подполковника Касадо, того самого, который полгода назад поднял мятеж и сдал Мадрид Франко, они потеряли половину танков и экипажей.

В атаке их должны были поддерживать две интербригады. Только бригады эти после изнурительных боев насчитывали едва ли половину состава. Притом, что одна из них была анархистской и предательски осталась в окопах, когда они прорвали оборону мятежников и ворвались в этот городок. В бой с ними пошли канадский, английский и американский батальоны. Эти дрались честно. И полегли почти все...

Оставшись без пехоты, «бэтэшки» вспыхивали одна за другой... Они потеряли девятнадцать машин из сорока пяти, не считая вышедших из строя, но вытянутых на буксире товарищами. Погибло семнадцать советских добровольцев.

Его танк, раздавив пулеметное гнездо, завалился и застрял во вражеском окопе. Всего в сотне метров от своих. Да так там и остался.

Они задраились изнутри, а марокканцы всю ночь пытались вскрыть люки ломami. То уговаривали сдаться, то угрожали пытками и мучительной смертью. А потом облили бензином и подожгли! Это было страшнее всего. Себе-то врать незачем! Приходили мысли, что пора стреляться! Приходили... Но они все-таки продержались до утра.

А поутру по ним начала долбить своя же республиканская артиллерия. Все правильно, конечно! Не отдавать же мятежникам исправную машину! Но умирать от своих же снарядов! Это было уже выше всяких сил! И они решили прорываться!

Сначала выскочил Володька Кручинин, механик-водитель. А потом они с Хосе... И побежали во весь рост, пока не засвистели пули... Ничего, доползли.

Хинган заметно приблизился. На сухие обветренные губы Сергея упало несколько капель. Он поднял голову. словно в ответ на их молитвы начался дождь.

Но стало только хуже. От раскаленной брони поднимался пар. А внутри вообще было не продохнуть! Тогда Сергей приказал заряжающим вылезти на броню. А механикам-водителям стиснуть зубы...

Когда они подошли к горам вплотную, командир бригады полковник Павелкин наконец объявил долгожданный привал. И люди хоть немного отдохнули... Но привал объявлялся не только для этого. А еще и для того, чтобы надеть на танки гусеницы.

Потому что утром они полезли в горы... Проклиная на чем свет стоит тихо морсящий дождь.

Странное существо человек! Сначала выпрашивает, умоляет о чем-то. А потом клянет дающего за то, что это получает! Но какая уж тут благодарность! Гусеницы танков соскальзывали с мокрых скал. В жидкой грязи застревали бронеавтомобили и автомашины. Все чаще встречались крутые повороты, подъемы и спуски с уклоном до тридцати градусов, предельным для техники. Люди быстро вымотались, вытаскивая на руках орудия и машины.

Несколько полуторок сорвалось в пропасть, едва не утащив за собой удерживавших их веревками красноармейцев.

Долго ли, коротко ли, бригада вышла к перевалу Корохан. Но, увидев его крутизну, в затылках стали чесать даже опытные механики-водители...

Лапутин попробовал взять перевал с разгона. Это удалось ему только с третьей попытки. Притом, что у него был лучший механик-водитель в батальоне! Тогда, посоветовавшись с ротными, они решили штурмовать склон тремя танками в связке, сцепив их тросами. Первый, поднявшись, тащит второго, который потом удерживает его на спуске и заволакивает на перевал третьего. И так далее.

Путь к следующему перевалу, Даган-Цабо, проходил по узкому ущелью. И здесь танкистов крепко выручили саперы, которые, двигаясь в голове колонны, подрывали скалы и выстилали щебнем дорогу. Последние километры одолели уже в темноте. И встали на отдых...

Спуск с хребта начали на рассвете следующего дня. Из-за непрекращающихся дождей он был не менее сложным, чем подъем. Большой Хинган является тем самым препятствием на пути облачных фронтов, которое делает пустыню Гоби таким неприветливым, сухим и жарким местом. Зато восточная его сторона, особенно в августе, просто залита водой. Может, именно поэтому самураи не ждали наступления советских войск, зная, что Маньчжурия в это время года совершенно непроходима.

Машины все чаще выходили из строя. Но служба технического замыкания делала все возможное и невозможное. И отставшие быстро догоняли ушедшую вперед колонну.

Силу идти вперед танкистам и мотострелкам придавало сознание того, что всего за трое суток, преодолев степи и горы, они опередили Квантунскую армию, не позволив ей закрепиться на этом важнейшем естественном оборонительном рубеже.

Под Лубэем танки разведотряда столкнулись с отчаянным сопротивлением самурайского гарнизона. Первого на их пути. И разделились с ним еще до подхода основных сил бригады.

Когда Лапутин проезжал по окраине города, он увидел несколько десятков трупов японских солдат и офицеров. Повсюду валялись длинные бамбуковые шесты с минами.

«Смертники!» – подумал комбат и от души выматерился в их адрес.

Со смертниками он еще не встречался, прибыв с пополнением на Халхин-Гол, когда бои уже заканчивались. И повоевать не успел. Но зато он много о них слышал...

В это время комбриг поинтересовался по радио, как в батальоне дела с «молоком», то бишь с топливом.

– Километров на тридцать – сорок осталось! – ответил Лапутин.

– Понятно... – Павелкин помолчал, а потом приказал: – За городом встаешь и ждешь!

– Есть, товарищ комбриг! – комбат по-солдатски обрадовался, решив, что их ждет скорая заправка и обед.

Но заправлять их не стали. А, наоборот, приказали, оставив самую малость, остальное слить и отдать первому батальону, который в составе передового отряда пойдет вперед. А они будут ждать. Потому что бензин уже везут, но темпов наступления бригады снижать нельзя. А он потом догонит...

Лапутин чертыхнулся. Но приказ есть приказ, и его надо выполнять! Жаль, конечно, что не они пойдут вперед. Но, как говорится, нет худа без добра. И его люди смогут хоть немного отдохнуть.

А к ночи на поле рядом с бивуаком стали садиться ТБ-3 третьей отдельной авиационной армии РКК, которые привезли бензин. К утру заправку закончили и после короткой передышки, с рассветом, тронулись в путь.

Который к этому времени просто перестал иметь место быть. Потому что коварные самураи взорвали плотины, и к обычной августовской распутице добавилась пущенная ими вода вышедшей из берегов реки Лаохахэ и ее более мелких притоков. Она залила все на сто километров вокруг...

Оставалось, или возвращаться, или ждать до осени пока все высохнет, или продолжать наступление по единственному сухому месту – высокой железнодорожной насыпи от Тунляу до Чжанью. Возвращаться никто не собирался, стоять и ждать у этого искусственного «моря» погоды – тоже.

Медленное движение по насыпи и само по себе было чревато неприятностями, потому что не удержавшийся на рельсах и скатившийся вниз танк достать было невозможно, и его попросту бросали. Но дело было не в этом, а в том, что бригада, вытянувшись в тонкую ниточку на насыпи, становилась просто идеальной целью. И стала.

Уже под самым Чжанью самураи подловили передовой отряд и сожгли его весь.

Сожгли бы и остальных, но комбриг вызвал авиацию. Пока «чатос» и «москас» штурмовали насыпь и прилегающую местность, Сергею удалось столкнуть сгоревшие БТ с насыпи и вырваться из коварной западни искусственного моря. Потеряв при этом несколько машин. Хорошо хоть экипажи уцелели!

Уже потом, заняв оборону, чтобы прикрыть прорыв бригады и остальных соединений, и осмотрев место боя, Сергей понял, что произошло.

Отряд сожгли не пушки. Их подкараулили те самые смертники с минами на шестах, залегшие вдоль насыпи по уши в грязи и дождавшиеся-таки советских танков... Не помогли и стрелки на броне. Все произошло слишком быстро... А раненых потом дорезали самураи, лежавшие на плотиках в грязи чуть дальше. Замаскированные под верхушки кустов и деревьев.

А вот и самурайская авиация! Сергей нырнул в люк. Серебристые монопланы с широкими лаптями неубирающихся шасси сбросили бомбы, подняв столбы воды и грязи, и по очереди стали заходить и обстреливать танки из пулеметов.

«Немного опоздали, сволочи!» – подумал комбат.

Третья отдельная Краснознаменная армия в Маньчжурию прорвалась! Потому что этот конец насыпи он отстоит любой ценой! Но бед наделать эти твари могут!

Двадцать второй Краснознаменный истребительный полк по приказу полковника Куцепалова перелетел на аэродром подскока, спешно подготовленный армейскими саперами в районе Лубэя. Все равно это было далеко от ушедших далеко вперед частей и соединений. Но все-таки уже по эту сторону Хингана.

Лейтенант Пономарев вместе со своим звеном несколько раз вылетал на штурмовку под Чжанью. Самураи здорово там повеселились, гады! Владимир насчитал несколько десятков сожженных советских танков, сброшенных с насыпи посреди бескрайнего моря разлившихся рек. Столько сгоревших «бэтэшек» одновременно он видел только под Баян-Цаганом! Злые, как собаки, Владимир и его ведомые летали на бреющем и обстреливали все кочки подряд вдоль насыпи...

А в следующем вылете им просто повезло! Потому что удалось застукать за работой с десяток самурайских легких одномоторных бомбардировщиков.

«Ага. Старые знакомые!» – подумал Владимир, покачал крыльями и пошел в атаку.

У самураев шансов не было... Владимир сбил двоих. Его ребята по одному. Остальных добила пришедшая им на смену эскадрилья Витта Скобарихина.

Сергей, не отрываясь, смотрел в небо, позабыв про опасность. Над ними шел воздушный бой. Точнее, воздушное избиение.

Сначала на бомбардировщики, как соколы, упали сверху три ястребка. И два дымных столба прочертили небо. А один самурай заковылял прочь.

«Москас» взмыли вверх и упали снова на врагов, разлетевшихся в панике, как куры по курятнику, внезапно заведшие лису. И еще два черных крученых столба повисли над головой у танкистов.

Его экипажи кричали «Ура!» Он и сам тоже кричал! А потом прилетел целый десяток ястребков, которые дожгли оставшихся самураев, а затем, пройдя на бреющем над Лапутинским батальоном и покачав крыльями, ушли на высоту...

Комдив Терехин был очень зол. Таких потерь, скорее всего, можно было бы избежать.

Но разбираться он будет потом... А сейчас! Так-растак, вашу мать-перемать! Вперед! До Мукдена уже всего ничего осталось!.. И они его возьмут!

Часть своих сил Терехину, по приказу Жукова, пришлось перенацелить на Чанчунь и Гириин, потому что Приморский фронт все еще возился с укрепрайонами. Но его основной удар по-прежнему был направлен на Мукден.

В районе Фусинь – Факу наступающие части третьей отдельной Краснознаменной армии уперлись в заранее подготовленную вражескую оборонительную линию. Командующий ВВС армии Куцепапов бросил на окопавшихся самураев три армейских полка СБ. Жуков добавил столько же фронтовых. А точку поставила третья отдельная авиационная армия Резерва Главного командования. Под прикрытием всех истребительных полков. И армейского, и фронтового подчинения.

К этому времени двадцать второй Краснознаменный опять перебазировался. Уже второй раз за неделю... На этот раз под Тунляо. Саперы осушили и подготовили для них посадочную полосу и стоянки всего за сутки! Фактически совершив подвиг... При помощи освобожденного советскими войсками местного населения, конечно.

Тысячи китайцев не покладая рук под заунывный речитатив «и! э! и! э!» (раз – два! раз – два!), слой за слоем засыпали аэродромное поле... Сначала слой гравия. Потом трамбовка. Потом слой песка. Опять трамбовка. И снова гравий и трамбовка. И так несколько слоев... Такой «слоеный пирог» не размывало дождями, он не оседал и мог выдержать даже тяжелый бомбардировщик! А еще несколько тысяч китайцев под тот же речитатив занимались ирригацией и к исходу вторых суток отвели большую часть воды вокруг аэродрома. Как говорится, упорство и труд, и море отведут...

С этой площадки двадцать второй Краснознаменный, семидесятый и пятьдесят шестой истребительные полки и летали потом на сопровождение бомбардировщиков, бомбивших самурайские укрепления под Мукденом и Чанчуном. Сотни СБ и ТБ весь день без перерыва по графику волнами накатывались на укрепрайоны врага и методично перемешивали их с грязью. И это в конце концов сработало!

Двадцать второго августа третья отдельная Краснознаменная армия вошла в Мукден, а днем раньше пала столица Маньчжоу-Го, Чанчунь! Под красные флаги и транспаранты ликующего населения... А император Пу И бежал в Корею, прихватив с собой пару саквояжей с золотом и бриллиантами.

Но расслабляться было рано. Особую опасность для армии представляли две свежие танковые дивизии самураев. Каждая дивизия имела в своем составе одну механизированную бригаду и одну танковую, двухполкового состава (свыше ста средних танков тип девяносто пять и девяносто семь).

Терехин видел эти танки на Халхин-Голе и недооценивать их не собирался. У девяносто седьмого была пушка пятьдесят семь миллиметров, два пулемета, броня – двадцать пять миллиметров, скорость – сорок километров в час. Девяносто пятый был послабее. Пушка – тридцать семь, два пулемета, броня – противопульная, скорость – пятьдесят. Но оба танка были вполне серьезными противниками для БТ.

Хуже всего было то, что дивизии эти нависли у него над флангами. Одна слева, а другая справа. И это было чревато большими неприятностями! Поэтому командарм бросил в бой всю броню, какая у него была... Той, что слева, досталась одна танковая и две мотоброневых бригады. А той, что справа, – две танковых и одна мотоброневая. Потому что там, вдали, уже маячил Порт-Артур, и его надо было брать как можно скорее!

А поэтому... Так-растак! Мать-перемать! Вперед!

Двадцать третьего августа состоялся крупнейший встречный танковый бой за всю войну. А может быть, за все войны! Три советских бригады столкнулись лоб в лоб с самурайской дивизией, перекрывшей им путь на Ляодунский полуостров...

Шестая Краснознаменная и пятнадцатая танковые бригады даже после тысячекилометрового марша и жестоких боев по числу танков превосходили самурайскую дивизию более, чем в три раза. Плюс полсотни артиллерийских броневых автомобилей девятой

Краснознаменной мотоброневой бригады... И количественное превосходство несомненно сыграло свою роль в победе... Но далась она очень дорогой ценой!

Потому что воевать самураи умели, а сдаваться нет...

Двадцать пятого августа уцелевшие броневики девятой мотоброневой бригады и сводные батальоны шестой Краснознаменной и пятнадцатой танковых бригад, разметав тыловые части противника, вошли сначала в Дальний, а затем в Порт-Артур!

Наверное, капитан Лапутин был человек везучий. Он сумел привести в Порт-Артур почти треть своего батальона. Наверное, таких же везучих, как и он сам, ребят!.. Перед ними до горизонта простиралось Желтое море... И лежал город славы и позора русских моряков... Краткого и, наконец-то, смытого позора... И вечной славы!..

Впрочем, война еще не кончилась. Пока они просто отрезали Маньчжурию от остального Китая – и все... Враг был очень силен. И его надо было добивать!

Как-то в перерыве между полетами лейтенанту Пономареву передали письмо, пришедшее с оказией...

Письмо было от Кольки Дьяконова:

«Привет, Володька! Как жизнь? Слыхал, тебя в конце мая зацепило. Оклемайся, поди, уже?

У нас тут, наконец, тоже жаркая погода наступила. Не то, что раньше. Ребята тебе передают привет. Пока все живы-здоровы, и все путем!

Анюта тебе тоже привет шлет. Она у меня уже вот-вот родит. Так что быть мне скоро папашей, а Лехе – дядькой! Такие дела. Недавно она письмо получила от сестры. Татьяна тебя часто вспоминает. Просила даже адрес твоей полевой почты дать. Анютка ей отослала. Ты не возражаешь?

Встречал тут как-то руководительницу нашего школьного кружка. Помнишь ее? Она здесь почти тем же самым занималась. Как у нас погода стала меняться, так ее кружок, само собой, первым на солнцепек! Сам понимаешь. Так вот, знакомые рассказывали, кто там был. Вот уж жарило, так жарило! Спеклись ребята почти все до одного. Говорят, и она тоже.

Такие дела.

Ну, ладно! Писать некогда. Погода у нас летняя, поэтому летаем с утра до вечера. Чего и тебе желаю.

Пиши, не забывай».

Все расплылось у Владимира перед глазами. Он автоматически сунул листок в нагрудный карман. И ничего не видя перед собой, зашагал прочь.

Шел, шел... А потом ноги у него подогнулись, и он рухнул ничком на мокрую желтую траву и вцепился в нее зубами. Рыдания разрывали ему грудь... И он рычал и бил, и лупил, что есть силы, кулаками по этой чужой, по этой вражьей земле, которая отняла у него все. И он заскреб ладонью по карману, ища свой ТТ, забыв, что оставил его вместе с кобурой и портупеей в кабине истребителя...

И слава богу что не оказалось у лейтенанта Пономарева под рукой его личного оружия. Потому что тогда хватило бы ему одного патрона. Стрелял он прекрасно. А с такого расстояния уж точно бы не промахнулся, даже не глядя, на ощупь... Потому что промахнуться в сердце, когда оно болит с такой силой, невозможно.

Через какое-то время он затих. И долго еще лежал, уткнувшись лицом в траву.

Сначала был шок... Потом бесконечное отчаяние... Потом глухая тоска... Не было только слез...

Глава 7. «Загрохочут могучие танки...»

Приморский фронт, середина августа 1939 г.

Четырнадцатая тяжелая танковая бригада Резерва Главного командования прибыла из Киевского военного округа в Уссурийск в середине июня. Все узловые станции и крупные

города составы проходили только по ночам. А днем отстаивались на пустых перегонах, срывая график движения пассажирских поездов.

Потому что прибытие этого соединения на любую из границ могло означать только одно: «Иду на Вы!»

В Рабоче-крестьянской Красной армии имелась только одна такая бригада. Помимо батальонов легких танков БТ-7 и Т-26 в ее состав входили два батальона тяжелых танков Т-35... Все тридцать восемь танков из имеющихся в наличии! Несколько учебных танков в бронетанковых школах не в счет... Поэтому эта бригада была обязательным участником каждого парада на Красной площади. Чтобы все буржуи знали, с кем дело придется иметь, если что! Для этого, кстати, и на Дальний Восток была переброшена. Чтобы эти самые буржуи, в лице самураев и их маньчжурских прихвостней, это самое и узнали, что должны были... Но только в нужный момент! Поэтому перемещение бригады было скрытным и совершенно секретным!

По прибытии бригада поступила в распоряжение командующего первой отдельной Краснознаменной армией командарма второго ранга Конева. Хотя на самом деле пока принесла только лишнюю головную боль. Незаметно выгрузить и спрятать тридцать восемь сухопутных линкоров было далеко не просто!

Вообще тяжелый танк Т-35 был машиной уникальной! Длина – десять метров! Высота – три с половиной. Вес – пятьдесят тонн. Вооружение – одна семидесятишестимиллиметровая пушка, два сорокапятимиллиметровых орудия и шесть пулеметов в пяти башнях! Экипаж – двенадцать человек!

Правда, скорость хода у него была маловата, всего тридцать километров в час по шоссе, и двенадцать – на местности.

И броня слабовата, всего двадцать миллиметров. Только передний наклонный лист потолще – пятьдесят. Когда Т-35 проектировали в начале тридцатых, этого казалось достаточно. Но с тех пор противотанковая артиллерия шагнула вперед.

Впрочем, и сейчас, в тридцать девятом году, равных этому танку ни у кого не было! Ни у французов, ни у англичан. И тем более у немцев или японцев. Пять башен, расположенных в два яруса, позволяли сосредоточить массированный огонь из двух пушек, трехдюймовки и одной из сорокапятки и трех пулеметов вперед, назад или на любой борт!

Командарм второго ранга Конев знал, почему эти танки отдали ему, а не другим командующим фронтами. И где он будет их использовать, Конев тоже знал... Он уже давно был знаком с планами Генштаба по Приморью, хотя бы потому, что сам принимал посильное участие в их разработке.

В почти пятисоткилометровой полосе наступления Приморского фронта, от Посыета до Лесозаводска, самураи вплотную друг к другу построили семь укрепленных районов, связав их в одну систему. Хутоуский, Мишаньский, Суйфыньхэский, Дуннинский, Дунсинчженский, Хуньчуньский и Кенхынский.

Самые мощные из них были Хутоуский и Мишаньский, находящиеся севернее озера Ханка. Там он будет демонстрировать активность, но не более. А вот пять УРов южнее озера придется долбить по-настоящему! Тут уж ничего не поделаешь. И в первую очередь, Дуннинский и Суйфыньхэский. Потому что другой возможности взять Муданьцзянь у него попросту нет!

«Вот, так поставил задачу! Словно отматерил кого-то!» – подумал командарм.

А после взятия Муданьцзяня... Конев опять усмехнулся... Он примерно представлял себе, как переименовать все эти названия бойцов. Так вот, после взятия этого Муданьцзяня (прости Господи!), он должен будет наносить удары по расходящимся направлениям – на Харбин и Чанчунь.

А вот это ему уже совершенно не нравилось! Потому что командарм отлично понимал, что лишь удары по сходящимся направлениям приводят к победе! Впрочем, если разобраться, в одном случае направление его удара будет сходиться с направлением удара соседа с севера, Дальневосточного фронта, а во втором – пойдет навстречу направлению

удара Забайкальского фронта. А в ось не подведут!

Иван Степанович Конев был из того же поколения, что и остальной высший командный и начальствующий состав РККА. Сорок один год от роду. Из них двадцать три – в армии. За спиной Германская и Гражданская. Бывший унтер. В Красной армии с восемнадцатого. Был военным комиссаром бронепоезда «Грозный», затем командовал стрелковой бригадой и дивизией, был начальником штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики. В двадцать шестом окончил курсы «Выстрел». Командовал полком и дивизией. В тридцать четвертом окончил Военную академию имени товарища Фрунзе. В тридцать седьмом – тридцать восьмом командовал пятьдесят седьмым особым стрелковым корпусом в Монголии. После Хасана, когда врага народа Блюхера арестовали, а ОКДВА разделили на две армии, был назначен командующим второй отдельной Краснознаменной армией, а теперь вот командует первой.

В тридцать шестом он отличился на маневрах и был награжден орденом Красной Звезды, в тридцать восьмом за успехи в боевой и политической подготовке награжден орденом Красного Знамени. Командарма второго ранга ему дали всего полгода назад.

Где же все-таки ему спрятать эти танки? И кому поручить их охранять?... Конев потер подбородок... И тут у него мелькнула толковая мысль!.. Точно! Так он и сделает!

Командиру роты тяжелых танков Т-35 Герою Советского Союза майору Погодину прятаться уже остохренело! Его рота с июня месяца стояла в одном из корпусов литерного завода. Личный состав жил в закрытом военном городке и лишь раз в неделю их привозили на регламентные работы в воронках.

И каждый раз, когда его в этом воронке запирали, Дмитрий никак не мог отделаться от мысли, что следующая остановка будет во дворе внутренней тюрьмы НКВД. И то, что он – Герой, не поможет, если что!.. Но, тьфу-тьфу, пока проносило... А вот Пашку Армана арестовали в тридцать седьмом, как врага народа, и, похоже, давно уже расстреляли на хрен... А за что?... Ведь Герой же Советского Союза!.. Они, кстати, одним Указом с ним были удостоены, в декабре тридцать шестого... Первым Указом за Испанию! И вообще... Танкист!.. Майор... Все прямо, как у него самого! Блин...

Этими мыслями, понятное дело, майор Погодин ни с кем и никогда не делился. А то действительно вместо регламентных работ отвезут на допрос.

Воронок скрипел на поворотах... И мысли навевал самые нехорошие... Регламентные работы по графику были через два дня, а их везут сегодня. Что-то тут не то.

А Пашку, скорее всего, арестовали из-за того, что латыш! Одно время всех латышей из армии изъяли. Какая-то организация у них была фашистская.

«Никогда не поверю, что Пашка был фашистом!» – подумал Дмитрий.

И огляделся инстинктивно. Не услышал ли кто его мыслей! Ну что за жизнь настала! Кругом одни враги народа! Блин, вчера – герой Гражданской, а завтра: «К стенке, сука!» Ни хрена не понятно! И спросить не у кого...

Двери открылись внутри знакомого заводского корпуса, и майор невольно перевел дух. Обошлось!.. А был бы повнимательней, то заметил, что перевел дух весь его экипаж! И они с энтузиазмом занялись своим линкором! Лучше внеочередной регламент, чем очередной допрос!

Вечером, когда они закончили все работы, их в городок не повезли. Сержант НКВД (младший командир, хотя по два кубаря в петлицах) лично принес им в термосах поесть из заводской столовой... Оба-на! Дмитрий боялся спугнуть удачу... Неужели!.. Раз их не отвезли назад, то, может быть, уже завтра в поход?!

Оказалось, что сегодня!

Они вышли, как только стемнело... Построились в колонну. Все девятнадцать машин. Комбат помахал фонариком, и они двинулись. А куда, одному комбату известно.

Но майор Погодин ошибался. Известно это было не одному комбату. А довольно широкому кругу начальства. Комдивам и комбригам. Всем тем, на усиление к кому поротно был раздерган их батальон. Потому что массированное применение тяжелых танков вещь

была неслыханная и поэтому невозможная. Не говоря уже о том, что из всех упомянутых старших командиров, хоть какое-то представление о том, что им с этими сухопутными линкорами делать, имелось едва ли у нескольких.

Они шли всю ночь и только к утру прибыли в район сосредоточения на границе.

А ночь выдалась еще та!.. Дождь лил как из ведра! Это был настоящий субтропический ливень! Одна за другой без перерыва сверкали молнии. Вокруг так грохотало, что Дмитрий временами даже не слышал мощного рыка своего пятисотсильного двигателя и дробного скрежета гусениц по щебенке.

«Погодка как по заказу! Самая подходящая для наступления!» – подумал он.

И так думал не только он.

Командующий фронтом не любил сидеть в штабе. Ему нравилось находиться на переднем крае. Если бы он мог, то вообще ушел бы в первую линию окопов. Но должность обязывала. И Конев сдерживался и дальше полкового наблюдательного пункта не лез.

Вот и сейчас он стоял на бруствере едва ли в пятистах метрах от границы. Плащ-палатка от такого ливня спасти не могла. Он совершенно промок, но был доволен. Небо было на их стороне! Значит, действительно пришло время наказать эту самурайскую сволочь! И они их накажут!

Никакой артподготовки!.. Незачем! Они пойдут тихо! Потому что в такую ночь хозяин собаку на улицу не выгонит!.. Снять по-тихому часовых и забросать гранатами казармы и доты! Предполье они одолеют к утру. И тогда в ход пойдет авиация и артиллерия, а затем – танки! И только потом пехота.

В час ночи колонны мотострелковых батальонов с пограничниками-проводниками во главе двинулись к границе. Но еще с вечера, как только стемнело, ее пересекли специально подготовленные разведывательно-штурмовые спецгруппы, которые должны были уничтожить проводную связь, разрушить полотно железной дороги в тылу укрепрайонов, скрытно подобраться, захватить и удерживать до подхода основных сил наиболее важные объекты противника.

Такие, например, как тоннели КВЖД в районе Гродеково – Пограничная... Если бы противнику удалось их взорвать, наступление могло серьезно замедлиться, так как войскам пришлось бы идти в обход, через труднопроходимые сопки, а все грузы везти автотранспортом по бездорожью на расстояние более двухсот километров...

Конев готовил эти спецгруппы два месяца. В каждую из них входили опытные саперы, полковые разведчики и пограничники. И хотя все они были и без того отлично подготовлены, учили их всерьез! Дневные и ночные тренировки в горной и резко пересеченной местности. Специальный курс по захвату гидротехнических сооружений, мостов и тоннелей, аэродромов и других спецобъектов. Дополнительный курс рукопашного боя, диверсионной, стрелковой и парашютной подготовки.

Обучением разведывательно-штурмовых спецгрупп руководил начальник Центрального научно-испытательного железнодорожного полигона РККА полковник Старинов, лучший специалист Советского Союза по диверсионной работе.

За один год в Испании он лично совершил более двухсот успешных диверсий в тылу у мятежников! В том числе взорвал состав со штабом итальянской авиадивизии, пустил под откос эшелон с марокканской кавалерией, подорвал десятки поездов и автомобилей. И много чего еще натворил, о чем и доложил в личной беседе товарищу Ворошилову.

Он, конечно, не пошел бы к наркому, чтобы просто побахвалиться своими подвигами. Но дело было в том, что пока он устраивал диверсии, всех, с кем он работал здесь и кто его послал туда, успели уже расстрелять как врагов народа. И его тоже на допрос вызывали... Как свидетеля пока... Но, ясное дело, превратиться из свидетеля в обвиняемого в нынешние сложные времена никакого труда не составляло.

Ворошилов позвонил наркому внутренних дел и сказал:

– Здравствуйте, Николай Иванович! У меня сидит недавно прибывший из Испании некий Старинов. Его допрашивали о выполнении заданий Якира и Берзина... Да... Конечно,

он выполнял задания врагов народа. Но он был маленьким человеком, мог и не знать сути дела... Нет... Он отличился в Испании и в значительной мере искупил свою вину. Оставьте его в покое. Сами примем соответствующие меры...

Только благодаря этому заступничеству Старинов тогда и уцелел. Его наградили орденами Ленина и Красного Знамени и присвоили внеочередное звание полковник...

Ежова недавно самого арестовали как врага народа. Но свято место пусто не бывает. А Старинов теперь знал, что в любой момент может оказаться в подвале этого, не к ночи будь помянутого, ведомства, потому что дело на него уже заведено.

Но это уж как масть ляжет! Потому что сегодня полковник Старинов тряхнет стариной! С одной из спецгрупп он решил сходить на задание. И выбрал для себя, если и не самое интересное, то, во всяком случае, самое важное – тоннели Китайско-Восточной железной дороги (двести пятьдесят три, сто восемь и восемьдесят семь метров длины)...

В разработанной им операции помимо разведывательно-штурмовых спецгрупп участвовали два саперных батальона, рота стрелков и бронепоезд. Проводниками, само собой, были пограничники Гродековского погранотряда НКВД. Оторванные ребята, между прочим! И часовому ножичком по горлу чикнуть и пленного разговорить умели своими холодными и чистыми руками... Без долгих душевных переживаний.

Часовые возле тоннелей и казарм охраны были сняты спецгруппами еще до подхода саперов и стрелков. Позади тоннеля номер три ими же в нескольких местах было заминировано железнодорожное полотно, чтобы помешать подвозу подкреплений к самураям. Причем одна из мин была заложена достаточно небрежно, чтобы ее смог заметить специалист. Но чтобы не бросалась в глаза. Были перерезаны и все провода вокруг тоннелей.

После этого в коротком ожесточенном бою охрана тоннелей была полностью перебита. Были проблемы с дотами, но саперы разминировали проходы в минных полях и обошли их с тыла. Взрывчатка довершила дело.

Покончив с дотами, приступили к разминированию тоннелей. У самураев все было подготовлено к взрыву. Так что тоннели были отбиты очень своевременно. А подошедший бронепоезд занял позицию в засаде в третьем тоннеле.

Бронепоезд был энкаведэшный (никуда от них, родных, не денешься!). Из состава двадцать седьмой дивизии НКВД по охране железных дорог. Впрочем, в первой отдельной Краснознаменной армии своих бронепоездов не имелось (а на кой они ей, если и без того восемь штук чекистских туда-сюда катаются!). Поэтому в военное время бронепоезда НКВД поступали в оперативное подчинение командарму и привлекались для огневой поддержки наступающих войск или отражения контрудара противника...

Операция развивалась по плану. Войска перешли границу и колоннами выдвинулись вплотную к укрепрайонам. И разместились в намеченных местах. Теперь дело было за авиацией и артиллерией, которые должны были эти УРы раздолбать. Потому что голыми руками, даже с учетом оперативной и тактической внезапности, взять их было нельзя!

Каждый укрепрайон занимал в среднем сто километров по фронту и до пятидесяти в глубину, хотя имелись и покрупнее, и состоял из отдельных узлов сопротивления и опорных пунктов, имевших между собой огневую связь и перекрывавших основные дороги и тропы. Таков уж характер горно-лесистой местности на Дальнем Востоке, что пройти кое-где невозможно и без всяких УРов. А вот там, где возможность пройти имелась хотя бы теоретически, проклятые самураи построили хорошо продуманную линию обороны.

Узел сопротивления имел фланговые и центральный районы. Размерами шесть на семь километров. Основные сооружения были сосредоточены в центральном районе, который представлял собой систему надземных и подземных бетонированных помещений, складов, тоннелей и ходов сообщения. Они связывали в единое целое наблюдательные пункты и долговременные огневые точки.

Самурайский дот – это настоящая крепость! Стенки – полтора метра железобетона, потолки – два, да еще земляная засыпка полметра! Амбразуры, от одной до одиннадцати на дот, изнутри – двадцать на тридцать сантиметров, а снаружи – двадцать сантиметров на

полтора метра. И броневые заслонки толщиной тридцать миллиметров! На нижнем этаже дота устанавливалась стопятидесятимметровая пушка, а на верхнем находился наблюдательный пункт и пулемет. Со складом боеприпасов дот был связан подземным бетонированным ходом сообщения.

Перед узлом сопротивления торчали две полосы проволочных заграждений, каждая в три ряда полутораметровых металлических колец на бетонных основаниях. Между колючкой и дотами располагались траншеи метровой глубины, простреливаемые пулеметным огнем через крытые траверсы.

В тылу укрепрайонов имелись железные и улучшенные грунтовые дороги, сеть автобаз и аэродромов, складов, ремонтных мастерских, казарм и военных городков.

Одним словом, окопались самураи надежно, потому что, как правильно говорили красноармейцам военные комиссары на политзанятиях, боялись могучей Красной армии до дрожи в коленях! И правильно делали!

На рассвете в небе загудели моторы сотен красноразведочных скоростных и тяжелых бомбардировщиков ВВС Приморского фронта и первой отдельной авиационной армии РККА. И на голову врагу посыпались тонные и полутонные бомбы. Цели были засечены разведгруппами уже давным-давно. Бомб было запасено достаточно. И летать за ними далеко не требовалось. Поэтому бомбежка длилась весь день. Японская авиация в небе не появлялась, так что бомбардировщики летали без сопровождения. Хотя над полем боя для очистки совести и висело несколько эскадрилий истребителей.

Ночью полковая разведка ушла в поиск. Посмотреть на результаты авианалета. Результаты были многообещающими. Но успокаиваться на достигнутом было еще рано, и на следующий день эскадрилья была продолжена. Хотя на этот раз уже не так массированно. К некоторому огорчению командующего ВВС Приморского фронта комдива Рычагова, который эти вещи любил всей душой.

Герой Испании, Китая и Хасана первый орден Ленина получил три года назад, в тридцать шестом, за то, что вывел свой авиаотряд в лучшие по округу. И вместе с ним, кстати, в полном составе потом уехал воевать в Испанию. В Мадридском небе «Пабло Паланкар», он же старший лейтенант Павел Рычагов, сбил шесть самолетов лично и четырнадцать в группе и стал Героем Советского Союза. На Родине в комэсках скучал недолго и вскоре уехал воевать в Китай. Но там уже самолетов не сбивал. В Китае «генерал Баталин», он же майор Рычагов, был старшим военным советником по использованию советской авиации. Под его руководством зимой тридцать восьмого были спланированы и осуществлены такие громкие дела, как бомбардировка Нанкинского аэродрома и авиабазы на Формозе. За что он и получил свой первый орден Красного Знамени и звание полковника. А второе Знамя – за Хасан... Рядом тут совсем... Там комбриг Рычагов от души потренировался в массированных авианалетах. Пока его по-отечески не приструнил Климент Ефремович.

Зато сейчас этот его опыт, ох, как всем пригодился! Поняли наконец что Рычагов дело говорил! В Китае и Испании они летали эскадрильями и звеньями. А толку?! Испания теперь лежит под Франко и стонет. Китай стоит на коленях перед самураями... Но не долго осталось!

Впрочем, Павел, хотя академич и не заканчивал, в свои неполные двадцать семь навоевался по самые уши! Все-таки четвертая война это у него уже! Поэтому прекрасно понимал, что пришло время пострелять из пушек прямой наводкой.

Что и было сделано. На третий день боев.

А фронтовая и армейская авиация переключилась на самурайские тылы. Бомбардировщики нанесли удары по городам Хутоу, Чанчунь, Гирин и Муданьцзянь.

После доразведки целей на прямую наводку свои орудия выкатили четыре корпусных и три гаубичных артполка большой мощности... Стодвадцатидвух-, стопятидесятидвух- и двухсоттрехмиллиметровые снаряды, бывшие в упор, в амбразуры, вскрывали уцелевшие доты как орехи. Что от них и требовалось!

Ночной поиск показал, что пора идти вперед.

И как только рассвело, они пошли!

Майор Погодин задраил люк... Наконец-то он снова в бою!

Три года назад в Испании лейтенант Дмитрий Погодин командовал ротой легких танков Т-26 и такие дела вершил! Под Посуэло-де-Аларкон его рота сожгла девять танков мятежников в одном бою! За что и Героя дали, кстати!.. А когда этой весной, после окончания Военной академии имени товарища Фрунзе, его назначили командиром роты тяжелых танков Т-35, он откровенно расстроился. Потому что понимал, что это означает. Парадный выезд – вот, что это означает!!! Потому что хрен их когда пошлют в бой!

Выходит, ошибался! Ну что ж посмотрим, на что еще годится этот многобашенный красавец кроме как брусчатку Красной площади полировать! И он без лишних слов скомандовал:

– Вперед!

Взревели двигатели пяти сухопутных линкоров, и гигантские машины нехотя двинулись вперед. Экипажи были готовы к бою. Хотя до сих пор Т-35 в отличие от его меньших братьев в реальном бою участвовать не приходилось.

Майор Погодин внимательно осматривал сектор прямо перед собой, готовый обстрелять из трехдюймовки любую увиденную цель или развернуть башню и помочь своим сорокапяткам. Роте его указания пока не требовались. И вообще командирами взводов у него были капитаны, а командирами танков – старшие лейтенанты!

Командир первой (главной) башни младший комвзвода Рутковский прильнул к прицелу. Дот из своего орудия ему, конечно, не уничтожить. Разве что прямым попаданием в амбразуру... Ну что ж, он постарается!.. Радиотелеграфист отделком Юрченко поддерживал устойчивую связь с другими экипажами, но в любой момент, метнувшись, мог подать снаряд в ствол.

Военком роты политрук Стеклов развернул переднюю пушечную башню чуть в сторону и контролировал ситуацию справа. Командир передней пушечной отделком Кобчик грел в руках снаряд, чтобы мгновенно зарядить орудие, если политрук во что-нибудь пальнет.

Воентехник второго ранга Панченко выбрал ориентир и уверенно вел танк. Обзор у него был невелик, но Панченко привык и мог в любую минуту выполнить команду командира и повернуть своего гиганта в нужную сторону. Реакция у него была отменная. Хотя при такой скорости, к сожалению, большой роли это не играло.

Его зам, старшина Лютиков, повернул переднюю пулеметную башню в бок и контролировал левую сторону. Он понимал, конечно, что пострелять ему сегодня, скорее всего, не удастся, но целеуказание товарищам дать мог и даже был обязан. А, кроме того, за эти трое суток он столько наслушался о самурайских смертниках с минами на бамбуковых шестах, что призывать его к бдительности совершенно не требовалось. Впрочем, как и командира задней пулеметной башни отделкома Гуревича, наслушавшегося тех же самых баек, что и Лютиков, и внимательно стригущего взглядом по правой стороне...

Командир задней пушечной башни отделком Иванов, как всегда, был в самом невыгодном положении. Он вывернул башню максимально вправо, но из-за конструктивных особенностей корпуса не мог стрелять вперед круче, чем на пятьдесят два градуса по ходу. Пулемет доставал на несколько градусов правее, но это было уже несущественно. Однако свой вклад (и немалый!) в наблюдение за левой стороной он, само собой, вносит. А при необходимости разнесет любую цель, доступную его калибру. А доступно было много чего! И вообще башня у него такая же, как на «бэтэшке»! Младший механик-водитель отделком Кувшинов стоял рядом с ним, держал снаряд и ждал, когда он понадобится, чтобы немедленно зарядить орудие после выстрела.

С громким рокотом и сизым дымом пять гигантов шеренгой ползли по перепаханному бомбами полю. Следом за ними неспешно двигалась пехота...

А вот и колючка... Столбы заскрежетали по днищу, склоняясь, как трава. Первый ряд,

второй, третий... Пять проходов в проволочном заграждении было готово. А танки словно и не заметили препятствия. Впрочем, как и траншею. Они не заметили бы и четырехметровый противотанковый ров, чего уж говорить об этой жалкой борозде.

Дот был уничтожен прямым попаданием тяжелой бомбы, и бетонные обломки скрипели под гусеницами танка. Едем дальше! Пехота проверит подземелья сама.

А где-то сзади урчали тягачи, выволакивая из орудийных окопов тяжелые гаубицы. Артиллеристы побатарейно вытягивались в колонну и, не торопясь, меняли позиции. Работа в глубине УРа для них еще найдется, в этом никто не сомневался...

Командир двадцать шестой Златоустовской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии полковник Федоров, в полосе наступления которого шли тяжелые танки майора Погодина, был доволен. Пока за него воевали другие. Летчики, артиллеристы, танкисты... Нет, он понимал, конечно, что все еще впереди. Но все равно! Сознание неукротимого могущества пропитывало его душу, когда со своего НП он наблюдал за разворачивающимися на его глазах событиями! Вот так и надо прорывать линию обороны противника! Малой кровью, могучим ударом!

К концу дня дивизия Федорова вклинилась в укрепрайон на глубину пятнадцати километров. Пришлось пострелять и танкистам, и артиллеристам. Далеко не все доты были уничтожены. А главное, уцелело довольно много самураев. Похоже, во время бомбежки они отсиделись в глубоких бункерах, которые не могли взять даже тонные бомбы. И оружие у них имелось... Даже пушки.

Но, как говорится, Бог миловал! Лишь один раз они получили снаряд в лобовой лист. Но он от ricochetировал, не нанеся никаких повреждений! Дмитрий засек вспышку. Рутковский тоже ее увидел. Стеклову подсказали. И сосредоточенным огнем уничтожили противотанковое орудие, стоявшее на открытой позиции.

«На БТ я бы тебя гусеницами быстрее сделал, чем снарядом!» – подумал Дмитрий.

Но в этот день постреляли не только пушечные башни. Лютиков с Гуревичем тоже внесли свою лепту в удар по врагу. По их докладам каждый подстрелил, как минимум, по два смертника с бамбуковыми шестью. Или даже по три...

«Может, шестов у них и не было. Я не разглядел!» – подумал Дмитрий, но на всякий случай объявил обоим благодарность.

Когда стало смеркаться, он приказал роте остановиться и сосредоточиться. А потом запросил по радио у командира дивизии по стрелковому взводу на каждый танк, в охранение. Что ему было, естественно, обещано. И предоставлено еще до темноты.

Стрелки майору Погодину требовались не для караульной службы. С этим они и сами справятся. Они ему были нужны для прочесывания близлежащих окрестностей и ночного поиска. Когда пехота доложила о том, что в округе чисто, в чем на самом деле он и не сомневался, майор приказал разделить все пять взводов на три смены, по отделению в каждой. Одна смена отдыхает, вторая занимает свой сектор круговой обороны, а третья патрулирует по маршруту. Маршруты он указал каждому взводному на местности.

Если стрелки и остались недовольны его командирским решением, то свои мысли держали при себе. Спорить с майором Героем Советского Союза никто не решился.

Майор Погодин окончил академию и вообще был тертый калач. Ему сюрпризы были не нужны. Он прекрасно помнил, что самураи всегда славились не только своим коварством, но и умением вести ночной бой.

Глава 8. «Когда страна быть прикажет героем...»

Приморский фронт, конец августа 1939 г.

Командарм второго ранга Конев выдвинул передовой НП вперед, в полосу наступления своего фронта. Собственно, это был не столько передовой НП, сколько подвижный, потому что представлял собой два специальных броневагона прицепленные к бронепоезду. Впереди и позади на расстоянии нескольких километров двигались еще два бронепоезда. А между

ними курсировало по мотоброневагону. Конев в Гражданскую войну был военкомом бронепоезда и с тех пор полюбил этот вид транспорта. В любом случае это был наиболее удобный способ передвижения в данных условиях. Удобный, в смысле наличия мощной радиостанции, достаточной площади для размещения походного штаба и высокой степени охраны и обороны.

К исходу первой недели наступления основные бои, как и предполагал комфронта, разгорелись за этот самый город Муданьцзянь, или как там его переименовали бойцы. Член Военного совета (ему политотдел регулярно докладывает) вчера рассказывал, как красноармейцы коверкают китайские слова и названия, так штабные чуть животы не надорвали от смеха...

К этому времени с помощью авиации, артиллерии, танков и такой-то матери, УРы они одолели. И продвинулись вперед на расстояние от пятидесяти до ста километров. Благодаря разумному применению частей усиления пехота больших потерь не понесла. В смысле, понесла меньше, чем могла бы при их отсутствии.

Но войны без потерь не бывает. Как ни берегли общевойсковые командиры приданные им тяжелые танки, семь штук самураям удалось подорвать. Живыми человеко-минами... Смертниками... У самураев оказывается их целые сотни. Регулярные, заранее подготовленные подразделения самоубийц. Которые охотятся за танками, отдельными автомобилями, и даже за отдельными людьми. В основном за командным составом! Вычисляют по форме и фуражке, подбегают и подрываются!

Эту ихнюю восточную, самурайскую философию Конев не понимал и понимать не хотел! Конечно, воин может погибнуть при выполнении боевой задачи! Более того, он должен быть к этому готов, потому что профессия у него такая. Такие правила игры! Но заранее сформированные и обученные части оболваненных самоубийц – это уже чересчур! Смертники – это одно. А высокое самопожертвование ради великого дела, гибель за Родину или при спасении товарища в бою – это совсем другое!

Такие человеконенавистнические антинародные государства, как самурайская Япония, вообще надо ликвидировать! И очень жаль, что высадка на Японские острова не планируется! Потому что японский народ ни в чем не виноват и его-то как раз надо бы освободить! А этих микадо и прочих генералов-милитаристов самих к минам привязать, выдернуть чеку и пусть побегают!

Ну, ладно, это он отвлекся...

Муданьцзянь ему удалось уже охватить и с севера, и с юга. И выйти на окраину города. Бои идут ожесточенные! Самураи стоят до последнего. Смертники поганые!.. Мало они их бомбили в предыдущие дни! А восемнадцатого и девятнадцатого не бомбили вообще, потому что вся тяжелобомбардировочная авиация работала по Японии.

И разведка малость сплеховала. У них там, оказывается, укрепрайон похлеще, чем на границе! И пять пехотных дивизий обороняется!

Поэтому командарм решил чуть-чуть притормозить и дать возможность авиации отбомбиться сегодня по выявленным целям и в самом городе, и на оборонительных рубежах по рекам Мулинхэ и Муданьцзянь. А он пока подтянет к городу высвободившиеся гаубичные артполки большой мощности...

Лишь к утру двадцать второго августа войска Приморского фронта командарма второго ранга Конева наконец овладели важным укрепленным пунктом и узлом сопротивления противника городом Муданьцзянь. И двинулись дальше.

А Японское море еще с вечера, разгоняя волну, чертили линиями кильватерных струй линкоры, тяжелые и легкие крейсера, авиаматки и эсминцы Императорского флота Японии, практически в полном составе вышедшего на Владивосток. Урок, преподанный самураям военно-воздушными силами Тихоокеанского флота семнадцатого числа, похоже, впрок не пошел. Ну что ж, повторение – мать учения...

Вчера капитан Галушка прилетел на решетке. Поэтому сегодня не летал. И завтра не будет. Инженер сказал, что его аппарат починят дня через три... А может, на чужой машине

в рейд сходить? Угостить какого-нибудь самурая торпедой? Или взять бомб и махнуть, например, на Хакодате?

Он никак не мог позабыть белое, как мел, лицо Гали Якушенко...

Вчера, вернувшись из этого вылета, не заходя домой, он сразу пошел к ней. Постучал... Она открыла, улыбаясь, с малышом на руках. Года еще нет Ваське... В таком возрасте ничего они не запоминают. Теперь только на фотографии отца и увидит... Галушка стоял в дверях и мял в руках фуражку, не зная, что сказать... Но ему ничего не пришлось говорить.

Она сразу все поняла. И только спросила:

– Сам видел?

Он кивнул. И лишь после этого ее лицо стало белеть. Он испугался, хотел ее подхватить. Но она отвела его руки и молча закрыла дверь...

Постояв немного перед дверью вдовы своего лучшего друга, капитан домой не пошел. Вернувшись на аэродром, он заперся один в каптерке и напился вусмерть... Очнулся только утром. От стука в дверь... Открыл. В каптерку зашел военком полка старший политрук Гапоненко. Посмотрел на него, на пустую тару. Ничего не сказал и вышел...

Хороший мужик у них комиссар. Понятливый... Это, наверное, потому что сам летчик. Не во всех полках комиссары летали. Их полку в этом смысле повезло. И на эскадру ходил вместе со всеми...

Похмеляться Галушка не стал. Пришел домой трезвый. И вот сидит теперь на кухне и не знает, что делать дальше... А может, все-таки знает? Детей они не нажили. А любовь... А была ли она у них? Хотя у нее, во всяком случае, судя по слухам, любовью было достаточное количество...

Качая бедрами, к нему подошла жена. Ее халат был небрежно завязан, предательски открывая грудь. Она села к нему на колени и стала целовать.

«Какая же ты лярва...», – подумал Галушка, аккуратно спихнул ее со своих коленей и сказал:

– Хватит, Лариса. Не надо... Больше я с тобой жить не буду.

Она отскочила от него с вытаращенными глазами. А потом закричала что-то, схватила и разбила об стенку тарелку, стоящую на столе... Он молчал. А она бегала по кухне, что-то выкрикивая, разбила еще две или три тарелки... Он встал и ушел в комнату. Она прибежала за ним, продолжая орать. Распахнутый халат вообще уже ничего не скрывал. Галушка смотрел на эту женщину и думал: «И вот это... И только-то...». А потом ушел из дому.

Вот такая беда...

– Петр Никанорович, может, ты все-таки еще подумаешь? – Гапоненко вздохнул.

Галушка посмотрел на него и помотал головой.

Военком ситуацию понимал. И понимал, что эта женщина не постесняется, дойдет и до члена Военного совета. Но, глядя сейчас на этого крепкого парня, настоящего моряка, пилота, и просто хорошего человека, Гапоненко решил его отстоять. И пусть они там что хотят, то и делают! Эта баба совсем нюх потеряла! Замордовала мужика. И что тут еще говорить!.. Нет, он знает, что сказать, если придется! А, скорее всего, придется...

– Ладно, Петро, делай, как знаешь... Что я не человек, что ли? – старший политрук стукнул кулаком по столу и отвернулся, глядя в окно.

– Спасибо, Василь Палыч... – сказал капитан. Поднялся и вышел из кабинета.

С этого дня Галушка ночевал в каптерке. Откаряка была у него бронебойная: ремонт бомбардировщика. И, кстати, это была чистая правда.

Потом они несколько дней подряд бросали мины на фарватеры у Японских островов.

А двадцать второго августа снова атаковали торпедами самурайские линкоры и крейсера. Потому что в море вышел практически весь Императорский флот...

В небо поднялось сорок машин. Все, сколько было исправных, на тот момент в полку. И эскадру они раздолбали. Но назад их вернулось только девять из сорока... А Галушка опять уцелел. Заговоренный он, что ли?

Инженер осмотрел его изрешеченный ДБ (как будто и не чинили до этого) и сказал:

– Ничего страшного. Летать будет... Через неделю.

Капитан кивнул и пошел в штаб. Возле штаба он увидел пустую, тихо урчащую «эмку». Краснофлотец Тюкавкин, командирский шофер, отлучился по естественной надобности. А мотор, как обычно, не заглушил. Галушка, не раздумывая, сел за руль, нажал на газ и поехал в город.

Нарсуд он нашел методом опроса местного населения. Петр написал заявление на развод и спросил:

– Когда?

Толстая, очкастая секретарша прочитала и глубокомысленно изрекла:

– Ну... Это будет зависеть от разных обстоятельств...

Галушка кивнул и вышел.

По пути в полк он заехал в винно-водочный и купил водки. На все деньги, что нашлись в карманах. Хватило еще на батон колбасы... Вернувшись на площадку, он подъехал к своему капониру. Штурман все понял без слов, подхватил ящик с бутылками и утащил в каптерку. А Галушка отогнал «эмку» обратно к штабу.

К нему, задыхаясь, подбежал краснофлотец Тюкавкин и попытался что-то высказать. Но Галушка холодно посмотрел на него и сказал:

– Заткнись.

Краснофлотец моргнул и подавился словами.

Командир четвертого минно-торпедного авиаполка майор Портанский сидел за своим столом, тупо глядя перед собой. Не было больше никакого четвертого минно-торпедного...

Вернувшись из боя, он сначала еще что-то приказывал, куда-то звонил, кого-то куда-то посылал. Подписывал какие-то бумаги... А потом вдруг взорвался, выгнал всех из кабинета, сел и обхватил голову руками. К чему эта суета... Полка больше не было.

В том, первом вылете, семнадцатого августа, он потерял девятнадцать самолетов и четырнадцать экипажей. Из сегодняшнего, второго вылета, не вернулась тридцать одна машина... Кого-то подобрали с воды летающие лодки. Почиковский звонил. Несколько экипажей... Везут...

Майору Портанскому хотелось достать ТТ и застрелиться... Там, в городке, десятки женщин ждут своих мужей, отцов своих детей. Но ждут напрасно... Что он им скажет? Господи, ну, почему он уцелел, а они погибли! Его торпеда попала! Стрелок-радист доложил... Они порвали самурайскую эскадру на части! Но, боже мой, как дорого за это заплачено...

Его глаза внезапно наполнило слезами. И он сжал лицо ладонями, сдерживая, но не в силах сдержать рыдание. И вдохнул несколько раз поглубже. А потом проглотил горькие слезы и прикусил губу... Умереть за Родину не сложно, жить труднее.

В кабинет без стука вошел капитан Галушка, молча сел на стул напротив комполка и поставил на стол бутылку водки. Портанский посмотрел на него, а потом также молча выдвинул ящик письменного стола и достал два давно немытых стакана...

Неделю спустя, двадцать девятого августа, Указом Президиума Верховного Совета СССР тринадцати пилотам четвертого минно-торпедного авиаполка ВВС Тихоокеанского флота было присвоено звание Герой Советского Союза. Из них девятерым посмертно. За огненные тараны...

За мужество и героизм личного состава полк был награжден орденом Ленина.

Начальник ВВС ВМФ комдив Жаворонков лично проследил, чтобы четвертый минно-торпедный в кратчайшее время получил пополнение. Три эскадрильи торпедоносцев были срочно переброшены с Черного моря, а одна с Балтики. И теперь в полку снова имелось шестьдесят два ДБ-3Т. Помкомполка, вместо геройски таранившего вражеский крейсер капитана Синякова, был назначен капитан Токарев.

О том, что ему присвоено звание Героя, лейтенант Полищук узнал в госпитале. Сначала он не поверил и думал, что ребята опять его разыгрывают, но ему показали газету, и он долго читал и перечитывал этот Указ:

«УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

За образцовое выполнение боевых заданий и героизм, проявленное при выполнении боевых заданий, присвоить звание Героя Советского Союза».

Неужели это про него? Николаю казалось, что ничего он такого особенно героического не сделал... Сделал то, что должен был сделать. И все. Он, между прочим, вообще никаких подвигов совершать не собирался.

Список был длинный. Тридцать девять фамилий... Глаза Николая выхватывали знакомые и незнакомые имена:

«Лейтенанту Василенко Александру Ивановичу

Сашка!.. Молодец!.. А еще говорил, летаем низко – Мама Будет Рада...

Капитану Галушке Петру Никаноровичу

Ага, и Петро тут!.. Альбатрос тихоокеанских морей!

Старшему политруку Гапоненко Василию Павловичу

Комиссар четвертого минно-торпедного...

Капитану Душину Алексею Захаровичу

А вот и комэска!

Полковнику Ермаченкову Василию Васильевичу

Командир бригады...

Комбригу Залевскому Адаму Иосифовичу

Этого не знаю...

Капитану Коккинаки Константину Константиновичу

Второй из династии Коккинаки... Значит, теперь Сашка на очереди...

Комбригу Лемешко Петру Николаевичу

Командующий ВВС флота... Ну а как же... Это само собой...

Капитану Осипову Евгению Викторовичу

Кажется из пятидесятого минно-торпедного...

Майору Петрову Борису Лаврентьевичу

Комполка!

Лейтенанту Полищуку Николаю Матвеевичу

Полных тезок, да еще в том же звании, на ТОФе у меня пока не наблюдалось...

Значит, все точно...

Майору Портанскому Виктору Николаевичу

Командир четвертого минно-торпедного...

Майору Почиковскому Борису Антоновичу

Сашкин комполка!..

Капитану Синякову Георгию Николаевичу

Опять из четвертого... Много торпедоносцев...

Майору Супруну Степану Павловичу

Кажется, летчик-испытатель...

Флагману первого ранга Юмашеву Ивану Степановичу

Комфлота...

Капитану Якушенко Павлу Ивановичу».

Павло!.. Ты смотри, как мы тогда в купе-то подобрались! Кто бы подумал, а!

Так уж вышло, что из всех новоиспеченных Героев только лейтенант Полищук находился на излечении во Владивостокском военно-морском госпитале. И часа не прошло, как слух о том, что в одной из палат лежит настоящий Герой, разнесся по этажам. Тут же началось паломничество... И очень скоро Николай на себе ощутил, что бремя славы, хотя и называется сладким, не зря зовется бременем.

До этого молоденькие симпатичные медсестры видели в нем всего лишь худого,

стриженого и, чего скрывать, довольно невзрачного, легкораненого среднего командира, то бишь лейтенанта. Одним словом, делая ему перевязку, могли разговаривать о чем-то своем, как будто наматывали бинт на манекен.

Теперь же они сбегались стайками к палате, подсматривали по очереди через щелку в дверях, громко шушукались и хихикали... Что они там говорили, Николай, ясное дело, не знал. Но догадывался... У него горели щеки и пылали уши, и он ничего не мог с этим поделать...

Выручил Николая военный комиссар госпиталя старший политрук Нефедов, которого за глаза все звали «это самое». Как только он появился в коридоре, сестричек как ветром сдуло. Афанасий Спиридонович держал девчонок в ежовых рукавицах, и они боялись его даже больше чем главврача.

– Ну, где, тут у нас Герой, это самое? – пробасил он, входя в палату.

И все легкораненные хором, не сговариваясь, сдали Николая, ткнув в него пальцами.

– Товарищ лейтенант, что же вы скромничаете! Это же дело большой политической важности, это самое! – старший политрук так укоризненно покачал головой, что Николаю стало стыдно, что он такой несознательный. – Высокое звание Героя это не только награда, товарищ лейтенант, это огромная ответственность, это самое! Вы у нас ходячий, да? Мне начальник отделения сказала, что вы себя чувствуете хорошо. И у меня к вам большая просьба и партийное поручение, товарищ лейтенант. Вы ведь у нас комсомолец, это самое?

– Комсомолец...

– Вот и отлично! У меня к вам комсомольское поручение, это самое! Я вас попрошу после обеда выступить перед медицинским персоналом и ранеными. И рассказать о вашем героическом подвиге, это самое.

– Да я не знаю, что рассказывать. Я ведь ничего такого особенного не делал, – попытался отвертеться Николай, но старый политработник этого ему не позволил.

– Товарищ лейтенант, – военком снова укоризненно, почти по-отечески, покачал головой. Как это у него получалось неизвестно, но опять он Николая пристыдил. – Что же вы думаете, командование не знает, кого надо удостоить звания Героя Советского Союза, а кого не надо, это самое! Нет, уж вы постарайтесь, припомните все поподробнее. Время до обеда еще есть, это самое, – и встал, давая этим понять, что скромность Героя, это самое, он уважает, но никакие возражения, это самое, не примет.

Большую часть времени до обеда вместо того, чтобы последовать доброму совету старшего политрука, Николай посвятил разработке различных планов похищения собственного обмундирования и документов в целях немедленного бегства из госпиталя. Планы были изобретательными, но слишком фантастичными и поэтому остались нереализованными.

После обеда под чутким руководством военкома столовая быстро превратилась в актовый зал. Столы были сдвинуты к стене, стулья расставлены рядами, а стол президиума накрыт красной тканью. На столе, как и положено, на любом собрании красовался графин с водой и несколько стаканов. Кто-то из медсестер расстарался и рядом с графином в двухлитровой банке стоял большой букет полевых цветов.

Столовая быстро наполнялась людьми. То ли комиссар так качественно провел разъяснительную работу, то ли сыграло свою роль простое человеческое любопытство, но народу набилось гораздо больше, чем на обычную политбеседу о международном положении. Люди стояли у стен и сидели на столах. Понимая важность происходящего и, в виде исключения, заведующая столовой закрыла глаза на это безобразие.

В центре кумачового стола, само собой, посадили Николая, которому было уже совсем плохо. Так плохо, что впору было принимать какое-нибудь успокоительное. Еще немного и, возможно, он сбежал бы из госпиталя и без документов, и без обмундирования. Во всяком случае, Николай уже жалел, что этого не сделал, пока еще было можно. Потому что сейчас у него такой возможности уже не было. Умудренный жизнью военком сам сел справа, а слева от Николая посадил главврача, старую, суровую еврейку.

Когда Нефедов решил, что народу собралось достаточно, он постучал по графину черенком специально припасенной для этой цели столовой ложки и встал. В столовой сразу стало тихо. Военком тепло оглядел присутствующих и сказал:

– Вот, дорогие товарищи! Сегодняшний Указ в «Правде» о награждении моряков-тихоокеанцев вы все уже читали, это самое. И оказывается, один из Героев находится на излечении в нашем госпитале, – и он указал на сидящего рядом Николая. – Поэтому мы все здесь и собрались, чтобы с ним встретиться, это самое. Я попрошу тишины. Николай Матвеевич во время совершения своего героического подвига был ранен и контужен, так что давайте об этом не забывать, это самое. Вопросы задавать поднятием рук и вставанием. Хлопать тоже потише, потому что у нас здесь не театр, а госпиталь, это самое...

Николай с тоской смотрел в синее небо за распахнутыми окнами. Там насвистывали свои незамысловатые трели птицы и шелестели листвой тополя... Он перевел взгляд в зал, увидел множество глаз, обращенных на него, и услышал окончание речи военкома.

– Давайте попросим нашего дорогого Героя рассказать нам о своем подвиге, это самое, – сказал старший политрук и похлопал в ладоши. Зал, помня его предупреждение, поддержал аплодисменты достаточно сдержанно.

Делать нечего, Николай встал и вышел из-за стола. Не то, чтобы он боялся выступать. Выступал он на комсомольских собраниях, и не раз. Дело было не в этом. Просто как-то неудобно ему было... Словно похваляешься... Хвастовство, одним словом. Но деваться было некуда.

«Расскажу, как дело было, и все», – решил Николай и сразу успокоился.

– Зовут меня Полищук Николай, – начал он. – Биография самая обыкновенная. Родился в Оренбурге в восемнадцатом. Окончил десятилетку, потом школу морских летчиков. Вот... Когда началось наступление, летал на патрулирование, сделал десять боевых вылетов. Участвовал в воздушном бою, когда самурайская эскадра прорывалась... А когда был этот налет, сбил два бомбардировщика. Первый в пике, а второй на горке, – и Николай непроизвольно начал показывать ладонями, как все происходило. – Ну и когда выскочил наверх, тут меня и подловили самураи. Хорошо, что еще скорость была. Поэтому смог развернуться. Только одна очередь попала. Вот... А потом у меня оружие отказало. Ну, я и ударил консолью бомбардировщик по крылу. Чтобы не дошел он с бомбами до города... Жаль, конечно, самолет. Но делать-то было нечего, – словно оправдывался Николай. – Приказ был не пропустить никого к городу. Ну, я его и рубанул, – он посмотрел на военкома, ища поддержки. – Ну и ударился. А потом еще парашют поздно раскрылся. И об землю я здорово приложился. Вот... С вами отлеживаюсь тут теперь, – сказал Николай и улыбнулся.

И вся аудитория громко захлопала, позабыв про все комиссарские наказания... Этот бесхитростный рассказ и такая простая улыбка человека, прошедшего рядом со смертью, совершившего настоящий подвиг и совершенно искренне так не считающего, покорила всех...

Комиссар смотрел на этого худенького, невысокого паренька, который годился ему в сыновья, и думал: «Вот такими же и мы были когда-то в восемнадцатом». И вздохнул... А теперь их время пришло буржуев бить и родину защищать, вот этих самых мальчишек. И они это сделать сумеют!

А еще через день, в первый осенний день тридцать девятого года, наконец началась война и в Европе. Третий рейх атаковал Польшу. И это было очень вовремя!

Потому что в течение трех недель после начала Маньчжурской стратегической наступательной операции вся территория Северо-Восточного Китая была освобождена от японских захватчиков и их прихвостней. К первому сентября войска Приморского фронта вышли на рубеж реки Ялуцзян и приступили к освобождению Кореи. А войска Забайкальского и Дальневосточного фронтов, перегруппировавшись, нанесли удары в направлении на Циндао, Суйчжоу, Нанкин и Ухань...

Временное правительство Маньчжуро-Китайской Народной Республики было образовано уже в первый день наступления на первых же метрах освобожденной

территории. К моменту окончания операции при помощи советских политработников оно сумело организовать свои рабочие органы на местах и приступило к налаживанию мирной жизни. Как и Временное правительство Корейской Народной Республики, также образованное в первый же день операции.

Радостно встречаемые китайским народом, советские части и соединения вошли в районы, освобожденные восьмой и новой четвертой народно-освободительными армиями Китая и партизанскими отрядами. А на правом фланге наступающих находился Пограничный особый район, контролируемый Коммунистической партией Китая. И совместными ударами советско-монгольских войск и китайских товарищей междуречье рек Хуанхэ и Янцзы было полностью освобождено...

Но если в Маньчжурии и Корее народ был един, то здесь ситуация была менее ясная. Тем не менее советские военные коменданты одинаково радушно относились и представителям Гоминдана, и к коммунистам. Хотя, по понятным причинам (классовая солидарность!), в основном оказывали поддержку партизанам. И благодаря советской помощи на этой территории образовалось и быстро набрало силу Временное правительство Восточно-Китайской народной республики.

Совет народных комиссаров немедленно признал все вновь возникшие на освобожденной территории государства, а Верховный Совет СССР сразу же ратифицировал заключенные с ними договоры о дружбе и сотрудничестве. А также протоколы о взаимной безопасности, такие же, какой в свое время был заключен с Монголией. Чтобы все, кого это касается, осознали серьезность намерений советской стороны!

Правительство Японии неоднократно пыталось договориться с советским правительством о временном прекращении огня и обсуждении взаимных претензий, но Совет народных комиссаров на эти провокационные попытки не поддавался, ожидая от японской стороны капитуляции.

Лига Наций среагировала достаточно быстро, но до исключения СССР из ее рядов дело пока еще не дошло. Североамериканские Соединенные Штаты восприняли советско-монгольское наступление болезненно, но решили подождать с выводами и посмотреть, что будет дальше. Англия и Франция выразили неподдельное возмущение бесчеловечными бомбардировками мирного населения Японских островов, а также жестокой агрессией большевиков в отношении независимого государства Маньчжоу-Го и борющегося Китая. Но этим дело и ограничилось.

Потому что первого сентября им всем стало не до того...

Пока Европа вкупе с Америкой раскачивалась и совещалась, советское правительство дало позитивный ответ на торговые и политические предложения Третьего рейха и подписало с германским государством пакт о ненападении. Со всеми необходимыми протоколами. А, кроме того, было заключено взаимовыгодное торговое соглашение. И первого сентября германские войска перешли польскую границу...

А через пару недель, чтобы защитить украинское и белорусское население Польши от ужасов войны, польскую границу перешла Красная армия. И несколько дней спустя, без боев пройдя полстраны, бойцы и командиры РККА встретились со своими товарищами по оружию, офицерами и солдатами вермахта, разгромившими белополяков, и провели совместный парад в Бресте, который в соответствии с секретным протоколом отошел к Советскому Союзу.

Глава 9. «А вдали осталась девка-краса...»

Чита, сентябрь – октябрь 1939 г.

В середине сентября в Читу пришло бабье лето.

Днем было тепло и даже жарко, хотя по ночам заметно холодало. Аллеи городских парков осыпало листвой. И тополя, и клены, и лиственницы осень позолотила очень щедро.

Лейтенант Пономарев очнулся через несколько дней после многочасовой операции. Он

опять лежал в Читинском окружном военном госпитале. Только теперь в палате для тяжелых... Лежал и тупо смотрел в потолок. Жить ему не хотелось. Но никто об этом не знал, а то его сразу бы отнесли в морг, наверное...

«И это было бы хорошо», – вяло подумал Владимир.

Он был ранен в начале сентября. В дни тяжелых воздушных боев над Циндао.

Очередь борт-стрелка самурайского тяжелого бомбардировщика насквозь прошла ему грудь. Владимир нажал слабеющей рукой на гашетку и тоже не промахнулся. Вражеский пулемет замолк, и у него появилась возможность расквитаться с врагом напоследок. Он и расквитался. Бомбардировщик загорелся и упал. А Владимир развернулся блинчиком и поплелся на аэродром в излучине Хуанхэ, с которого поднялся в небо поутру.

Он продержался до самого места и сумел-таки посадить поврежденный самолет. Уже мутнеющим взглядом Владимир разглядел взлетную полосу посреди рисовых полей и выпустил закрылки. И, слава богу, что на шасси сил у него уже не осталось... Пропеллер потом можно и кувалдой поправить, а вот, если кувыркнуешься на пробеге и тебя сверху накроет, стопроцентный каюк.

Когда его «ласточка» плавно коснулась мокрой травы, он отключился...

Если бы военврач третьего ранга Рева не гордилась бы так своей операцией, не приходила бы смотреть, как идут дела у этого больного, может быть, Владимир и не глядел бы сейчас в этот потолок, а лежал бы уже в другом, более грустном месте.

Но военврач знала, что все было сделано правильно, и пациент был просто обязан выжить! Она не приняла бы ничего иного! И только поэтому Владимир потихоньку приходил в себя. Хотя это и было ему все равно... Но военврач третьего ранга не сдавалась! Потому что ей было не все равно.

И еще кое-кому было не все равно, выживет лейтенант Пономарев или умрет от ран... Одной, отдельно взятой, медсестре.

Когда Анька в середине лета написала ей, что Володька Пономарев лежит в Читинском окружном военном госпитале, Татьяна пошла к главврачу и сказала, что увольняется. Ничего объяснять она не стала. И слушать тоже. Забрала документы, села в поезд и через пару недель снова надела белый халат медсестры. Уже в Чите.

Его она, само собой, не застала. Не успела. Выздоровел и убыл в часть. И слава богу! Выздоровел! А она, все равно, стала ближе к нему на пять тысяч верст!

Когда, под Новый год, приехали Алексей с Николаем, а он не вышел на перрон, ей было очень больно... Но она справилась... И даже не показала виду!

Владимир понравился ей с первого взгляда. Что-то было в нем такое, что заставляло ее трепетать...

Влюбилась как дура!

Когда он держал ее за руку в кино, все кружилось у нее перед глазами. Все кружилось у ней перед глазами, когда он танцевал с ней печальное аргентинское танго. А потом она его поцеловала на вокзале без спросу...

Какая же ты дура! Ну, зачем ты тогда его поцеловала!

Николай сделал Аньке предложение. Чего и следовало ожидать. Никто и не сомневался. И Лешка-балбес женился на своей. Что было очень предсказуемо. Совершенно ясно... Даже слепому было видно, что у него от Томки башню сносит!

Почему же ты не вышел тогда на перрон вместе с ними?!

Это не важно!.. Никуда ты от меня теперь не денешься!

Татьяна сдаваться не собиралась... Ей было не все равно.

А Владимир вдруг начал узнавать не только военврача, а еще и эту стройную и красивую кареглазую девушку, которая ухаживала за ним все это время. Убирая, как за маленьким... Он смотрел на нее, и ему стало казаться, что он знал ее когда-то, и Владимир подумал: «Ну, вот, хоть кто-то знакомый будет рядом, когда будет надо».

Он уже устал сопротивляться этой непонятной женщине. Этим двум непонятым женщинам. В белых халатах. Которые не давали ему уйти, тихо и мирно. Никого не

тревожа... Насовсем... Они... Она...

И вдруг он вспомнил о Наталье.

Татьяна сидела рядом с Владимиром и думала только об одном. О том, что она ни разу так и не сказала ему, как она его любит. А он то приходил в себя, то уплывал... Она чувствовала это по-женски, по-матерински, по-сестрински. Она чувствовала, когда он уходил, и держала его, не давая ему сорваться в пропасть, откуда не было возврата... Лишь бы он выжил!.. Она так его любит! Таня сидела рядом с ним и молилась, хотя не знала ни одной молитвы... Она придумала их сама, все эти молитвы! И, наверное, они помогли. Потому что взгляд его становился все более осмысленным, все более здешним...

И однажды он вымолвил чуть слышно:

– Наташа...

И тогда она заплакала. Тане хотелось убежать и спрятаться, но нельзя было оставить его ни на одну минутку. И она плакала, сидя рядом с ним, глотая горькие слезы и держа его за руку...

А когда пришла Рева, эта, самая сильная женщина в госпитале, и поправила ему подушку, и сказала, что теперь все будет хорошо, Татьяна все-таки не выдержала и убежала, всхлипывая... А военврач третьего ранга оглянулась на нее и сказала старшей сестре, сопровождающей ее на обходе, что, видимо, девочка устала и надо ее сменить.

А он смотрел на них и молчал. Двадцатилетний мальчишка, которого научили убивать людей, но никто еще не научил любить... Он потерял свою единственную любовь, едва ее найдя. Судьба отняла у него все... Но помиловала и оставила в живых, хотя за жизнь он и не цеплялся. Наоборот, он ее не хотел... Но молодой организм выдюжил. Владимир поправлялся не очень быстро, но уверенно...

Однажды в теплый октябрьский день Татьяна сменилась с дежурства. И, уходя, увидела его во дворе под тополями. И, не удержавшись, снова поцеловала без спросу...

Начальник первого хирургического отделения Читинского окружного военного госпиталя военврач третьего ранга Софья Зиновьевна Рева смотрела на них из окна с высоты своих сорока лет и вздыхала... Мальчик выкарабкался... И, слава богу... И конечно же он заслужил немножко любви. И эта девочка тоже заслужила... Рева видела, как она присматривала за этим раненым. Тогда она еще не понимала почему. Теперь поняла... Эх, молодость, молодость...

Многие раненные заглядывались на стройную фигурку и туго обтянутую белым халатом высокую грудь Татьяны. А она смотрела только на Владимира...

Но у них ничего не получилось.

Потому что он наконец вспомнил... Именно в этом госпитале он лежал в июне. Именно здесь он увидел тогда Наталью. О ней напоминали и стены, и потолки, и подоконники и конечно же тополя в госпитальном дворе... Он вспомнил все...

Начав ходить, Владимир познакомился с лейтенантом Рябцевым из соседней палаты. Федор Рябцев был комвзвода двести двенадцатой отдельной воздушно-десантной бригады. Он уцелел во время штурма высоты «Палец» в начале августа на Халхин-Голе, но через пару недель поймал-таки пулю в Чанчуне. Впрочем, ему повезло. То ли рука у снайпера дрогнула, то ли подтолкнул его под локоть Федоров ангел-хранитель, но самурайская пуля угодила в грудь, а не в висок, как это обычно бывало... В бессознательном состоянии Федора эвакуировали на ТБ сначала в Тамцаг-Булак, а затем в Читу. Как, собственно, и Владимира...

Сначала они просто сидели рядом на солнышке во дворе, и неспешно беседовали, вспоминая Халхин-Гол и Китай. Пока Владимир случайно не упомянул о том, что в авиашколе увлекался прыжками с парашютом. Когда Федор узнал, сколько у него прыжков, то раз и навсегда признал в нем своего.

Зашел как-то разговор и о двухсотой отдельной воздушно-десантной бригаде осназ, которую выбросили на Харбин в первый же день наступления Дальневосточного фронта.

Владимиру нелегко было касаться этой темы, но то ли боль притупилась, то ли он к ней понемногу стал привыкать... Потому что мог говорить о Харбине уже почти спокойно. А,

впрочем, кто удивится, если выздоравливающий побледнеет посреди фразы или у него перехватит горло и собьется речь на полуслове?

Рябцев знал немного, но кое-что знал... Знал о том, что бригада вела тяжелые бои. Что потери были большие, хотя она и выстояла, продержавшись до подхода мониторов Амурской военной флотилии. Они десантников и выручили... Тех, кто уцелел... А уцелело, ясное дело, немного. Но если бы не мониторы, не уцелел бы вообще никто.

Только после войны военные историки, корреспонденты и писатели напишут об этих боях почти правду или почти всю правду. Кому сколько разрешат. А пока о том, что происходило в Харбине в течение недели, с тринадцатого по двадцать первое августа, знали только Военный совет и штаб Дальневосточного фронта.

А дело было так...

Тринадцатого перед рассветом первый батальон двухсотой отдельной воздушно-десантной бригады особого назначения десантировался с парашютами в нескольких точках на окраине города. Стремительным ударом десантники захватили аэродром и мосты через Сунгари. Охрана серьезного сопротивления оказать не успела и была безжалостно перебита. Перерезав стратегическую Китайско-Восточную железную дорогу, батальон выполнил свою главную задачу. После чего взял под охрану аэродромные запасы топлива и ангары с самолетами, а частью сил захватил радиостанцию, водонасосные станции и склады вооружения. При этом один взвод сразу же был выделен на охрану советского консульства...

Кроме того, были разгромлены штабы японских войск, дислоцированных в городе, в том числе штаб Военной Сунгарийской речной флотилии. При этом удалось арестовать ее командующего, пожилого китайца в звании генерал-лейтенанта, который, похоже, страдал бессонницей и на свою беду задержался в штабе...

Второй батальон десантировался посадочным способом через час после первого. Были захвачены вокзал, почта, телеграф и телефонная станция, а также склады с продовольствием... Управление бригады и третий батальон прибыли днем...

В районе аэродрома, опираясь на уже имеющиеся доты, десантники приступили к созданию нового оборонительного рубежа. С помощью мобилизованного местного китайского населения, само собой...

Вскоре на аэродром прибыл советский консул, вместе со спешно сформированным отрядом самообороны, под командованием штатного сотрудника соответствующих органов и по совместительству советника по культуре.

В Харбине жило и работало более трехсот советских граждан. Майор Мошковский приказал выдать всем военнообязанным мужчинам винтовки, патроны и гранаты с захваченных складов и сменил ими десантников на ряде второстепенных объектов.

Но, как оказалось, людские резервы на этом еще далеко не были исчерпаны. В Харбине жило очень много русских эмигрантов. Причем, большая часть из них здесь и родилась. В семьях бежавших когда-то из Советской России, обманутых белыми генералами и атаманами казаков. А кое-кто жил в Харбине еще с дореволюционных времен. Многие молодые юноши и девушки с энтузиазмом предложили свою помощь, свалившимся на них с неба землякам.

Военком, отлично понимая, как мало у них шансов продержаться в глубоком тылу противника в одиночку, махнул рукой на классовую чуждость этой молодежи. А, впрочем, они ведь были русскими людьми! И почему бы им не искупить вину своих отцов и матерей перед Родиной своей русской кровью?

Только начальник особого отдела бригады резко возражал против создания народного ополчения из этих недобитков. Тогда Мошковский предложил ему взять взвод и самостоятельно организовать имеющимися силами захват и оборону Харбинской тюрьмы, жандармского и полицейского управлений, городской управы, банков, военного госпиталя и больниц, продовольственных складов и пекарен.

Крыть было нечем. И лейтенант унялся. Пообещав самому себе повнимательнее присматривать за майором... И, если что... Незамедлительно принять в его отношении необходимые меры.

Яков Мошковский не хуже своего военкома понимал, что шансы продержаться до подхода помощи у бригады не велики. Хотя смертником себя и не считал. Умирать он пока не собирался. Он собирался повоевать с самураями как следует!

Впрочем, смерти он не боялся. По разным причинам...

Во-первых, когда-то он летал на таких хрупких аппаратах, что иначе как смертником в глазах простых обывателей и не являлся. Потому что стал пилотом еще в двадцать третьем году. Во-вторых, у него уже более пятисот прыжков с парашютом, в том числе затяжных и особой сложности. И это тоже о чем-то говорит. В-третьих, когда он искал экипаж Леваневского, то полярной ночью в одиночку ходил очень далеко за Северный полюс, рискуя повторить его судьбу. Хотя Сигизмунда так и не нашел. И, в-четвертых, на совести у Якова была гибель товарищей в той нелепой катастрофе в мае прошлого года под Архангельском.

Он тогда не сумел справиться с машиной... Потому что перед этим не спал ночь и очень весело провел время в дружеской компании.

В то утро, когда он оторвал свой верный «СССР Н-212» от взлетной полосы, вдруг сдал один из четырех моторов. Он прибавил оборотов остальным, но не сумел выдержать линию взлета, ударился шасси об отвал какой-то траншеи и пробил бак. Самолет при этом подпрыгнул и, пролетев сотню метров и загоревшись, упал в реку.

При ударе его выбросило на плоскость... Горели бензобаки. Он открыл задний люк и стал помогать выбираться пассажирам. И вроде все выбрались. А потом оказалось, что выбраться-то выбрались, а вот доплыть до берега в меховых комбинезонах и унтах смогли не все...

Герой Советского Союза Михаил Бабушкин не смог. Потому что в недавней аварии сломал обе ноги, и Яков должен был его доставить в Москву. А когда самолет упал в реку, Бабушкин еще два ребра сломал, как потом определил патологоанатом, осматривая его тело.

Яков сам вытащил Михаила из воды. Но было уже поздно...

«Хватит самоедством заниматься! Этим ты никого уже не вернешь!» – Мошковский взял себя в руки и усилием воли отбросил тяжелые мысли.

Мобилизационный пункт он организовал в здании городской управы, а создание ополчения поручил военкому. Батальонный комиссар Углов, осознавая, что времени у них в обрез и самураи вот-вот очухаются и навалятся всем скопом, взялся за дело по-большевистски решительно. Он формировал и вооружал взводы, назначая командирами советских десантников. Часть ополченцев была им направлена для захвата и охраны различных городских учреждений, а наиболее боеспособные подразделения выдвинуты к аэродрому, чтобы принять бой вместе с основными силами бригады.

А бой принять пришлось уже на следующий день...

За сутки, которые ему предоставили самураи, комбриг успел организовать на подступах к аэродрому и мостам настоящие укрепрайоны с несколькими линиями обороны. Была у него и своя авиация. Полковник Слюсарев, как и обещал, посадил в Харбине эскадрилью И-шестнадцатых...

К этому времени, летая под их прикрытием, ТБ-семнадцатой отдельной тяжелобомбардировочной авиабригады перебросили на Харбинский аэродром еще два батальона мотострелков, великодушно выделенных Мошковскому вышестоящим командованием. С Харбинских складов были доставлены и розданы по взводам ручные и станковые пулеметы с патронами. В достаточном количестве, чтобы превратить авиадесантную бригаду в пулеметную.

В городе десанникам удалось захватить в исправном состоянии две батареи вместе со снарядами и самурайскую роту легких танков. Роту пушечных бронеавтомобилей БА-10М на внешней подвеске доставили тяжелые бомбардировщики из Благовещенска. Кроме этого, они привезли дивизион сорокапятимиллиметровых противотанковых орудий.

Командование японской третьей армии наконец пришло в себя от неожиданности и бросило против советских десантников и Харбинского ополчения обе дислоцированных

недалеко от города бригады. Еще две смешанных бригады и пехотная дивизия в срочном порядке перебрасывались по железной дороге. Этот нарыв, внезапно образовавшийся в глубоком тылу Квантунской армии, необходимо было вскрыть в самые кратчайшие сроки!

Но самураи недооценили советских парашютистов. Обе бригады, атакуя в лоб подготовленные позиции, понесли большие потери. Оказывается, у русских были и танки, и артиллерия, и даже авиация! В критический момент танки и бронеавтомобили ударили во фланг перегруппировывающейся сорок седьмой пехотной бригаде и при поддержке истребителей разметали ее боевые порядки огнем, броней и гусеницами...

А наступившей ночью несколько разведгрупп десантников прошли по самурайским тылам, ведомые проводниками из местных русских эмигрантов, и хорошенько поработали ножами... К этому самураи не были готовы совершенно. Потому что знали, что русские ночной бой не любят. Наверное, это были какие-то неправильные русские...

На следующий день под Харбин прибыли части японской шестьдесят третьей пехотной дивизии. Три пехотных полка, артполк (девять батарей), инженерный и транспортный полки, кавалерийский эскадрон и рота танкеток. Более четырнадцать тысяч солдат и офицеров!

Против тысячи восьмисот парашютистов, семисот стрелков и трехсот военнообязанных. И нескольких тысяч ополченцев.

За эти три дня десантники неплохо окопались и пристрелялись на местности.

Кроме того, ожидая атаки, Мошковский загодя вызвал бомбардировщики. А потом отправил звено «ишачков» в разведку, намереваясь к подходу СБ выявить районы сосредоточения самураев и затем навести на них авиацию. И это ему почти удалось. Почти, потому что лететь до Харбина все-таки было далеко. Тем не менее многие японские части попали под бомбы на марше. А потом их проштурмовали истребители.

Вражеская атака была отбита... И следующая... И еще одна... И еще... А потом Мошковский нанес контрудар танками и броневиками по позициям пехоты и артиллерии врага. Контрудар имел успех. Правда, несколько машин было потеряно. Экипажи погибли. Но тут уж, как говорится, ничего не поделаешь.

Ночью через линию боевого соприкосновения опять отправились разведчики. И эти еженощные вылазки были отнюдь не безрезультатны. В ночной ножевой драке, точнее резне, парашютисты вновь и вновь выходили победителями...

Четвертый день принес новые остервенелые атаки самураев. В пулеметах закипала вода. Танки, бронеавтомобили и сорокапятки стреляли прямой наводкой. Дважды приходилось переходить в контратаку.

А на улицах Харбина шла своя война. Уличная. Небольшие японские подразделения пытались проникнуть в город, но, попав под сосредоточенный и хорошо продуманный пулеметный и винтовочный огонь, отошли. Брать Харбин решили погодить. Еще успеется. Для начала надо разобраться с десантом. А местному населению второй Нанкин они смогут устроить и позднее.

Между тем силы парашютистов таяли... От бригады осталась едва ли треть. Люди вымотались до предела.

Вечером бомбардировщики привезли Мошковскому еще один батальон стрелков. Но этого, конечно, было мало. А в окопах и дзотах парашютисты и ополченцы уже давно перемешались, щедро поливая маньчжурскую землю русской кровью...

Восемнадцатого радисты поймали сообщение о разгроме вражеской эскадры в Японском море, и у мошковцев был праздник. Но долго праздновать самураи им не дали, к обеду они перегруппировались и ввели в бой две подошедшие смешанные бригады.

Хорошо, что весь первый день, реквизируя несколько десятков автомобилей, Мошковский завозил на позиции патроны с харбинских складов. Потому что расход был очень велик. Но он приказал патронов не жалеть. Не оставлять же их потом самураям! Лучше их боеприпасы на них же и потратить!

А на следующее утро на самурайских позициях стояла тишина. Десантники ничего не понимали. Но догадывались, что это тишина перед бурей.

Так и вышло... После обеда все пространство перед позициями двухсотой отдельной воздушно-десантной бригады особого назначения потемнело от атакующей пехоты. Самураи словно сошли с ума! И впервые им удалось ворваться в окопы, завалив все поле перед ними своими трупами. Мошковский бросил в бой все резервы – несколько взводов парашютистов и стрелков и под вечер все-таки сумел отбросить врага...

Во время ночного сеанса связи с Большой землей он узнал, что прошедшей ночью советская авиация выжгла японские острова зажигательными бомбами практически дотла. И тогда комбриг понял, чем была вызвана послеобеденная бешеная атака самураев.

За ночь Мошковский перетасовал своих ребят, укрепив десантниками самые важные участки обороны. Он готовился к решительному штурму, к последнему бою, и вызвал самолеты для эвакуации раненых. Тяжелых они погрузили, а легкораненые улетать отказались наотрез. И комбриг впервые не смог настоять на своем. Потому что не имел права лишить их возможности драться и умереть вместе с товарищами.

Однако весь день прошел на удивление тихо... Лишь под вечер силами до батальона самураи попытались атаковать. Но отброшенные сосредоточенным пулеметным огнем отошли, не добежав ста метров до советских окопов. Скорее всего, вчерашние потери были настолько велики, что японскому командованию понадобились эти сутки на переброску в Харбин свежих частей. Которые опоздали...

Потому что на рассвете к Харбинской пристани пришвартовалось шесть бронекатеров и мониторы Краснознаменной Амурской военной флотилии «Сун-Ят-Сен» и «Ленин», которые высадили два батальона стрелков в тылу у врага и открыли огонь из шестнадцати двадцатимиллиметровых и двенадцати трехдюймовых орудий.

Бригада выстояла... Но Яков Давыдович Мошковский не долго радовался победе. Потому что именно в этот радостный для всех день в ходе зачистки города от разбежавшихся самураев его настигла пуля.

Ничего этого лейтенант Рябцев, конечно, знать не мог. Потому что не положено было. Но и того, что он знал, было достаточно, чтобы Владимир понял, что Колька Дьяконов не врал и там действительно жарило! А, значит, не врал он и в остальном...

Но это ничего не меняло в его отношениях с Татьяной! Потому что ничего их изменить не могло...

Какая же ты дура! Ну, зачем же ты его опять поцеловала!

– Ты! – горько кричала ему она, глотая слезы. – Ты!

А он просто смотрел на нее... И ему было очень жаль эту милую девушку. Просто было очень жаль... Такая красивая... Такая хорошая... И такая несчастная... Но он ее не любил. И не хотел обманывать. А, может, любил, но как-то не так?... А как?... А, впрочем, не все ли равно...

Владимир так отстраненно думал обо всем этом, что даже, если бы его сейчас стали убивать, не почувствовал. А, может, он уже умер? Наверное... Уже давно. Еще тогда в августе... Жаль ее. И пусть себе идет...

Владимир отвернулся и молчал.

Она убежала вся в слезах. А он смотрел на этот белый подоконник, облезший и потрескавшийся, смотрел на эти зеленые стены госпитального коридора и думал о том, что вот он скоро вернется в строй... И сядет в самолет... И полетит в небо... Такое же льдисто-серое... Такое же огромное... Такое же недостижимое...

И было бы неплохо, если бы он убился.

Во всяком случае, может быть, тогда эта девушка успокоилась бы...

В начале ноября его выписали, и в ожидании нового назначения он переехал в командирскую гостиницу. И с Таней Маковкиной больше не встречался.

Но как-то однажды вечером вышел из гостиницы за сигаретами. И наткнулся на отчаянный взгляд идущей навстречу Татьяны. За талию ее обнимал какой-то невзрачный пехотный лейтенантик.

Владимир безразлично кивнул ей и протянул киоскеру смятую купюру:

– «Казбек» и спички...

Они прошли мимо него и завернули за угол. А он дошел до тихого и пустого скверика, присел на скамейку и закурил. Ему было все равно. С кем Таня, что она, как она...

Мне бы одну. Ту бы. С нею бы все ночи...

Он курил и смотрел на чуть присыпанные грязным серым снегом читинские газоны. Все, как и минувшей зимой. Когда он только-только сюда приехал. Ничего не изменилось. Небо – черное... Деревья – голые... Холодно...

Ненужный вечер в чужом ледяном городе на безлюдной морозной аллее.

На душе у него было пусто. Ничего не хотелось...

А то, что хотелось, было нельзя. Нельзя было достать ТТ из кобуры на боку и шлепнуться на хрен! Хотя на этот раз пистолет на боку имелся. И две обоймы к нему. Имелись...

Нет, стреляться он не будет. На него и у самураев пуля припасена, и у фашистов, и у британцев, и у американцев. А свою обойму он для них сбережет. Они ему за все и заплатят.

Таня подошла и молча села рядом с ним. Он бросил папиросу и без интереса посмотрел на нее:

– А этот где?

– Прогнала! – ответила она. – Мне никто не нужен... – и вдруг заплакала навзрыд. – Кроме тебя...

Слезы неудержимо катились из ее огромных карих глаз. Она взяла Владимира за руку и стала целовать его замерзшие пальцы. А он почувствовал внезапно, какие у нее горячие слезы. И ему стало ее еще жалче. Но что он мог поделать...

А ничего ему делать было уже не надо.

В кармане френча лежал долгожданный вызов. Он получил его сегодня в штабе ВВС округа. Лейтенанту Пономареву предписывалось срочно прибыть в Москву, в наградной отдел Верховного Совета. Чтобы получить свои ордена.

Полковник Кравченко еще в начале августа сдал полк и убыл к новому месту службы. Он был назначен начальником отдела истребительной авиации Летной инспекции Рабоче-крестьянской армии. Это была очень высокая должность. Но, поднимаясь по служебной лестнице, Кравченко никогда не забывал своих бойцов, вовремя подавал наградные листы и присматривал за их прохождением через инстанции. И к первому дважды Герою Советского Союза, само собой, прислушивались.

Из-за ранения ордена лейтенанта Пономарева все еще лежали в наградном отделе. А пока на его темно-синем френче поблескивал только один орден – монгольский, «За воинскую доблесть», который ему, как многим другим, прямо на аэродроме вручил после разгрома самураев маршал Чойбалсан.

«А ведь вызов пришел в самый нужный момент!» – подумал вдруг Владимир.

Он уезжает по вполне уважительной причине. А в Москве расшибется в лепешку, но сделает все, чтобы получить назначение как можно дальше от ЗабВО и от Читы. А, самое главное, как можно дальше от заплаканных глаз Татьяны...

И больше своей полевой почты Кольке никогда не даст!

На следующий день, не откладывая отъезд ни на минуту, как и положено дисциплинированному командиру РККА, лейтенант Пономарев сел в поезд и уехал.

А Таня осталась одна...

Глава 10. «Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались...»

Москва, конец ноября 1939 г.

Владимира поселили в гостинице «Москва», совсем рядом с Красной площадью.

Когда он постучал и зашел в номер, его сосед, молодой коренастый майор-танкист, стоял перед зеркалом в коридоре, насвистывая марш из известной кинокартины «Три танкиста».

– Здравствуйте! – сказал Владимир и представился. – Лейтенант Пономарев. Будем соседями.

– Здоровеньки булы! – ответил майор, протягивая руку. – Майор Ильченко, – и кивнул на монгольский орден у Владимира на груди. – В каком полку летал?

– У Кравченко! – ответил Владимир, заметив такой же орден на френче танкиста. Под Золотой Звездой Героя. Рядом с орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени.

– Уважаю! – сказал танкист. – Давно ждал случая. С меня причитается! Ты вечером свободен или дела?

– Да вроде свободен. В наградной отдел только зайти надо...

– Ага! – понимающе кивнул майор. – Заодно и ордена обмоем!.. Тут внизу ресторан есть. Посидим, погутарим! – он надел шинель. – Ну, ладно. Я в автобронетанковое пошел. До вечера, значит?

Владимир кивнул, и майор, напевая «на границе тучи ходят хмуро...», вышел.

Оставив вещи в номере, Владимир явился в наградной отдел Верховного Совета и предъявил документы. Ему велели подождать в коридоре. Он приготовился просидеть до вечера, но бумаги нашлись быстро. Все было в порядке, и его тут же включили в состав какой-то группы, которой через час должны были вручать ордена в Кремле.

Награждение прошло почти обыденно. Владимир даже слегка разочаровался. Он-то ожидал чего-то особенного, но ничего такого не случилось...

Сначала ордена вручали каким-то колхозникам и колхозницам. Потом вызвали Пономарева Владимира Ивановича. Председатель Президиума Верховного Совета Михаил Иванович Калинин отдал ему две красные коробочки и удостоверения к ним. Владимир аккуратно пожал старческую ладошку (его строго-настроено попросили руку Михаилу Ивановичу не жать и не трясти!) и на этом процедура завершилась.

Там, на первой, халхингольской, войне, когда добились Комацубару и маршал Чойбалсан вручал летчикам двадцать второго Краснознаменного авиаполка монгольские ордена, сначала на аэродроме был общий митинг, потом торжественная часть, а потом товарищеский ужин. С монгольскими даргами (командирами) и цириками (бойцами), которых маршал привез с собой. Были Жуков и Смушкевич, Гусев, Лакеев и другие «испанцы» и «китайцы», Герои Советского Союза.

Да-а-а... Вручение первого ордена, пусть и монгольского, он никогда не забудет!

Выйдя из зала, Владимир зашел в туалет и на глазок привинтил ордена к френчу. Посмотрелся... Один вроде пониже получился. Он перевинтил его по новой. Теперь вроде было нормально... Владимир повертелся перед зеркалом, пока никого рядом не было. Выглядело очень даже ничего! Суровый, седой лейтенант. Шрам через лоб. Три ордена... Красиво... Год назад бы то же самое. Владимир прислонился заштопанным лбом к холодному зеркалу...

«К чему это все...» – подумал он.

Сердце у него уже не болело. Так. Ныло иногда... Медицина тут помочь ничем не могла. Потому что этот недуг был ей не по силам. Да и не нашли у него никакого недуга. Медкомиссию он прошел. Годен без ограничений. Хоть сейчас в бой!

Владимир скрипнул зубами и сжал кулаки...

Ну! У кого на него пуля припасена?!.. Где ты, вражья сила!.. Ну! Иди сюда!.. Буду морду таранить!!! Ну!!!

У него вдруг задергался кадык... Но он сдержался. Несколько раз глубоко вздохнул... И взял себя в руки. А потом одернул френч и пошел в гостиницу.

Войдя в номер, он повесил шинель в шкаф и прошел в комнату. Танкист сидел в рубашке и бриджах со стаканом чая в руке и читал «Правду». Очередной Указ о награждении орденами и медалями бойцов и командиров Красной армии занимал весь разворот.

Майор понял глаза, заметил два новеньких ордена Красного Знамени у него на груди и широко улыбнулся:

– Вот, это по-нашему! Молоток!.. Чай будешь?

Владимир помотал головой.

– И то верно, – майор посмотрел на свои командирские часы. – Так. Семнадцать тридцать... Слушай, а чего нам вечера ждать, пошли в ресторан прямо сейчас!

Владимир пожал плечами, дескать, не вопрос.

– Ну, тогда я сейчас по-быстрому...

Звякнув подстаканником, он поставил чай на стол и, хлопнув себя по коленям, пружинисто поднялся.

А через полчаса они уже сидели внизу за столиком в огромном зале гостиничного ресторана.

Его размеры потрясали!.. Владимиру в какой-то момент даже показалось, что здание гостиницы просто шатер, раскинутый вокруг этого необъятного зала. Впрочем, довольно скоро он перестал замечать отсутствие потолка над головой и увлекся товарищеской беседой. Под это самое, конечно, как и полагается.

– Ну, давай, для начала за знакомство! – сказал майор, наполнив рюмки, и протянул ему широкую ладонь. – Ильченко. Николай. Командир батальона одиннадцатой ордена Ленина танковой бригады. Слыхал про такую?

– А то! Баян-Цаган! – ответил Владимир, пожимая руку. – Пономарев. Владимир. Двадцать второй Краснознаменный истребительный. Слыхал про такой?

– Обижаете, Владимир Батькович! Кто же про вас не слыхал! – майор прищурился. – А сам-то над Баян-Цаганом летал третьего числа?

– Было дело. Переправы штурмовали! Семь вылетов за день сделал!

– У-ва-жа-ю!.. – по слогам сказал майор. – Столик за мой счет! И без разговоров!.. Кабы не вы, совсем труба! Самураи у меня и так полроты пожгли!.. Ну, ладно! Давай первую за знакомство! – майор звонко чокнул своей рюмкой об Владимирову и опрокинул ее в рот.

– Нас ведь с ходу в бой кинули. Прямо с марша. Без пехоты, – он словно оправдывался. – А самураи за ночь такую систему противотанковой обороны отгрохали, прощай мама! Ну, мы и вляпались по самое не хочу!.. Носимся по горе, вокруг одни рожи ускоглазые! Бегают, шныряют вокруг. Под гусеницы сами лезут! Потом Сашка, механик-водитель мой, весь переблевался, не к столу, будь сказано, пока траки отчистил от этого дерьма!.. А по башне ба-бам! И снова ба-бам! Вот такие дыры! – он сомкнул кольцом большой и указательный пальцы. – У них там было понатыкано противотанковой артиллерии в окопчиках, как бульбы в огороде! То тут пушка, то там! Я сам штуки четыре точно раздавил! Но машину они мне таки продырявили в нескольких местах, сволочи! Хорошо хоть не задело никого! – майор увлекся темой, но про рюмки не забыл и снова налил по ходу дела.

– Давай, знаешь, сейчас за что... – он посерьезнел. – Давай за тех, кто там остался! За моих ребят... И за твоих... Видел я сгоревший ястребок. И летчика в нем тоже видел... В кабине... Что у танкистов, что у летчиков, смерть одинаковая. Как движки на танке и на самолете!

Они встали и молча выпили не чокаясь...

Никто на них не обратил внимания. В зале было полно военных. И свет огромных хрустальных люстр, свисающих на длинных тросах с далекого потолка, играл и отсвечивал на рубиновой эмали, золоте и серебре орденов и медалей, шпал и ромбов. Многие были с женщинами. Может, и с женами, но, скорее всего, с боевыми подругами. Подруги были в ярких красивых платьях и громко смеялись.

– Я так понимаю, ты сбивал, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Ильченко, кивнув на ордена Владимира.

– На Халхин-Голе, – кивнул Владимир. – Семь лично и еще пятерых – в группе. В свалке иной раз не разберешь, – пояснил он, заметив недоуменно поднятую бровь. – Стреляешь по всем подряд. А потом посчитают на земле по обломкам, сколько всего сбито, и на всех записывают.

– На Халхин-Голе... В смысле, ты еще и в Китае повоевал? – спросил майор.

- Недолго... Успел только троих завалить, пока самого не зацепило.
- А... Теперь понятно, почему только сейчас за орденами приехал.
- Ну да... Пришлось в госпитале поваляться... Пару месяцев.
- Ты, смотри! Крепко зацепило!
- Ничего, оклемался потихоньку! Были бы кости целы, а мясо нарастет! – усмехнулся Владимир.

Владимир.

- Точно! А второй, значит, за Китай, – качнул головой Ильченко.
- Да нет оба за Монголию. Один за майские бои, а второй за август...
- Так ты там с самого начала, выходит, был! – присвистнул майор.
- Ага! Меня первый раз еще в мае ранило. – Владимир показал на свой шрам. – До двадцатого июня в госпитале лежал, но успел вернуться, когда опять началось!

– А мы в июле под Баян-Цаганом крестились... Слушай, а почему за Китай у тебя нету? Раз троих сбил, еще одно Знамя положено! – удивился Ильченко.

– А хрен его знает, товарищ майор! – пожал плечами Владимир. – Вроде подавали... У нас пока Кравченко командовал, все представления наверху проскакивали со свистом! А потом как заржбело. Да, ладно, не за ордена ж воевали!

– Так-то оно так! – протянул Ильченко. – И все же, все же, все же... Добро! Тогда давай, хоть эти обмоем!

Владимир осмотрел стол... Хрустальная вазочка из-под хлеба подходила для процедуры в самый раз. Он аккуратно переложил хлеб на салфетку и налил в вазочку стакана два водки. Ильченко уже отвинтил орден Ленина и Звезду.

– Вчера вручили... Не успел еще обмыть, – сказал он и бросил их в вазочку. – Вот, збраз и обмоем.

Ленточка медали сразу потемнела, намокая. Владимир отвинтил свои ордена и бросил туда же. Майор помотал вазочку из стороны в сторону и протянул ему.

– После тебя... – мотнул головой тот. – По старшинству!

Ильченко кивнул, прищурился, примериваясь, отпил половину и передал вазочку Владимиру. Тот принял ее двумя руками, выдохнул резко в сторону, и, не отрываясь, осушил до дна. Они достали свои награды и привинтили обратно. За соседним столиком слева группа пехотинцев с интересом следила за действием и одобрительно зашумела, когда оно завершилось. Это привлекло внимание проходившего мимо невысокого худощавого морского летчика.

Он повернулся, пригляделся и вдруг воскликнул:

– Володя!.. Привет!

Это был Николай Полищук. Владимир порывисто поднялся к нему навстречу, и они обнялись. А потом отодвинулись, разглядывая друг друга. У Николая было уже две средних полоски старшего лейтенанта на рукаве. На груди сверкала Геройская Звезда, а рядом орден Ленина.

- Ты где присел? – спросил его Владимир.
- Нигде пока, – пожал плечами Коля.
- Давай к нам! – Владимир повернулся к Ильченко. – Товарищ майор! Не возражаешь? Друга встретил старого. Год не видались!

– Какой разговор! – сказал тот, пододвигая Николаю свободный стул, и замахал рукой официантке.

Николай сел и всмотрелся в друга. Владимир сильно изменился... Не в орденах дело, хотя и в них, конечно, тоже. Седой совсем стал. И этот шрам... А глаза потухли. Что-то случилось...

– Что случилось? – спросил он.

– Ты о чем? – переспросил Владимир. И понял, о чем его спрашивает друг. А потом посмотрел на Николая и вдруг такая боль отразилась в его глазах, что Коля почувствовал ее почти физически:

– Воздушно-десантную бригаду, в которой она служила, в первый же день, как

началось, выбросили на Харбин... – у Владимира перехватило горло. – Сказали, погибла...

– Та-а-ак... – протянул Коля. – Ты точно знаешь?! Может, ошибка какая?

– Мне товарищ написал, с Дальневосточного. Он служил с ней рядом.

Майор переводил непонимающий взгляд с одного на другого, а потом вдруг вник. Кивнул сам себе и поставил в ряд три рюмки. И молча всем налил. И они выпили не чокаясь...

«Такая вот война...» – подумал Ильченко. И так больно ему стало... И хорошо, что никто не услышал этой боли. Он отвернулся...

– Ну а ты когда успел? – спросил Владимир мгновение спустя Колю, кивнув на Золотую Звезду.

– Указом от двадцать девятого августа, за таран, – просто ответил тот. – А старлея месяц назад дали.

– Таранил, значит, – сказал Владимир. – Пропеллером?

– Не-а... На скорости консолью рубанул по крылу. И сам тоже упал... Там такое было! Слышал, как они на Владик ходили?... По сотне бомбардировщиков за раз! И сотня истребителей в прикрытии. Такая мясорубка была!.. Вовку Малахова помнишь?

– Ну.

– Расстреляли в воздухе, когда он на парашюте выбросился из горящей машины.

– Сволочи!

– Я у самой земли открыл, все никак не мог вращение остановить, а то и меня бы тоже, наверное, – сказал Коля.

– Такая вот война, – сказал Ильченко и опять отвернулся.

А что тут еще скажешь... И не надо.

Владимир налил всем и встал. Как самый младший по званию из присутствующих, он поднял тост:

– За Сталина!

И все встали...

– За Сталина!!

И слова эти разнеслись по залу глубокой, низкой волной. И посыпались стулья, падая. И все вставали, один за другим. И все поднимали рюмки и бокалы. Ребята повернулись к залу. И Золотые Звезды засверкали на их груди...

– За Сталина!!!

И все, кто их видел. Все, кто в этом зале был. Все подняли бокалы вместе с ними! Все!.. Ради этого можно было умереть!.. И они выпили! Все вместе! А потом захлопали... И эти аплодисменты стоили дороже всего на свете.

Владимир сел и склонил голову. Нет, он не пьян... Просто у него больше ничего нет. Не было. И не будет! Никогда! Кроме Сталина!

– А знаете что, ребята? – Ильченко разлил по новой из графина. – А давайте теперь, за вас, за Сталинских Соколов! И морских, и сухопутных...

Владимиру этот тост показался смутно знакомым... Но был он так красив! И за это нельзя было не выпить. Они и выпили.

– Ну, вот, а потом меня подбили... – Ильченко опять рассказывал свою историю, но уже обращаясь к Николаю. – Иваненко, помкомвзвода, рядом шел. Буксир завели побыстрому, пока самураи не набежали... Ну и вытащили меня. А пока ехали, еще один экипаж подобрали из соседней роты. Вывезли. Обгорели ребята здорово. Это у нас обычное дело, – майор махнул рукой и поднял голову.

А лучше бы не надо...

Потому что в этот момент мимо них проходили музыканты и певица... Которая. Взглянула ему в глаза и улыбнулась... Ему! Так нежно!

Ильченко онемел...

Яркая, безнадежно красивая блондинка в роскошном длинном платье, с прической, как у немецкой киноактрисы Греты Гарбо... Неземная женщина.

Когда музыканты заиграли, она запела нежным контральто:

...Забыть тебя не так уже легко мне!
Забыть твой взгляд, забыть твой смех, обман!
Жить мне одной без тебя невозможно!
Не верю я тебе, твоим слезам!..

Танцплощадку перед небольшой сценой в центре зала сразу же заполнили пары.

И голос певицы, и все остальное, как весьма обтекаемо показал рукой майор, было очень даже, как бы это сказать! И ребята вдруг увидели, как это бывает. Когда к человеку приходит любовь с первого взгляда...

– Жаль пригласить нельзя, – вздыхал Ильченко. – Петь-то некому будет.

– А пусть музыканты одну песню без слов сыграют, – предложил Владимир.

– Точно! – ухватился за эту мысль майор. Он хлопнул рюмку вне очереди, встал, одернул свой серый френч и направился к конферансье, притулившемуся недалеко от сцены возле столика администратора.

А под высокими сводами плыла грустная мелодия и разрывала душу:

...Признайся мне! В твоей слепой измене!
Признайся мне! За правду все прощу!
Ты и я в слезах любви найдем забвенье!
Их запить хочу, измену, грусть свою...

– Ну а ты, Коля! Ирину не забыл еще? – спросил Владимир.

Коля помотал головой. У него так щемило сердце от этой песни! Он обхватил голову руками... Нет! Зачем он об этом говорил... Нет! При чем тут Володя... Нет! Ирину он не забудет никогда! И никогда, и никого больше не полюбит!.. Почему-то он знал это совершенно точно.

– Ты не понимаешь, Володя... Я даже не знаю, какая у нее теперь фамилия! Как мне ее найти, если я не знаю, какая у нее фамилия?!.. Нет, ты скажи!.. Как?! Как я могу ее найти?!.. Как? – повторял он снова и снова.

А мелодия, отражаясь от мраморных стен, печально бродила по залу, между столиков. Чудесный голос проникал прямо в душу и терзал ее, и терзал... А может, певица так проникновенно пела о своей собственной горькой любви?

...Признайся мне! Пока еще не поздно!
Признайся мне! Но не жалея меня!
Ты провинился! Поправить все возможно!
Твоя! Признайся мне! Прощу тебя!..

Владимир смотрел на друга и сосредоточенно размышлял...

Они уже выпили два графина на троих. И мысли у него были ясные. Хотя как-то потихоньку начинали крутить виражи... Надо найти Ирину, решил он... Да, но как? Как найти человека, если не знаешь его фамилию? Нет фамилии, нет и человека...

Владимир посмотрел на Колю, сидящего, уставившись в одну точку. Надо найти Ирину, решил он... Стоп! Выходим из виража! Он наполнил рюмку и выпил.

И, как ни странно, это помогло!

– Был такой древний грек, – начал он издали.

И Коля, подняв голову, недоуменно взглянул на него.

А Владимир продолжал:

– Его звали Ар-хи-мед. Так вот, он как-то сказал «Эврика!» – и Владимир хлопнул товарища по плечу. – Я знаю, как найти твою Ирину!..

А у того в глазах вдруг загорелась безумная надежда. Он вдруг поверил, что способ действительно есть, и Владимир его знает!

– Значит, так! Берешь отпуск. Едешь в Оренбург... Общагу ты знаешь? Знаешь!.. Во-первых, если она сначала поменяла фамилию, а потом съехала оттуда, то в домовый книге есть запись. Во-вторых, если она сначала съехала, а потом поменяла фамилию... Стоп!.. Так!.. В любом случае ты знаешь ее девичью фамилию! Есть фамилия, значит, есть и человек! Это раз! И вообще наверняка она сначала вышла замуж и только потом уехала из Оренбурга!.. Короче, покупаешь конфет и обходишь все ЗАГСы по списку. И просишь, чтобы они посмотрели, какую фамилию взяла такая-то и такая-то! Ты же Герой! Да они землю будут носом рыть, чтобы ее для тебя найти!.. Ты, пуныл?!

...Признайся мне! Пока еще не поздно!
Признайся мне! Но не жалея меня!
Ты провинился! Поправить все возможно!
Твоя! Признайся мне! Прощу тебя!..

И он пуныл... Коля вдруг пуныл, что просто боялся ее искать. Ведь Володька все верно говорит! Можно ее найти!.. Нет, не так! Он помотал головой... Нужно ее найти!.. И Коля от всего сердца пожал другу руку!

В это время к ним подошел поздороваться старый знакомый. По виду моряк. А на самом деле речник!.. Это был капитан третьего ранга Ревякин. Они обнялись все трое... У Шурки на кителе поблескивал новенький орден Ленина.

– Здорово, ребята!.. Я смотрю, в этой гостинице прямо дом свиданий! – Шурка был немного навеселе. Впрочем, как и они с Николаем. – Еще кого-нибудь видели?

– Нет пока! – ответил Владимир. – Ты-то как? Давай рассказывай!

– А что рассказывать!.. Дали вот на днях кап-три вне очереди и Ленина. За Харбин! Мы там самураям холку так намылили...

Владимир схватил Александра за рукав:

– Стоп!.. Ты сказал за Харбин?

Шурка даже осекся от неожиданности:

– Ну да!.. По Сунгари дошел до Харбина, на своем линкоре! Я тебе скажу, у них там укрепрайонов понатыкано было!.. И засады на каждом перекате... Хорошо, у нас броня! Но однажды чуть-чуть всерьез не прилетело! Под Хуньхэдао...

– Шурка! – дернул его за рукав Владимир. – Про Харбин давай! Парашютистов видел?

– А как же! Я тогда, после Хуньхэдао, к командующему пришел и говорю, чем так ломиться и с каждым Фуцзином и Сансином разбираться, может, просто рвануть сразу в Харбин?! А командующий и говорит, дело говорите, товарищ старший лейтенант! Вот вы и рванете!.. Я и рванул... Прямо от Хуньхэдао... А так еще неделю ковырялись бы! Там все эти парашютисты полегли бы, на хрен, за это время, пока пехота пешком дошла бы! А танки все в грязи застряли, а которые не застряли, тех смертники пожгли! Сволочи! Они у меня штурмана застрелили, Лешку Стрекалова... Такой штурман был!

– Так это ты, значит, к ним в Харбин прорвался! – Владимир сжал виски руками.

– Ну да, я... Мы с Лениным. В смысле мой «Сун-Ят-Сен» и «Ленин». Такой же линкор, однотипный, как у меня. Привезли мы с ним с собой два батальона стрелков. Высадили их на рассвете в тылу у самураев... И постреляли потом. Как следует... Жаль только, ни одна канонерка подраться не вышла. Их там парашютисты еще тринадцатого, оказывается, тепленькими взяли... Ну да ладно, в другой раз! Не последняя, чай, война... – Шурка был все такой же удалой речной пират!

Николай тоже прислушивался к беседе, но помалкивал, понимая, что творится на душе у товарища.

– А скажи, когда вы там закончили, ты с парашютистами встречался?... В штабе был у них? – Владимир смотрел на Шурку с нескрываемой, сумасшедшей надеждой, что вот сейчас

он скажет... Что... Видел... Ее...

– Было дело! Любопытно же было посмотреть, где они целую пехотную дивизию и четыре бригады положили! Я тебе скажу, они там сами себе укрепрайон построили и давали самураям прикурить!! А командиром у них был майор Мошковский, но его снайпер застрелил, под самый конец уже. Ему орден Ленина дали посмертно... Вот это был командир! Он там весь Харбин под ружье поставил. Народное ополчение из эмигрантов и наших, из консульства.

– А скажи, ты там, в штабе, девушку не видел, старшего лейтенанта Серебровскую, невысокая такая, блондинка? Или, может, слышал что о ней? – затаил дыхание Владимир.

Шурка потер лоб и пожал плечами:

– Ты знаешь, Володя, я ведь недолго там был. Договорились об огневой поддержке и разбежались. Самураев не добились ведь еще к тому времени... Нет, не видел... Девушку я бы запомнил. Очень уж место было неподходящее там для девушек. Даже для старших лейтенантов... А что, знакомая, да?

Владимир ничего не ответил. Вспыхнувшая на миг безумная надежда погасла. И ему стало во сто крат тяжелее...

Как Ильченко удалось уговорить конферансье, ребята не знали. Но это было не важно. Хотя бы один танец с этой невообразимо прекрасной женщиной геройский майор все-таки протанцевал... А потом, забыв про водку, сидел весь вечер, не сводя с нее восхищенных глаз...

Голубые глаза, вы пленили меня
Средь ночной тишины, ярким блеском маня.
Голубые глаза, столько страсти и огня,
Вы влечете к себе, голубые глаза,
Страсть и нежность тая...

Она пела словно для него одного. И все ее песни были грустные-прегрустные. А может, она действительно пела только для него? Почему же тогда Владимиру было так больно?

Голубые глаза, в вас горит бирюза,
И ваш сон голубой, словно небо весной.
Голубые глаза, столько страсти и огня,
В этих чудных глазах.
Голубые глаза, покорили меня...

В какой-то момент Владимир не выдержал. И, едва простившись с товарищами, ушел, почти убежал из этого зала. Он успел дойти до номера. И даже закрыл дверь. А потом упал лицом в подушку и закричал.

И наконец-то горько-горько разрыдался!

Глава 11. «Сердце, как хорошо на свете жить!..»

Москва, конец ноября 1939 г.

...Ильченко пришел в номер только под утро, трезвый как стекло, но совершенно ошалевший. Владимир, разлепив спросонья глаза, посмотрел на него вопросительно. Майор молча отмахнулся. И упал, не раздеваясь, на кровать. Закинул руки за голову и со счастливой улыбкой уставился в потолок.

Когда часа через два Владимир проснулся, танкист так и лежал в той же самой позе, все с той же самой улыбкой, глядя в потолок и ничего не видя...

Владимир не стал ему мешать и пошел в душ.

В полдень посыльный доставил Ильченко пригласительный на большой

правительственный прием в Кремле и банкет в честь новых Героев Советского Союза. Владимиру билет был не положен, но танкист разбил в лепешку и через какие-то свои связи сумел-таки его раздобыть.

– Поражение русских войск в тысяча девятьсот четвертом году в период Русско-японской войны оставило в сознании русского народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном, – глуховатый голос с сильным грузинским акцентом далеко разносился по залу. – Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Тридцать пять лет ждали мы, люди старшего поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Япония признала себя побежденной. Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы японского нашествия!

И весь зал, отбивая ладони, стоя аплодировал своему вождю.

Когда майор Ильченко, старший лейтенант Полищук и лейтенант Пономарев вошли в этот зал час назад, они едва не ослепли от блеска Золотых Звезд. Сегодня здесь собрались все Герои, дожившие до победы. Но не только они... Зал был очень большой. И его переполняли молодые, прекрасные и светлые лица. Они все были герои!

– Какая все-таки у нас молодежь хорошая, жизнерадостная! – сказал Сталин, глядя на них, Ворошилову.

– Замечательная молодежь, Коба! Сталинская молодежь! – ответил тот.

Банкет пока еще не начался, и толпа струилась и струилась сама сквозь себя. Мудрый Генеральный секретарь решил дать Героям немного пообщаться, покрасоваться друг перед другом, похвалиться своими орденами и медалями, шпалами и ромбами. А за стол они еще успеют. Еще не вечер.

А встреч было много и долгожданных, и не жданных вовсе...

– Дима! – окликнул полковника Погодина худой лысоватый майор-танкист с орденом Ленина и Золотой Звездой на груди.

– Пашка?! – с трудом узнал боевого товарища Дмитрий и неуверенно сказал. – А мне говорили...

– Меня оговорили... Но теперь все выяснилось, – первый Герой Советского Союза, получивший эту награду за боевые заслуги, Поль Арман очень изменился и постарел лет на десять, не меньше. – Когда Ежова разоблачили, новый нарком приказал пересмотреть все дела. И тех, кто уцелел, освободили... Меня тоже.

– И где ты сейчас?

– Учусь в Военной академии имени Фрунзе.

Оторвавшись от друзей, нашедших своих товарищей и увлеченно обменивающихся новостями, лейтенант Пономарев тоже решил оглядеться. Знакомых лиц было много, но все больше по портретам из газет.

Он узнал Жукова. Орденам становилось уже тесно на его широкой груди. За Китай Жуков был награжден третьим орденом Ленина и досрочно получил очередное воинское звание командарма первого ранга.

Рядом с ним толпилось много военачальников, желающих погреться в лучах Жуковской славы. Владимир заметил среди них и комбрига Куцепалова. С Золотой Звездой и тремя орденами. Свою удачу он держал за хвост не менее цепко, чем его бывший компаньон.

Известных людей вокруг было очень много...

Михаил Громов рядом с Байдуковым и Беляковым... Водопьянов, что-то увлеченно обсуждающий с Папаниным... Гризодубова с мужем... Марина Раскова. Такая красивая и такая суровая... Братья Коккинаки, Владимир и Константин... Смушкевич, как всегда окруженный толпой своих летчиков... А вон и первый Герой Советского Союза Анатолий

Ляпидевский.

Увы, но в праздничном кремлевском зале не было первого дважды Героя страны майора Грицевца. Нелепая случайность оборвала жизнь непревзойденного воздушного бойца и прекрасного человека!

Познакомившись с ним в начале августа, Сталин высоко оценил этого летчика и был сильно огорчен, когда ему сообщили о гибели Грицевца в авиакатастрофе... Из-за преступной халатности командования, во время перебазирования на аэродроме Балбасово под Оршей, самолеты одновременно заходили на посадку с противоположных сторон взлетной полосы. И столкнулись на пробеге. Грицевец уже стоял на крыле своего самолета, и при столкновении вращающимся пропеллером ему снесло голову.

Виновные понесли суровое наказание, но человека этим уже не вернешь! И какого человека! самого результативного советского истребителя! Дважды Героя! Это было так не вовремя!.. Поэтому вопреки сложившейся традиции Сталин не стал устраивать пышных похорон, фактически скрыв от страны его гибель. А начальника управления ВВС Локтионова с должности снял. Хватит! Сколько еще Героев у него угробится не в боях, а в катастрофах!

Завидев полковника Кравченко, Владимир подошел поздороваться.

Рядом с командиром он увидел и остальных героев двадцать второго истребительного Краснознаменного. Боевые товарищи обступили его, хлопая по плечам. А Кравченко тепло обнял. Порадовался за него, увидев ордена, и удивился, узнав, что за Китай Владимира обошли.

– Виктор, ты на Пономарева представление подавал? – спросил он майора Чистякова.

– Так точно, Григорий Пантелеевич! У него до полусотни боевых вылетов, три лично сбитых в Маньчжурии, полтора десятка штурмовок, тяжелое ранение... Полная cabina кровищи была, когда его без сознания оттуда вынимали. Как долетел, как сажился, непонятно... Я вообще-то на орден Ленина подавал. Может, на Знамя надо было? – пожал он плечами.

– Скорее всего, представление тормознули в штабе армии, – сказал батальонный комиссар Калачев. – Там у Пономарева есть «доброжелатели». Дружки Куцепаловские... Некто Ледневич с Иванищевым... Они похерили! Больше некому.

– Та-ак!.. Завтра с утра все встречаемся у меня в Летной инспекции. Потолкуем! И посмотрим, что можно сделать!

– Спасибо, Григорий Пантелеевич! – сказал Владимир. И так тепло ему стало от этой заботы! Как в родной семье оказался...

Вдруг он заметил еще одно знакомое лицо:

– Извините, товарищ полковник, разрешите отойти! Друга увидел!

– Иди, иди! Но не теряйся далеко! – отпустил его Кравченко.

Это был майор Галушка. Они обнялись с Владимиром.

– А Павел где? – огляделся тот. – Я читал Указ. Вам же обоим Героя дали!

Галушка тяжело вздохнул...

– Посмертно дали! Нету больше Пашки, – глаза у него предательски блеснули. – Таранил линкор! Флагмана самурайского Пашка утопил! На моих глазах!

«Да, что же это такое!» – помотал головой Владимир.

И тут... Вдруг... Увидел... Ее...

Галушка замолчал на полуслове. Лицо его товарища бледнело на глазах. Становясь белее, чем даже его седина. А глаза уплыли, ушли куда-то на глубину... Майор подхватил пошатнувшегося Владимира и, закинув его руку себе на плечо, отволок к ближайшему стулу.

«Это все контузия! Вон, какой шрамище на лбу!» – решил он.

И в это мгновение к ним подбежала невысокая, белокурая девушка, схватила лейтенанта за руку, заглянула ему в лицо и выдохнула:

– Что с ним?

Когда Владимир открыл глаза, он увидел любимое лицо, но, решив, что этого не может быть, снова медленно опустил веки...

И вдруг почувствовал легкое пожатие руки. И словно что-то взорвалось у него внутри. И он распахнул глаза во всю ширь!

– Ты... – прошептал Владимир. – Ты... А мне сказали, что тебя больше нет...

А она глядела на него своими огромными льдисто-серыми глазами и молча держала за руку...

Галушка смотрел на них, и что-то таяло у него в груди. Какой-то лед... И вдруг он решил. Завтра же он поедет в Луганск! И пойдет к Галине! Он возьмет ее за руку и скажет: «Ты – лучше всех! Я тебя люблю очень сильно!.. Прости, но Павло уже не вернуть... Выходи за меня замуж, Галю!»

На банкете Наталья и Владимир сидели рядом...

– Ну что же, наши дальневосточные границы мы укрепили, – в зале мгновенно затихло движение, гул разговоров и позвякивание посуды, как только Генеральный секретарь ЦК поднялся со своего места с бокалом в руке. – Границы на западе мы тоже отодвинули вперед. Пришло время позаботиться и о северо-западных границах. Враждебное окружение слишком близко подходит к городу великого Ленина, колыбели нашей революции. Мы обратились к Финляндии с предложением отодвинуть границу на север за вдвое большую территорию на другом участке. Но Финляндское правительство отказалось. Это было очень недальновидно с его стороны...

Теперь о так называемых странах Балтии. Это не настоящие государства, это – какие-то опереточные государства. Теперь, когда Польша, это уродливое детище Версальского сговора Антанты, аннулирована и Германия вплотную подошла к границам стран Балтии, им придется сделать выбор – или германская оккупация, или вступление в братскую семью советских республик. Это вопрос ближайшего будущего...

Сейчас я хочу поднять тост за образование Союза Дальневосточных Народных Республик! И за образование в будущем еще одного союза – Союза Прибалтийских Народных Республик... – Сталин поднял свой бокал и выпил, и все разом зазвенели своими, чокаясь друг с другом.

Владимир старался не смотреть на сидящую рядом с ним Наталью, чтобы только не спугнуть это видение. Он все еще не мог прийти в себя от счастья... А ведь он думал, что она погибла, что ее нет больше, что жизнь его уже окончена...

Бокал с шампанским задрожал у него руке, и он поставил его, чтобы не расплескать. Задрожал, потому что Наталья, нечаянно коснулась рукава его френча своим рукавом.

Владимира обдало таким жаром, так застучало его сердце, что он испугался, что все вокруг услышали. Но этот стук могла слышать только она...

Наталья наклонилась к нему и прошептала:

– Давай, убежим отсюда!

– А как? – Владимир мотнул головой на окружающий их праздник.

– А так... – улыбнулась она.

И они убежали...

Когда они вошли в его гостиничный номер, Владимир воткнул ключ в замочную скважину и автоматически повернул. Они разулись. Владимир снял свою шинель, потом принял шинель у Натальи и повесил обе в шкаф. Она прошла по номеру, заглянула в ванную комнату. А потом подошла к нему и взяла его за руки.

Они стояли и смотрели друг на друга. И не могли насмотреться. Он сам не заметил, как стал целовать ее прохладные с мороза щеки. И целовал, пока она не нашла его губы своими губами...

Внезапно Наталья слегка отодвинулась от него, и Владимир замер, не понимая. А она, глядя ему прямо в глаза, стала медленно, одну за другой, расстегивать пуговицы на его френче, а когда они кончились, сняла его и бросила на стул. Затем она также медленно распустила его галстук и, стянув вниз, уронила на пол.

Владимир стоял как замороженный и не мог пошевелиться.

А Наталья, продолжая смотреть на него своими огромными льдисто-серыми глазами,

не глядя, расстегнула манжеты на его рубашке. Одна пуговка отлетела, но ни он, ни она этого даже не заметили. Между тем ее подрагивающие пальцы все быстрее расстегивали оставшиеся пуговицы на его рубашке, пока она не распахнулась. И тогда она положила ему руки на плечи под нее, и, подчиняясь движению ее ладоней, рубашка сползла сама...

Наталья прижалась к Владимиру, обнимая и глядя, и стала целовать шрамы от пуль на его груди. Тогда он запустил свои ладони в ее золотистые локоны, вдохнул их тонкий аромат, и голова у него закружилась. А Наталья снова отодвинулась и, глядя на Владимира в упор и глубоко дыша, стала расстегивать свой френч, а потом повела плечами и уронила его. Мгновение спустя вслед за ним соскользнула на пол юбка.

У Владимира шумело в голове, горели щеки, во рту все пересохло.

Наталья развязала галстук, расстегнула манжеты и подняла руки. И Владимир, повинувшись немоту призыву, стянул с нее рубашку, под которой больше уже ничего не было.

И тогда она прижалась к нему, и его руки, перестав ему подчиняться, покатались по горячему девичьему телу. А она взяла его лицо в ладони и стала целовать его губы, щеки, глаза.

Владимир был как в тумане.

А мгновение спустя ее руки тоже вырвались из-под контроля и принялись лихорадочно расстегивать его брючный ремень...

Они пришли в себя очень не скоро. Наталья беззвучно плакала, улыбаясь сквозь слезы. А он целовал ее соленые губы, глаза и щеки и шептал какие-то глупые, ненужные слова. А потом все повторилось. И она не плакала больше, а лежала, притихнув и положив голову ему на грудь...

Когда Владимир открыл глаза, Наталья, подперевшись ладонью, смотрела на него сияющими глазами. Увидев, что он проснулся, она принялась целовать его, прижимаясь к нему своей высокой грудью, и у Владимира опять все поплыло перед глазами. И они снова потеряли счет времени...

Но оно само напомнило о себе стуком в дверь. За окном было уже совсем темно. Стучал сосед Владимира по номеру. Они затихли. Майор немного потолокся у двери и отправился искать горничную, видимо, решив, что Владимир где-то в гостинице и просто вышел по делам, заперев номер.

Быстро одеваться его научили еще в авиашколе. Быстро заправлять постель он научился там же. А когда через минуту он с этим закончил, Наталья вышла из ванны уже причесанная и полностью одетая. Светлая, как апрельское утро...

Они схватили свои шинели и, взявшись за руки, так никем и не замеченные, вместе покинули этот чудесный, самый волшебный в мире номер.

А потом до утра целовались, стоя в подъезде ее дома, и никак не могли расстаться.

– Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя, – шептал он.

– Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя, – шептала она.

Им нельзя было расставаться!

– Ты выйдешь за меня замуж? – спросил Владимир.

Наталья вместо ответа ласково закрыла ему рот поцелуем.

– Скажи, ты выйдешь за меня? – через какое-то время снова спросил он.

– Куда ты денешься... – ответила она и засмеялась, уткнувшись лицом ему в шинель.

Совершенно счастливая.

А тучи на северо-западных границах хмурились все сильнее и сильнее...